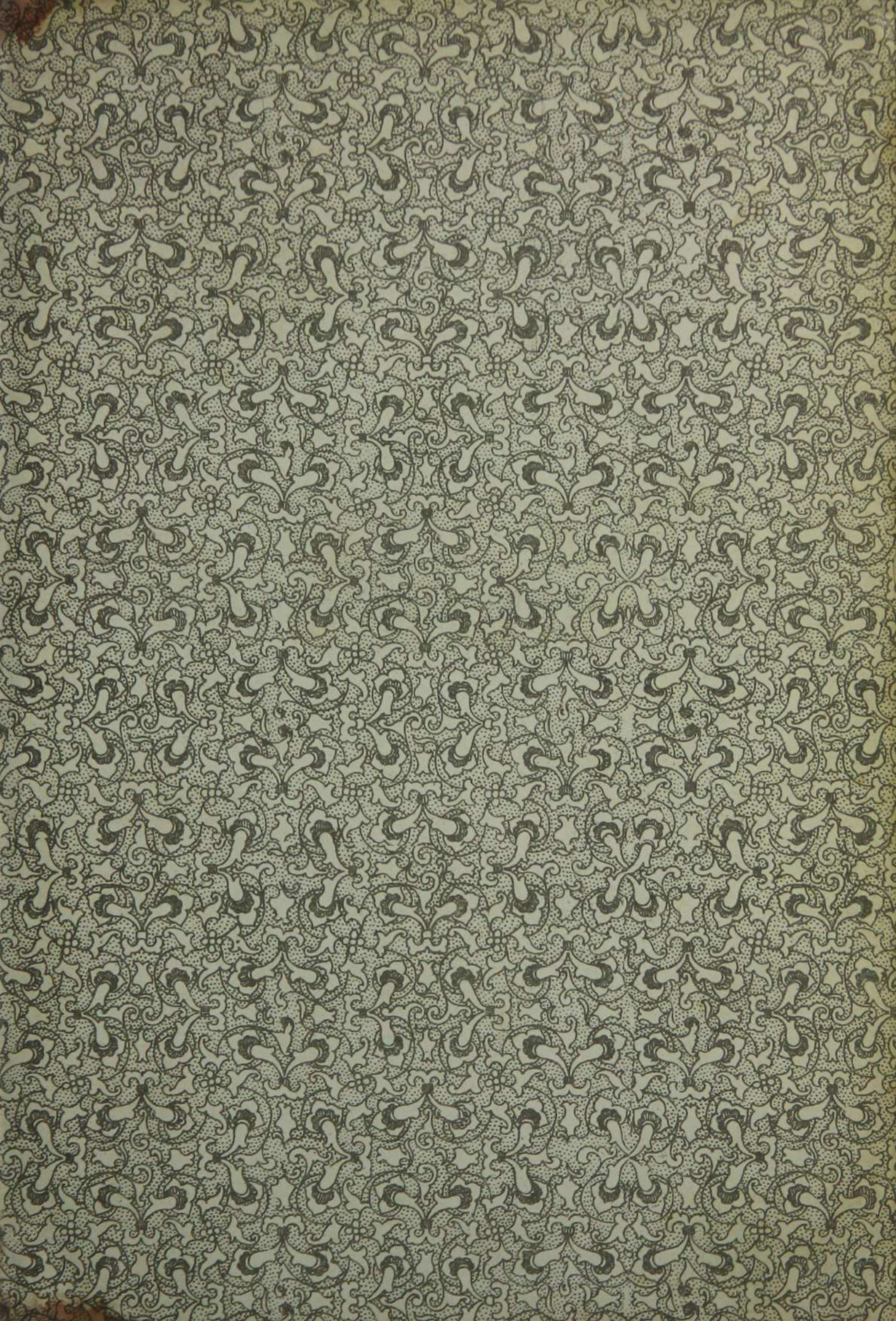
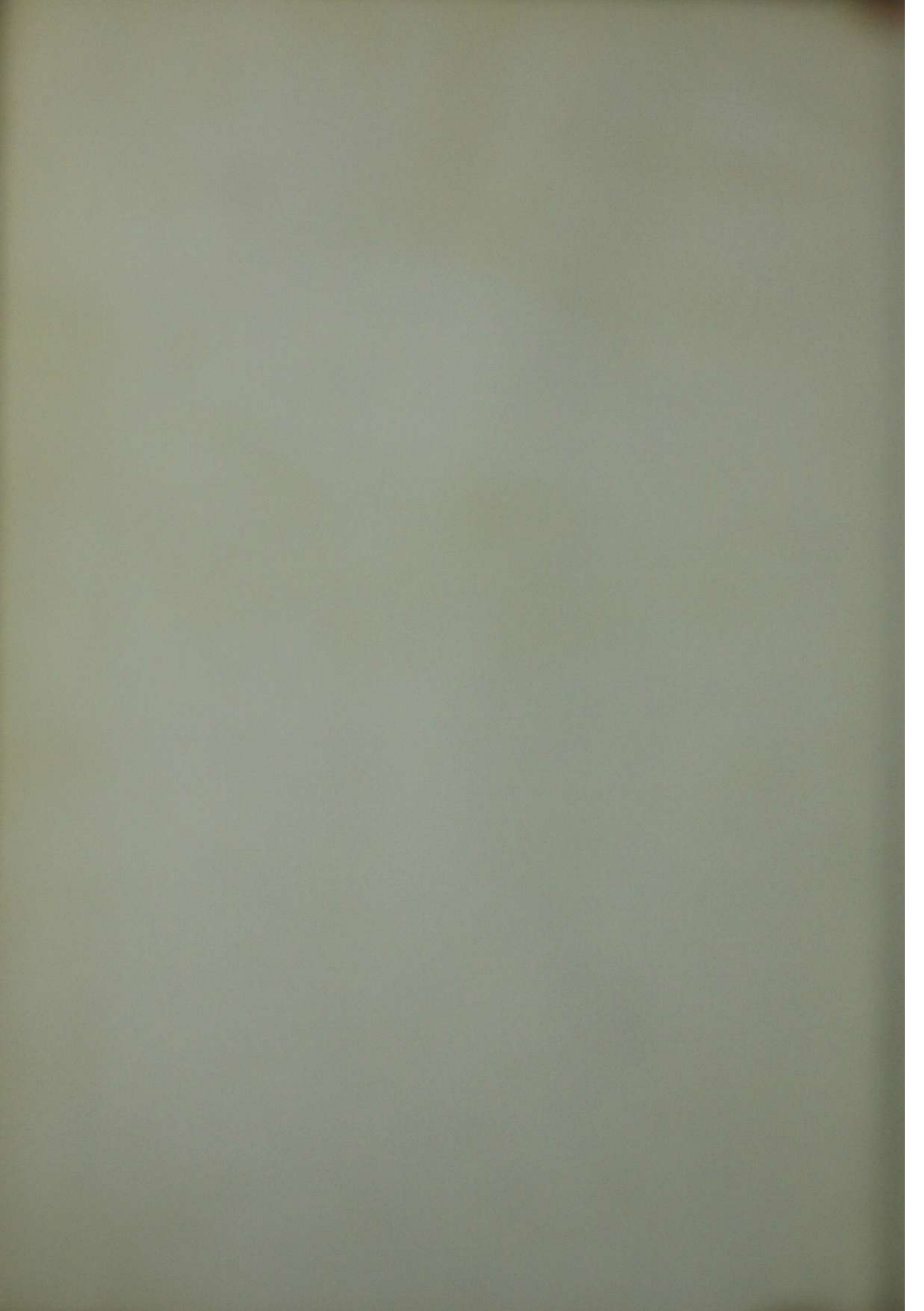

B. Spruce

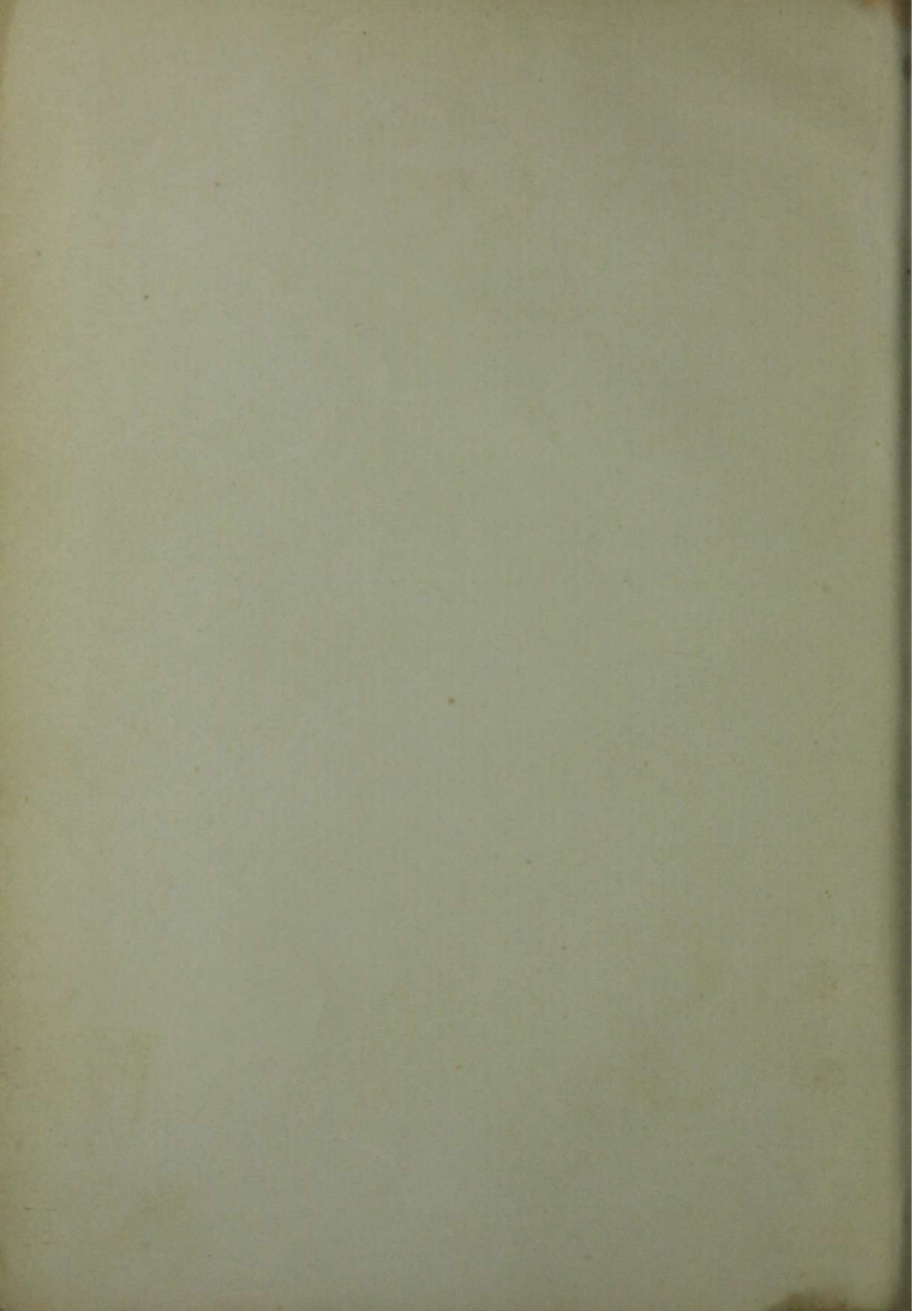

ПУТИ И ПЕРЕПУТЬЯ

ТОМЪ II.

84(2-411.2)53
Б 89

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ.

ПУТИ И ПЕРЕПУТЬЯ

СОБРАНИЕ СТИХОВЪ.

ТОМЪ II.

РИМУ И МИРУ. / ВЪНОКЪ.

(1901 / 1905 г.)

ДАР
Л. С. ПОЛЕВОГО

МОСКВА.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СКОРПИОНЪ».

1908.

ГУМАНИТАРНЫЙ
ЦЕНТР
Г. ИРКУТСК
27097

ИВУК
«ГЦ»

ФОНД РЕДКИХ КНИГ ВАЛЕРИЙ БРЮСОВЪ.

СБОРНИКИ СТИХОВЪ.

Chefs d'Œuvre. (1894—1896 г.)	Распродано.
Me eum esse. (1896—1897 г)	Распродано.
Tertia Vigilia. (1898—1900 г.)	Распродано.
Urbi et Orbi. (1900—1903 г.)	Распродано.
Stephanos. (1903—1905 г.)	Распродано.
Пути и перепутья. Томъ I (1892—1901 г.) .	Ц. 2 р.
Пути и перепутья. Томъ II (1901—1905 г.)	Ц. 2 р.
Всѣ наѣвы. (1906—1908 г.)	Печатается.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОЗА.

Земная Ось. Разказы. (1901—1906 г.)	Ц. 1 р 50 к.
Огненный Ангелъ. Повѣсть XVI в. Часть I.	Ц. 2 р.
Огненный Ангелъ. Повѣсть XVI в. Часть II.	Печатается.

ПЕРЕВОДЫ.

Поль Верленъ. Романы безъ словъ.	Распродано.
Эмиль Верхарнъ. Стихи о современности.	Ц. 1 р. 30 к.
М. Мэтерлинкъ. Пеллеасъ и Мелизанда и стихи.	Ц. 1 р.
Поль Верленъ. Собрание стиховъ.	Печатается.
Г. д'Аннунціо. Франческа да Римини. (Въ со- рудничествѣ съ Вяч. Ивановымъ).	Печатается.

ИЗСЛѢДОВАНИЯ И СТАТЬИ.

О искусствѣ. Статьи.	Распродано.
Письма Пушкина къ Пушкину.	Ц. 1 р. 50 к.
Лицейскіе стихи Пушкина.	Ц. 1 р.
Вѣхи. Статьи. (1900—1908 г.)	Готовится.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО II ТОМУ

ПУТЕЙ И ПЕРЕПУТІЙ.

Во второй томъ „Путей и Перепутій“ вошли стихи, ранѣе напечатанные въ моихъ книгахъ „Urbi et Orbi“ (1903 г.) и „Stephanos“ (1906 г.). Критика, какъ дружественная, такъ и враждебная, всегда указывала на эти два сборника, какъ на особенно характерные для моей поэзіи. Кромѣ того, по самому замыслу, каждая изъ этихъ книгъ представляетъ нѣчто цѣльное, не позволяющее безнаказанно видоизмѣнять въ ней расположеніе частей или пропускать отдѣльныя страницы. Потому, перепечатывая „Urbi et Orbi“ и „Stephanos“, я не сдѣлалъ почти никакихъ измѣненій ни въ выборѣ стихотвореній, ни въ порядкѣ ихъ.

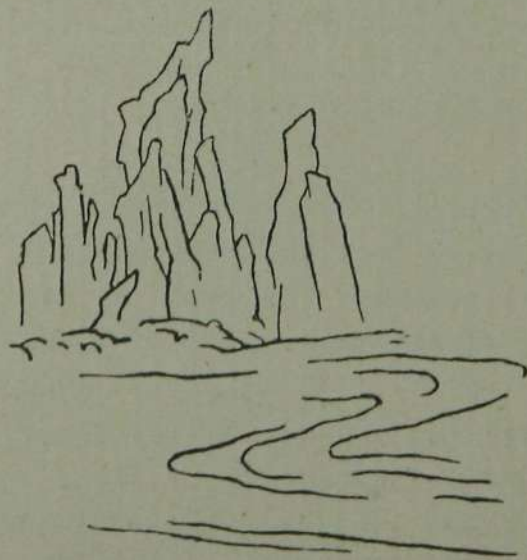
Однако, я счелъ нужнымъ присоединить къ этимъ цикламъ стихотвореній тѣ, которыя въ свое время не вошли въ нихъ или случайно, или по причинамъ, отъ меня не зависѣвшимъ. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ стихи, собранные позднѣе въ „Золотомъ Рунѣ“ (1906 г. № 1) подъ общимъ заглавіемъ „Воскресшія пѣсни“. Два изъ нихъ напечатаны въ этомъ томѣ, но одно, „Призывъ“, я предпочелъ опустить и теперь. Оно должно было бы занять свое мѣсто среди „Балладъ“.—Также рѣшился я опустить изъ обоихъ сборниковъ нѣсколько стихотвореній, не считая тѣхъ, которыя, въ I томѣ „Путей и Перепутій“, распределены по различнымъ отдѣламъ „Третьей

Стражи“. Напримѣръ, я нашель несвоевременнымъ перепечатывать такіе стихи, какъ „Къ Тихому океану“, „Іюль 1903 г.“, „Солдатская“; два-три стихотворенія откинулъ, какъ рѣшительно неудачныя; одно стихотвореніе (изъ „Вѣнка“) перенесъ въ свою новую книгу, подготовляемую мною къ печати, гдѣ оно займетъ свое мѣсто въ цѣломъ циклѣ, и т. д.

Особенно внимательный читатель, можетъ быть, замѣтитъ еще, что нѣкоторые отдѣльные стихи, впрочемъ, немногіе, измѣнены сравнительно съ ихъ первоначальной редакціей. Мнѣ кажется, что я не лишень права совершенствовать свои произведенія, если вижу въ нихъ промахи и недочеты. Впрочемъ что касается цѣлыхъ строфъ, добавленныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, то онѣ были написаны одновременно съ самымъ созданіемъ стихотворенія и теперь лишь возстановлены мною.

Мартъ 1908.

Валерій Брюсовъ.

РИМУ И МІРУ

(1901—1903)

К. Д. БАЛЬМОНТУ,

ПОЭТУ И БРАТУ.

Изъ сборника «Urbi et Orbi».

По улицамъ узкимъ, и въ шумъ и ночью, въ театрахъ, въ садахъ я бродилъ,
И въ явственной думѣ грядущее видя, за жизнью, за суцимъ слѣдилъ.
Я пѣсни слагалъ вамъ о счастья, о страсти, о высяхъ, границахъ, путяхъ,
О прежнихъ столицахъ, о будущей власти, о всемъ распростертомъ во прахъ.
Спокойныя башни, и бѣлыя стѣны, и пѣна раздробленныхъ рѣкъ,
Въ восторгъ всегдашнемъ, дрожали, внимали стихамъ, прозвучавшимъ навѣкъ.
И дѣвы и юноши встали, встрѣчая, вѣнчая меня какъ царя,
И тѣнямъ подобно лилась по ступенямъ потокомъ широкимъ заря.
Довольно, довольно! я васъ покидаю! берите и сны и слова!
Я къ новому раю спѣшу, убѣгаю, мечта неизмѣнно жива!
Я создалъ, и отдалъ, и поднялъ я молотъ, чтобъ снова сначала ковать.
Я счастливъ и силенъ, свободенъ и молодъ, творю, чтобы кинуть опять!

ВСТУПЛЕНІЯ.

І. ЛѢСТНИЦА.

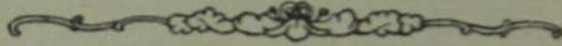
Все каменнѣй ступени,
Все круче, круче всходѣ.
Желанье достижений
Еще влечетъ впередъ.

Но думы безнадежнѣй
Подъ пылью долгихъ лѣтъ.
Увѣренности прежней
Въ душѣ упорной—нѣтъ.

Помедливъ на мгновенье,
Бросаю взглядъ назадъ:
Какъ бѣлой цѣпи звенья—
Ступеней острыхъ рядъ.

Ужель въ быломъ ступала
На всѣ нога моя?
Давно ушло начало,
Въ безбрежности края,

И лѣстница все круче...
Не оступлюсь ли я,
Чтобъ стать звѣздой падучей
На небѣ бытія?

2. ПОСЛѢДНЕЕ ЖЕЛАНЬЕ.

Гдѣ я послѣднее желанье
Осуществлю и утолю?
Найду ль невысказанное знанье,
Которое, таясь, люблю?

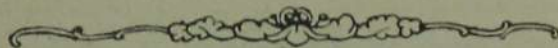
Приду ли въ скитъ уединенный,
Горящій главами въ лѣсу,
И въ келью бредъ неутоленный
Къ ночной лампадѣ понесу?

Иль въ городѣ, гдѣ стѣны давятъ,
Въ часы безумныхъ баррикадъ,
Когда Мечта и Буйство правятъ,
Я слиться съ жизнью буду радъ?

Иль, навсегда привѣтивъ книги,
Вѣковъ мечтами упоенъ,
Я вамъ отдамъся,—миги! миги!—
Бездонный, многозвонный сонъ?

Я разныхъ ратей былъ союзникъ,
Носилъ чужія знамена,
И вотъ опять, какъ алчный узникъ,
Смотрю на волю изъ окна.

3. У СЕБЯ.

Такъ все понятно и знакомо,
Ко всѣмъ изгибаю глазъ привыкъ;
Да, не ошибся я, я—дома:
Цвѣты обоевъ, цѣпи книгъ...

Я старый пепель не тревожу,—
Здѣсь былъ огонь и вотъ остылъ.
Какъ змѣй на сброшенную кожу,
Смотрю на то, чѣмъ прежде былъ.

Пусть много гимновъ не допѣто
И не исчерпано блаженствъ,
Но чую блескъ иного свѣта,
Возможность новыхъ совершенствъ!

Меня зоветъ къ безвѣстнымъ высямъ
Въ горахъ поющая весна,
А эта груда женскихъ писемъ
И не жива, и холодна!

Лучей зрачки горятъ на росахъ,
 Какъ серебромъ все залито...
 Ты ждешь меня у двери, посохъ!
 Иду! иду! со мной—никто!

4. ПОБѢГЪ.

И если страстный, въ часъ завѣтный,
 Заслышу я мой трубный звукъ...

Tertia Vigilia.

Мой трубный гласъ, ты мной слышанъ
 Сквозь утомленный, сладкій сонъ!
 Альковъ, таинственень и пышенъ,
 Насъ облегалъ со всѣхъ сторонъ.

И въ этой мглѣ прошли—не знаю,—
 Быть можетъ, годы и вѣка.
 И я былъ странно близокъ раю,
 И жизнь шумѣла, далека.

Но вздрогнулъ я, и вдругъ воспрянулъ,
 И разорвалъ кольцо изъ рукъ.
 Какъ молнія, мнѣ въ сердце глянулъ
 Побѣдно возраставшій звукъ.

И сонъ, который былъ такъ дологъ,
Вдругъ краткимъ сталъ, какъ все во снѣ.
Я распахнулъ тяжелый пологъ
И потонулъ въ палящемъ днѣ.

Въ послѣдній разъ взглянулъ я свыше
Въ мое высокое окно:
Увидѣлъ солнце, небо, крыши
И города морское дно.

И странно мнѣ открылась новой,
Въ тотъ полный и мгновенный мигъ,
Вся жизнь толпы многоголовой,
Заботы вспѣненный родникъ.

И я—въ слезахъ, что снова, снова
Душѣ открылся мѣръ другой,—
Бѣгу отъ пышнаго алькова,
Безумный, вольный и нагой!

5. РАБОТА.

Здравствуй, тяжкая работа,
Плугъ, лопата и кирка!
Освѣжаютъ капли пота,
Ноетъ сладостно рука!

Прочь вѣнки, дары царевны,
Упадай порфира съ плечь!
Здравствуй, жизни повседневной
Грубо кованная рѣчь!

Я хочу извѣдать тайны
Жизни мудрой и простой.
Всѣ пути необычайны,
Путь труда, какъ путь иной.

Въ часъ, когда устанеть тѣло,
И ночлегомъ будетъ хлѣвъ,—
Мнѣ подъ кровлей закоптѣлой
Что приснится за напѣвъ?

Что возстануть за вопросы,
Опьянять что за слова,
Въ часъ, когда подъ наши косы,
Ляжетъ влажная трава?

А когда, и въ дождь и въ холодъ,
Зазвенить кирка моя,
Буду ль вѣрить, что я молодъ,
Буду ль знать, что силенъ я?

6. ИСКАТЕЛЬ.

О, прекрасная пустыня!
Прійми мя въ свою густыню.
Н а р о д н ы й   с т и х ь .

Пришелъ я въ крайнія пустыни,
Брожу въ лѣсахъ, гдѣ нѣтъ путей,
И долго мнѣ не быть отнынѣ
Среди ликующихъ людей!

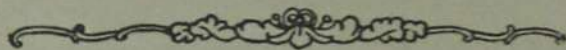
За мной—последняя просьба,
Въ грозящей чащѣ нѣтъ слѣда.
Въ напѣвы птицъ зовъ человѣка
Здѣсь не врывался никогда.

Что я увижу? Что узнаю?
Какъ примутъ тишину мечты?
Какъ будутъ радоваться маю,
Встрѣчая странные цвѣты?

Быть можетъ, на тропахъ звѣриныхъ,
Въ зеленыхъ тайнахъ одичавъ,
Навѣкъ останусь я въ лощинахъ
Впивать дыханье жгучихъ травъ.

Быть можетъ, заблудясь, устану,
Умру въ травѣ подъ шелестъ змѣй,
И долго черезъ ту поляну
Не перевьется слѣдъ ничей.

А, можетъ, вѣренъ путь, и вскорѣ
Настанетъ невозможный часъ,
И минетъ лѣсъ—и глянетъ море
Въ глаза мнѣ миллиономъ глазъ.

7. НИТЬ АРІАДНЫ.

Вперяю взоръ, безсильно жадный:
Вездѣ кругомъ сырая мгла.
Какимъ путемъ нить Аріадны
Меня до бездны довела?

Я помню сходы и проходы,
И заль круги и лѣстницъ винтъ,
Изъ міра солнца и свободы
Вступилъ я, дерзкій, въ лабиринтъ.

Въ рукахъ я несъ клубокъ царевны,
Я шелъ и пѣлъ; тянулась нить.
Я счастливъ былъ, что жаръ полдневный
Въ подземной тьмѣ могу избыть.

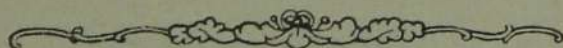
И, видѣвъ странные чертоги
И посмотрѣвъ на чудеса,
Я повернулъ на поль-дорогѣ,
Чтобъ выйти вновь подъ небеса,

Чтобъ послѣ тайнъ безлюдной ночи
Меня ласкала синева,
Чтобъ цѣловать подругу въ очи,
Прочтя завѣтныя слова...

И долго я бѣжалъ по нити
И ждалъ: пахнетъ весна и свѣтъ.
Но воздухъ былъ все ядовитѣй
И гуще тьма... Вдругъ нити—нѣтъ.

И я одинъ въ беззвучномъ залѣ.
Мой факель пальцы мнѣ обжегъ.
Завѣсой сумерки упали.
Въ бездонномъ мракѣ нѣтъ дорогъ.

Я, путешественникъ случайный,
На подвигъ трудный обреченъ.
Мститъ лабиринтъ! Святыя тайны
Не выдаетъ пришельцамъ онъ.

8. БЛУДНЫЙ СЫНЪ.

Такъ отрокъ Библіи, безумный расточитель...

Пушк ин ъ.

Ужели, перешедши рѣки,
Завижу я мой отчій домъ
И упаду, какъ отрокъ нѣкій,
Повергнуть скорбью и стыдомъ?

Я уходилъ, исполненъ вѣры,
Какъ лучникъ опытный на ловъ,
Мнѣ снились тирскія гетеры
И сонмъ сидонскихъ мудрецовъ.

И вотъ, что грезилось, все было:
Я видѣлъ все, всего достигъ.
И сердце жгучихъ ласкъ вкусило,
И умъ рѣчей мудрѣ книгъ.

Но, расточивъ свои богатства
И кубки всѣхъ отравъ испивъ,
Какъ воръ, свершившій святотатство,
Бѣжалъ я въ міръ лѣсовъ и нивъ.

Я одиночество, какъ благо,
Привѣтствовалъ въ ночной тиши,
И травъ серебряная влага
Была бальзамомъ для души.

И вдругъ такимъ недостижимымъ
Представился мнѣ домъ родной,
Съ его всходящимъ тихо дымомъ
Надъ высыхающей рѣкой!

Гдѣ въ годы ласковаго дѣтства
Святыней чувствъ владѣлъ и я,—
Мной расточенное наслѣдство
На яркомъ пирѣ бытія!

О,—еслибъ было вновь возможно
На міръ лицомъ къ лицу взглянуть,
И, безраздумно, безтревожно,
Въ мгновеньяхъ жизни потонуть!

9. У ЗЕМЛИ.

Я бѣ хотѣлъ забыться и заснуть.

Л е р м о н т о в ъ.

Помоги мнѣ, мать-земля!
Съ тишиной меня сосватай!
Глыбы черныя дѣля,
Я стучусь къ тебѣ лопатой.

Ты всему живому—мать,
Ты всему живому—сваха!
Перстень свадебный сыскать
Помоги мнѣ въ комьяхъ праха!

Мать, мольбу мою услышь,
Осчастливь послѣднимъ бракомъ!
Ты вѣнчаешь съ вѣтромъ тишь,
Лугъ съ росой, зарю со мракомъ

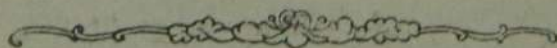
Помоги сыскать кольцо!..
Я объ немъ безъ слезъ тоскую
И, упавъ, твое лицо
Въ губы черныя цѣлую.

Я тебя чуждался, мать,
На асфальтахъ, на гранитахъ...
Хорошо мнѣ здѣсь лежать
На грядяхъ, недавно взрытыхъ.

Я—твой сынъ, я тоже—прахъ,
Я, какъ ты,—звено созданій.
Такъ откуда—страсть и страхъ,
И бессонный бредъ исканій?

Въ синевѣ плыветъ весна,
Вѣтеръ вольно носить шумы...
Гдѣ ты, дѣва-тишина,
Жизнь безъ жажды и безъ думы?..

Помоги мнѣ, мать! Къ тебѣ
Я стучусь съ послѣдней силой!
Или ты, въ отвѣтъ мольбѣ,
Обручишь меня—съ могилой?

10. ВЪ ОТВѢТЪ.

П. П. Перцову.

Довольно, пахарь терпѣливый,
Я плугъ тяжелый свой водилъ.

А. Хомяковъ.

Еще я долго поброжу
По бороздамъ земного луга,
Еще не скоро отрѣшу
Вола усталого—отъ плуга.

Впередъ, мечта, мой вѣрный вошь!
Неволей, если не охотой!
Я близъ тебя, мой кнутъ тяжелъ,
Я самъ тружусь, и ты работай!

Нельзя намъ мига отдохнуть,
Взрывай земли сухія глыбы!
Недологъ день, но длиненъ путь,
Веди, веди свои изгибы.

Ужъ полдень. Жаръ палитъ сильнѣй.
Не скоро тѣнь надъ нами ляжетъ.
Пустыненъ кругозоръ полей.
«Богъ—помочь!» намъ никто не скажетъ.

А помнишь, какъ пускались мы
Весеннимъ, свѣжимъ утромъ въ поле,
И думали до сладкой тьмы
Съ другими рядомъ пѣть на волѣ?

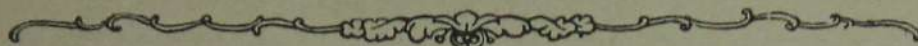
Забудь объ утренней росѣ,
Не думай о ночномъ покоѣ!
Иди по знойной полосѣ.
Мой вѣрный волѣ,—насъ только двое!

Намъ Кѣмъ-то Высшимъ подвигомъ данъ
И спросить властно Онъ отчета...
Трудись, пока не легъ туманъ,
Смотри: лишь начата работа!

А въ часъ, когда намъ темнота
Закроетъ всѣ предѣлы круга,
Не я, а тотъ, Другой,—мечта,
Самъ отрѣшить тебя отъ плуга!

П Ъ С Н И.

1. ФАБРИЧНАЯ.

Какъ пойду я по бульвару,
Погляжу на эту пару.
Подарилъ онъ ей цвѣтокъ—
Темносиній василекъ.

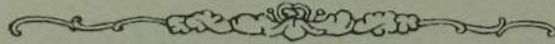
Я ль не звалъ ее въ бесѣдку?
Предлагалъ я ей браслетку.
Она сердца не взяла,
И съ другимъ гулять пошла.

Какъ они другъ другу любви!
Онъ ее цѣлуетъ въ губы,
И не стыдно имъ людей,
И меня не видно ей.

Онъ улестить, онъ упросить,
Стыдъ дѣвичій она бросить!
Ихъ до дома провожу,
Передъ дверью посижу.

Будетъ лампы свѣтъ въ окошкѣ...
Различу ея сережки...
Вдругъ погаснетъ тихій свѣтъ,—
Я вздохну ему въ отвѣтъ.

Буду ждать я утра въ скверѣ,
Она выйдетъ изъ той двери.
На груди ея цвѣтокъ,—
Темносиній василекъ.

2. ФАБРИЧНАЯ.

Есть улица въ нашей столицѣ.
Есть домикъ, и въ домикѣ томъ
Ты пятую ночь въ огневицѣ
Лежишь на одрѣ роковомъ.

И каждую ночь регулярно
Я здѣсь подъ окошкомъ стою,
И сердце мое благодарно,
Что видитъ лампадку твою.

Ахъ, если бъ ты чуяла, знала,
Чье сердце стучить у окна!
Ахъ, если бъ въ бреду угадала.
Чья тѣнь поминутно видна!

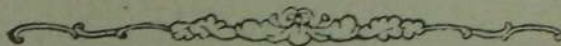
Не снятся ль тебѣ наши встрѣчи
На улицѣ, въ жуткѣй морозѣ,
Иль наши любовныя рѣчи
И ласки, и ласки до слезъ?

Твой мужъ, задремавши на стулѣ,
Проспитъ, что ты шепчешь въ бреду;
А я до зари караулю
И только при солнцѣ уйду.

Мнѣ вечеромъ дворники скажутъ,
Что ты поутру отошла,
И молча въ окошко укажутъ
Тебя посрединѣ стола.

Войти я къ тебѣ не посмѣю,
Но, земный поклонъ положивъ,
Пойду изъ столицы въ Рассею
Рыдать на раздоліи нивъ.

Я въ камняхъ промучился долго,
И въ нихъ загубилъ я свой вѣкъ.
Прими меня, матушка Волга,
Царица великая рѣкъ.

3. ДѢТСКАЯ.

Палочка-выручалочка,
Вечерняя игра!
Небо тѣни свѣсило,
Расшумимся весело,
Бѣгать намъ пора!

Разъ, два, три, четыре, пять,
Бѣгомъ тѣни не догнать.
Слово скажешь, въ траву ляжешь
Черной цѣпи не развяжешь.
Снизу яма, сверху высь,
Между нихъ вертись, вертись.

Что подъ нами, подъ цвѣтами,
За желѣзными столбами?
Кто на тронѣ? кто въ коронѣ?
Вѣтеръ высюю листья гонить
И уронить съ высоты...
Я ли первый, или ты?

Палочка-выручалочка,
То-то ты хитра!
Небо тѣни свѣсило,
Постучи-ка весело
Посреди двора.

4. СБОРЩИКОВЪ.

Пожертвуйте, благодѣтели,
На новый колоколь,—
Гласъ Господень.
Звонъ колокольный
Съ напѣвомъ ангельскимъ
Дивно сходень.

Святые отшельники
Въ видѣньяхъ слышали
Ликъ небесный;
Святые отшельники
Вѣрно запомнили,
Нездѣшнія пѣсни.

Нашъ звонъ православный
Напѣвомъ ангельскимъ
Поеть и трубить.
Пожертвуйте, православные,
На новый колоколь,
Что милость будетъ.

Васъ Богъ не забудеть.

5. ДѢВИЧЬЯ.

То-то жизнь наша прискорбна:
Мы весь день разлучены!
Но зато всю ночь подробно
Про тебя я вижу сны.

Какъ ты, бѣдный другъ, страдаешь
Подъ гудѣнье, за станкомъ,
Какъ, закрывъ лицо, рыдаешь,
Что съ весельемъ незнакомъ.

Что мнѣ сдѣлать, неудачной?
Чѣмъ мнѣ милому помочь?..
Полно мнѣ считаться прачкой!
Я уйду на долгу ночь.

Полюблюсь на тротуарѣ
Я богатому купцу,
Укачу я съ нимъ на парѣ,
До утра съ нимъ прокучу.

Будутъ серьги, будетъ брошка,
Будутъ деньги въ портмонѣ.
Я себѣ возьму немножко,—
За другимъ приди ко мнѣ.

Подарю тебѣ часы я
На цѣпочкѣ золотой...
Можетъ, деньги и чужія,
Да подарокъ будетъ мой!

Если съ кѣмъ я цѣловалась,—
Онъ уѣхалъ въ Верею.
Я тебѣ вѣрна осталась,
Ты, котораго люблю.

6. ВЕСЕЛАЯ.

Дай мнѣ, Ваня, четвертакъ,
Пожертвуй полтинникъ!
Что ты нынче весель такъ,
Словно именинникъ?

Раскошешься до гроша,
Не теряй минуты.
Или я не хороша?
Мои плечи круты!

Надо жить, чтобъ пьяной быть
До обѣда, влежку,
Чтобъ поутру не тужить
Про нашу дорожку.

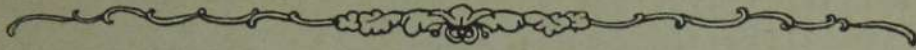
Чтобы щеки отъ тѣхъ слезъ,
Бѣлыя, не пухли,
Я румянюсь ярче розъ
Подвиваю букли.

Если жъ станетъ невтерпежъ
Съ мутнаго похмѣля,
Ты опять, опять придешь,
Принесешь веселья.

Буду ждать я часъ—другой,
Гдѣ-то мой сударикъ?
Помни, помни, другъ милой,
Красненькій фонарикъ!

БАЛЛАДЫ.

1. РАБЪ.

Я—рабъ, и былъ рабомъ покорнымъ
Прекраснѣйшей изъ всѣхъ царицъ.
Предъ взоромъ, пламеннымъ и чернымъ,
Я молча повергался ницъ.

Я лобызалъ слѣды сандалій
На влажномъ утреннемъ пескѣ.
Меня мечтанья опьяняли,
Когда царица шла къ рѣкѣ.

И разъ—мой взоръ, сухой и страстный.
Я удержать въ пыли не могъ,
И онъ скользнулъ къ лицу прекрасной,
И очи бѣгло ей обжегъ...

И вздрогнула она отъ гнѣва.
Казнь—оскорбителямъ святынь!
И вдаль пошла - среди напѣва
За ней толпившихся рабынь.

И въ ту же ночь я былъ прикованъ
У ложа царскаго, какъ песъ.
И весь дрожалъ я, очарованъ
Предчувствіемъ безвѣстныхъ грезъ.

Она вошла стопой неспѣшной,
Какъ только жрицы входятъ въ храмъ,
Такой прекрасной и безгрѣшной,
Что было тягостно очамъ.

И падали ея одежды
До ткани, бывшей на груди...
И въ ужасѣ сомкнулъ я вѣжды...
Но голосъ мнѣ шепнулъ: гляди!

И юноша скользнулъ къ постели.
Она, покорная, ждала...
Лампадъ свѣтильни прошипѣли,
Настала тишина и мгла.

И было все на бредъ похоже!
Я былъ свидѣтель чаръ ночныхъ,
Всего, что тайно кроетъ ложе,
Ихъ содроганій, стоновъ ихъ.

Я утромъ увидалъ ихъ—рядомъ!
Еще дрожащихъ въ смѣнѣ грезъ!
И вплоть до дня впивался взглядомъ,—
Прикованъ къ ложу ихъ, какъ песъ.

Вотъ сосланъ я въ каменоломню,
Дроблю гранитъ, стирая кровь.
Но эту ночь я помню! помню!
О, если бь пережить все—вновь!

2. ПЕПЛУМЪ.

Знаю сумрачный находъ
Страсти, медленно пьянящей:
Словно шумъ далекихъ водъ,
Водопадъ въ скалахъ кипящій.

Я иду, иду одна
Вдоль стѣны, укрыта тѣнью:
Знаю—ночь посвящена
Наслажденью и паденью.

Статный юноша пройдетъ,
Щитъ о мечъ случайно брякнетъ,—
Громче шумъ бѣгущихъ водъ,
Водопадъ мой не изсякнетъ!

Наконецъ, безъ силъ, безъ словъ,
Дрожь въ рукахъ и взоры смутны,
Я слышу жданный зовъ—
Быть подругою минутной.

Я пойду за нимъ, за нимъ
Въ переулочкѣ опустѣлый,
Черный плащъ его, какъ дымъ,
Пеплумъ мой, какъ саванъ бѣлый.

Я войду къ нему, къ нему...
О, скорѣй гасите свѣчи!
Я хочу вступить во мглу.
Свѣтъ померкъ, померкли рѣчи.

Кто-то... гдѣ-то... чьихъ-то рукъ
Слышу, знаю впечатлѣнья.
Я хочу жестокихъ мукъ,
Ласкъ и мукъ безъ промедленья.

Набѣгаетъ сумракъ вновь,
Сумракъ съ отсвѣтомъ багрянымъ,
Это ль пламя? это ль кровь?
Кровь, текущая по ранамъ?

Ночь—какъ тысяча вѣковъ,
Ночь—какъ жизнь въ поляхъ за Летою.
Гасну въ запахѣ цвѣтовъ,
Сплю въ водѣ, лучомъ согрѣтой...

...Въ прорѣзъ узкаго окна
Глянетъ утро взоромъ бѣлымъ
Прочь! оставь!—иду одна
Переулкомъ опустѣлымъ.

Сладко нѣжитъ тишина,
Съ тишиной роднится тѣло,
Стѣнь воскресшихъ бѣлизна
Оттѣняетъ пеплумъ бѣлый.

3. РАБЫНИ.

Она была какъ свѣтъ прекрасна,
И какъ сіяніе свѣтла.
Она къ намъ въ душу тѣнюю страстной,
Отрадой сладостной вошла

Она—царевна, мы—рабыни.
Двѣ эѳіопки, цѣлый день
Мы вѣеръ двигали павлиній,
Ей тихо навѣвая тѣнь.

Когда же время наступало
Устать, мы въ ложницѣ надъ ней
Опять качали опахало,
И тихъ былъ вѣтеръ межъ тѣней.

И мы мечты не утаили,
Дала намъ смѣлость темнота—
Къ ногамъ, бѣлѣе бѣлыхъ лилій,
Прижать кровавья уста.

И съ этихъ поръ, едва темнѣло,
И жизнь нѣмѣла въ снѣ ночномъ,
Въ опочивальнѣ къ тѣлу тѣло—
Сближали мы, таясь, втроемъ.

Но мы, стыдась себя на ложѣ,—
Близъ ангела двѣ дщери тьмы!—
И здѣсь ей поклонялись тоже,
И здѣсь служили рабски мы!

Иль было ей восторговъ мало?
И этихъ ласкъ и этихъ губъ?
Она иного пожелала,—
Но ласкъ не пожелаетъ трупъ!

Онъ былъ царевичъ и мужчина,
Онъ былъ и силенъ и красивъ,
Но онъ не вкусить ни единый
Ея младенческій порывъ!

Я подала ей чашу съ ядомъ,
О, спи! твой сонъ глубокъ и строгъ!
И мы съ тобой на ложѣ рядомъ
Въ послѣдній разъ у этихъ ногъ.

4. ПОМПЕЯНКА.

„Мнѣ первымъ мужемъ былъ купецъ богатый,
Вторымъ поэтъ, а третьимъ жалкій мимъ,
Четвертымъ консулъ, нынѣ евнухъ пятый,
Но кесарь самъ меня сосваталъ съ нимъ.

Меня любилъ имперіи владыка,
Но мнѣ былъ любъ одинъ нубійскій рабъ,
Не жду надъ гробомъ: «casta et pudica»,
Для многихъ поясъ мой былъ слишкомъ слабъ.

Но ты, мой другъ, мизіецъ мой стыдливый!
Навѣкъ, навѣкъ тебѣ я предана.
Не вѣрь, дитя, что женщины всѣ лживы:
Межъ ними вѣрная нашлась одна!“

Такъ говорила, не дыша, блѣднѣя,
Матрона Лидія, какъ въ смутномъ снѣ;
Забывъ, что вся взволнована Помпея,
Что надъ Везувіемъ лазурь въ огнѣ.

Когда жъ безъ силъ любовники застыли,
И покорилъ ихъ необорный сонъ,
На городъ пали груды сѣрой пыли,
И городъ былъ подъ пепломъ погребенъ

Вѣка прошли; и, какъ изъ алчной пасти,
Мы вырвали бывшее изъ земли.
И двое тѣлъ, какъ знакъ безсмертной страсти,
Нетлѣнными въ объятіяхъ нашли.

Поставьте выше памятникъ священный,
Живое изваянье вѣчныхъ тѣлъ,
Чтобъ память не угасла во вселенной
О страсти, перешедшей за предѣлъ!

5. АДАМЪ.

Дочь моя, помедли, дѣва!
Глазъ твоихъ не узнаю.
Ты свѣтла, какъ мать, какъ Ева,
Въ тотъ мгновенный день, въ раю.

Нѣтъ, не юность, въ сладкой дрожи,
Пламя мнѣ палило кровь.
Новосозданный и Божій,
Я позналъ тогда любовь!

Мира сдавленныя силы
Переполнили мнѣ грудь.
Я, свободный, я, безкрылый,
Жаждалъ въ небѣ потонуть.

И когда одно лобзанье
Въ уголь намъ сожгло сердца,
Мы постигли мірозданье
Навсегда и до конца!

Дочь моя, помедли, дѣва!
Звѣзды выступаютъ въ ночи.
Здѣсь со мной, какъ мать Ева,
Ты пребудь и опочій.

Борода моя сѣдая
Скроетъ бѣлость этихъ плечъ.
Пусть, грозя, предъ дверью рая
Многоцвѣтный блещетъ мечъ!

Древо жизни—недоступно,
Плодъ познанья—я таю,
Дѣва, дѣва! будь преступна!
Будешь ты со мной въ раю.

6. ПУТНИКЪ.

По бѣломраморнымъ ступенямъ
Царевна сходитъ въ тихій садъ—
Понѣжить грудь огнемъ осеннимъ,
Сквозной листвою понѣжить взглядъ.

Она аллеей къ степи сходить,
Съ ней эѳіопскіе рабы.
И солнце острый лучъ наводитъ
На ихъ лоснящіеся лбы.

Гдѣ у границъ безводной степи,
Замкнувъ предѣлъ цвѣтовъ и влагъ,
Стоять столбы и дремлютъ цѣпи,—
Царевна задержала шагъ.

Лепечуть пальмы; шумъ фонтанный
Такъ радостенъ издалика,
И вѣтеръ, весь благоуханный,
Летитъ въ пустыню съ цвѣтника.

Царевна смотритъ въ дѣтской дрожи,
Въ ея большихъ очахъ—слеза.
Красивый юноша-прохожій
Простерся тамъ, закрывъ глаза.

На немъ хитонъ простой и грубый,
У ногъ дорожная клюка.
Его запекшіяся губы
Скривила жажда и тоска.

Зоветь царевна: „Братъ безвѣстный,
Приди ко мнѣ, сюда, сюда!
Вотъ здѣсь плоды въ корзинѣ тѣсной,
Вино и горная вода.

Я уведу тебя къ фонтанамъ,
Рабыни умастятъ тебя.
Въ моемъ покоѣ златотканномъ
Къ тебѣ я припаду, любя.“

И путникъ, взоръ поднявъ неспѣшно,
Глядитъ, какъ царь, на дочь царя.
Она—прекрасна и безгрѣшна,
Она—какъ юная заря.

Но онъ въ отвѣтъ: „Сойди за цѣпи,
И кубокъ мнѣ сама подай!“
Закрывъ глаза бѣднякъ изъ степи.
Фонтаны бьютъ. Лепечеть рай.

Блѣднѣетъ и дрожитъ царевна.
Лежатъ невольники у ногъ.
Она растерянно и гнѣвно
Бросаетъ кубокъ на песокъ.

Идетъ къ дворцу аллеей сада.
Съ ней эѳіопскіе рабы...
И смѣхъ чуть слышенъ за оградой.
Гдѣ степь, и цѣпи, и столбы.

7. ВЪ СУМРАКЪ.

Сумракъ жгучій, сумракъ душный,
Лунный отблескъ на стѣнѣ...
Замирающій, воздушный,
Жуткій шопоть въ тишинѣ.

„Милый, милый! вновь мы рядомъ,
Нынче тѣ же, что вчера:
Смуглый ликъ мой—вызовъ взглядамъ,
Какъ разсвѣтъ—блѣдна сестра!

„Яды ласкъ и тайны тѣла
Свѣдавъ, зная,—я горда,
Но сестра зоветъ несмѣло
Съ дѣтскимъ трепетомъ стыда!

„Углемъ устъ мы жадно будемъ
Припадать къ твоей груди.
Словно углемъ, къ жаднымъ грудямъ
Ты устами припади!

„Нась пьяня единымъ хмѣлемъ,
Двухъ безумныхъ не ревнуй!
Обѣ слышимъ, обѣ дѣлимъ
Каждый данный поцѣлуй!“

Жуткій шорохъ, вскрикъ минутный, —
Въ тишинѣ мелькнувшій звукъ, —
Тѣней муть и образъ смутный
Изъ шести сплетенныхъ рукъ.

8. РѢШЕТКА.

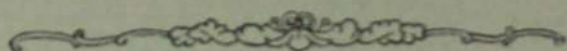
Между нами частая рѣшетка,
Въ той тюрьмѣ, гдѣ мы погребены.
Днемъ лучи на ней мерцають кротко,
Проходя въ окно, въ верху стѣны.

Между нами кованые брусья,
Проволокъ межъ нихъ стальная сѣть.
До твоей руки не до тянусь я, —
Въ очи только можемъ мы смотрѣть...

И весь день, пока на темной стали
Тамъ и сямъ мелькаетъ лучъ дневной,
Въ содроганьяхъ страсти и печали
Упиваюсь я тобой, ты — мной!

Насъ разводитъ сумракъ. На соломѣ
Мы лежимъ, уйдя въ свои углы;
Тамъ томимся въ сладострастной дремѣ,
Другъ о другѣ грезимъ въ тайнѣ мглы.

Но опять у роковой преграды
Мы, едва затеплятся лучи.
И, быть можетъ, нѣтъ для насъ отрады
Слаще пытки вашей, палачи!

9. У МОРЯ.

Когда встрѣчалось къ дѣтству горе
Иль безпричинная печаль,—
Все успокаивало море
И моря ласковая даль.

Нерѣдко на скалѣ прибрежной
Дни проводила я одна,
Внимала волнамъ и прилежно
Выглядывала тайны дна:

На водоросли любовалась,
Слѣдила яркихъ рыбъ стада...
И все прозрачнѣй мнѣ казалась
До безконечности вода.

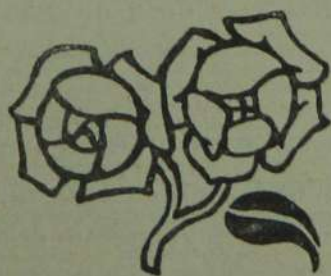
И гдѣ-то въ глубинѣ бездонной
Я различала, наконецъ,
Весь сводчатый и стоклонный
Царя подводнаго дворець.

Въ блестящихъ залахъ изъ коралла,
Гдѣ жемчуговъ сверкаетъ рядъ,
Я, вся волнуясь, различала
Подводныхъ дѣвъ горящій взглядъ.

Онѣ ко мнѣ тянули руки,
Шептали что-то, въ глубь маня, —
Но замирали эти звуки,
Не достигая до меня.

И знала я, что тамъ, глубоко,
Есть души, родственныя мнѣ;
И я была не одинока
Здѣсь, на палящей вышинѣ!

Когда душѣ встрѣчалось горе
Иль безпричинная печаль,
Все успокаивало море
И моря ласковая даль.

ЭЛЕГИИ.

1. ЖЕНЩИНАМЪ.

Вотъ онѣ, скорбныя, гордыя тѣни
Женщинѣ, обманутыхъ мной.
Прямо въ лицо имъ смотрю безъ сомнѣній,
Прямо въ лицо этихъ блѣдныхъ видѣній,
Созданныхъ чарой ночной.

О, эти руки, и груди, и губы,
Выгибы алчущихъ тѣлъ!
Васъ обрѣталъ я, и вами владѣлъ!
Всѣ ваши тайны—то нѣжный, то грубый,
Властный, покорный—узнать я умѣлъ.

Да, я васъ бросилъ, какъ остовъ добычи,
Бросилъ на знойномъ пути.
Что жъ! въ этомъ мірѣ вещей и обличій
Все мнѣ сказалось въ единственномъ кличѣ:
„Ты долженъ итти!“

Васъ я любилъ такъ, какъ любятъ, и каждой
Душу свою отдавалъ до конца,
Но—мнѣ не страшно нѣмого лица!
Не одинаковой жаждой
Наши горѣли сердца.

Вы, опаленныя яростной страстью,
Въ ужасѣ падали ницъ.
Я, прикоснувшись къ послѣдному счастью,
Не опускаю рѣсницъ,
Шель, увлекаемъ таинственной властью,
Къ ужасу новыхъ границъ.

Васъ я любилъ такъ, какъ любятъ, и знаю—
Съ каждой я былъ бы въ раю!
Но не хочу я довѣриться раю.
Душу мою изъ блаженствъ вырываю,
Вольную душу мою!

Дальше, все дальше! отъ счастья до муки,
Въ ужасы—въ бездну—во тьму!
Тщетно ко мнѣ простираете руки
Вы, присужденныя къ вѣчной разлукѣ:
Жить мнѣ и быть—одному.

2. СВИДАНІЕ.

Быль яркій лѣтній день, но сдвинутыя шторы
Отрѣзывали насъ отъ четкаго луча;
Во мглѣ искусственной сіяли смутно взоры
И грезилась черты прически и плеча.

Вся жизнь была въ рукахъ; я слышалъ всѣ біенья.
Всю груди теплоту, всѣ линіи бедра;
Ты прилегла ко мнѣ, уже въ изнеможеньи,
И ты была во мглѣ—какъ нѣжная сестра.

Когда же отдались мы жгучимъ тайнамъ страсти,
Я въ глубинѣ опять узналъ твои глаза.
И ложе стало челнѣ. У зыбкихъ волнѣ во власти,
Онѣ безъ руля летить, свистить вокругъ гроза.

И мнѣ представилось: сбылась судьба земного.
Нѣтъ человѣчества! Ладью влечетъ хаосъ!
И я, встрѣчая смерть, искалъ поспѣшно слова,
Чтобъ трепетъ выразить послѣднихъ въ мірѣ грезѣ.

Но вмѣсто словъ былъ бредъ, и, неотступно жаля,
Впивался и томилъ изъ глубины твой взглядъ.
Твой голосъ слышалъ я: „Люблю! твоя! мой Валя!“
Ладья летитъ быстрѣй... и рухнулъ водопадъ.

И мы на берегу очнулись въ брызгахъ пѣны.
Неспѣшно, какъ изъ формъ иного бытія,
Являлся внѣшній шумъ и выступали стѣны,
Сливалось медленно съ дѣйствительностью „я“.

Когда жъ застѣнчиво, лицо въ густой вуали.
На улицу за мной ты вышла изъ воротъ,
Еще былъ яркій день, пролетки дребежжали,
И люди мимо шли—впередъ, впередъ...

3. ВЪ НОЧНОМЪ БЕЗЛЮДИИ.

Въ ночномъ безлюдіи нѣмыхъ домовъ
Молюсь о чудѣ я недавнихъ сновъ.

Мечты стоокія со всѣхъ сторонъ ..
Дитя далекое, храни свой сонъ!

Альковъ задвинутый, дрожанье тьмы,
Ты запрокинута,—и двое мы.

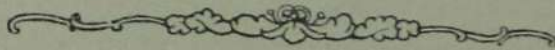
И къ тѣлу тѣло намъ прижать не стыдъ.
Грѣхомъ содѣланнымъ душа горитъ.

Все уничтожено—одна любовь.
Нѣтъ, не возможно то, не будетъ вновь.

Изъ тьмы возстану ли! ты далека!
Мгновенья канули. Прошли вѣка.

Я гость единственный на всей землѣ.
Спитъ міръ таинственно въ предсмертной мглѣ.

Зачѣмъ въ безлюдіи послѣднихъ дней
Молюсь о чудѣ я—о ней! о ней!

4. ПАЦИНТЪ.

С. А. Полякову.

Словно кровь у свѣжей раны,
Красный камень гіацинтъ
Увлекаетъ грезу въ страны,
Гдѣ царитъ широкій Индъ.

Гдѣ въ засохшихъ джунгляхъ внемлютъ
Тигры поступи людей,
И на мертвыхъ вѣткахъ дремлютъ
Пасти жадныхъ орхидей,

Гдѣ, окованная взглядомъ,
Птица стынетъ предъ змѣей,
И, полны губящимъ ядомъ,
Корни пухнуть подъ землей.

Сладко грезить объ отчизнѣ
Всѣхъ таинственныхъ отравъ!
Тамъ найду я радость жизни—
Воплотившій смерть составъ!

Въ лезвее багдадской стали
Каплю смерти я волюю,
И навѣкъ въ моемъ кинжалѣ
Мечь и волю затаю.

И когда любовь обманетъ,
И ласкавшая меня
Расточать другому станетъ
Рѣчи нѣгъ на склонѣ дня,—

Я приду къ ней съ вѣрнымъ ядомъ,
Я ее межъ ласкъ и чаръ,
Словно змѣй, затѣшу взглядомъ,
Разочту, какъ тигръ, ударъ.

И, глядя на кровь у раны,
(Словно камень гіацинтъ!)
Повлекусь я грезой въ страны,
Гдѣ царитъ широкой Индъ.

5. ВЪ ДАМАСКЪ.

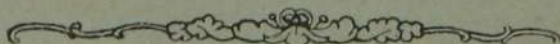
Губы мои приближаются
Къ твоимъ губамъ,
Таинства снова свершаются,
И міръ какъ храмъ.

Мы, какъ священнослужители,
Творимъ обрядъ.
Строго въ великой обители
Слова звучать.

Ангелы, ницъ преклоненные,
Поютъ тропарь.
Звѣзды—лампады зажженные,
И ночь—алтарь.

Что насъ влечетъ съ неизбѣжностью,
Какъ сталь магнить?
Дышимъ мы страстью и нѣжностью,
Но взоръ закрыть.

Водоворотомъ мы схвачены
Послѣднихъ ласкъ.
Вотъ онъ, отъ вѣка назначенный,
Нашъ путь въ Дамаскъ!

6. ПЫТКА.

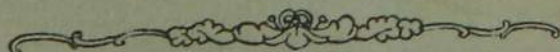
Эта боль не разъ мной испытана,
На крестѣ я былъ распятъ не разъ,
Снова кровью одежда пропитана
И во взорахъ свѣтъ солнца погасъ.

Члены пыткой злой обезсилены,
Я во прахѣ кровавомъ—какъ трупъ.
Выжидаютъ мгновенія филины,
Опустившись на ближній уступъ.

Но, чѣмъ мука полнѣй и суровѣе,
Тѣмъ восторженнѣй пѣсни хочу,
И кричу и пою славословія,
Вѣчный гимнъ моему палачу.

О, приди, безъ улыбки, безъ жалости,
Снова къ древу меня пригвозждать,
Чтобъ я могъ въ ненасытной усталости
Снова руки твои цѣловать.

Чтобъ, въ борьбѣ съ сладострастной безмѣрностью
Наростающихъ яростныхъ мукъ,
Я утѣшенъ былъ дѣвственной вѣрностью
Этихъ строго безжалостныхъ рукъ.

7. ЭПИЗОДЪ.

Не правда ли: мы въ сказкѣ,
Мы въ книжкѣ для дѣтей?
Твои такъ нѣжны глазки,
И поступь—какъ у фей!

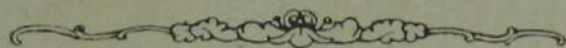
Я—принцъ, а ты—царевна,
Отецъ твой—злой король...
Но не гляди такъ гнѣвно,
Побыть съ тобой позволъ.

Я въ шапкѣ-невидимкѣ,
Для всѣхъ—ты здѣсь одна!
И вотъ въ вечерней дымкѣ
Померкла даль окна.

Прислужницы уводятъ
Тебя подъ пологъ твой...
Ночныя тѣни бродятъ,
И я во мглѣ съ тобой!

Уста твои безмолвны,
Смежень покорный взоръ.
Бросаю въ воздухъ—въ волны
Нашъ самолетъ-коверъ.

Влекутъ насъ въ царство ласки
Семь бѣлыхъ лебедей...
Не правда ли: мы въ сказкѣ,
Мы въ книжкѣ для дѣтей?

8. ТАИНСТВА НОЧЕЙ.

Хранятся въ памяти, какъ въ темной книгѣ,
Свершившіяся таинства ночей,
Тѣ, жизни чуждые, святые миги,
Когда я былъ и оданъ, и ничей.

Я помню запахъ тьмы и запахъ тѣла,
Дрожащихъ членовъ выгибы и зной,
Миръ, дышащій желаньемъ до предѣла,
Безформенный, безъ-образный, иной.

Исторгнутыя мукой сладострастья,
Безумны были рѣчи и мечты.
Казалось мнѣ, что властенъ ихъ заклясть я
Заклятиемъ предвѣчной темноты.

Но эта мгла и криковъ и видѣній
Въ другой душѣ, какъ и въ моей, жива.
О вы, участницы ночныхъ радѣній,
Вы слышали запретныя слова!

Я былъ не одинокъ во храмѣ страсти,
Даль посмотрѣть свой потаенный сонъ,
И этотъ храмъ позоромъ соучастій
Въ моей душѣ навѣки оскверненъ.

9. ПРОЩАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯДЪ.

Я сквозь незапертыя двери
Вошелъ въ давно знакомый домъ,
Какъ въ замокъ сказочныхъ повѣрій,
Постигнутый волшебнымъ сномъ.

Сквозь спущенныя занавѣски
Чуть проникали тѣни дня,
И люстры тонкія подвѣски
Сверкали блѣдно, не звеня.

И такъ шаги казались странны,
Почти заглушены въ коврахъ.
Картины, темны и туманны,
Терялись смутно на стѣнахъ.

Я встрѣтилъ взглядъ безъ выраженья
Остановившихся часовъ.
Полузасохшія растенья
Стояли стражей мертвецовъ.

Я заглянулъ... Она смотрѣла,
Какъ тихо догоралъ каминъ.
Зола какихъ-то писемъ глѣла,
Но въ воздухѣ дышалъ жасминъ.

На платьѣ бѣлое—все рѣже
Бросали угли отсвѣтъ свой.
Она вдыхала запахъ свѣжій,
Клонясь все ниже головой.

И, не веселый, не печальный,
Я скрылся, какъ вошелъ, безъ словъ,
Принявъ въ гостиной взглядъ прощальный
Остановившихся часовъ.

10. КЪ БЛИЗКОЙ.

Предстанетъ мигъ, и духъ мой канетъ
Въ неизмѣримость безъ временъ,
И что-то новое настанетъ,
И будетъ прахъ земли какъ сонъ.

Настанетъ мѣръ иныхъ скитаній,
Иныхъ паденій и высотъ,
И, проходя за гранью грани,
Мой духъ бывшее отряхнетъ,

Воспоминанья всѣ утратить,
Въ огнѣ небесъ перегоритъ
И за познанье тайнъ заплатитъ
Забвеньемъ счастья и обидъ.

И вотъ, какъ облако влекомый,
Молчанье строгое храня,
Я вдругъ завижу ликъ знакомый,
И трепеть обожжетъ меня.

Въ моей душѣ преображенной,
Отъ всѣхъ условій бытія,
Какъ мысль отъ тѣни, отрѣшенной,
Возстанетъ вся любовь моя,

Весь кругъ безсилія и счастья,
Всѣ дни, что вѣчностью прошли,
Весь вѣщій ужасъ сладострастья,
Вся ложь, вся радуга земли!

И, словно вновь подъ сводомъ звѣзднымъ,
Съ своей бездонной высоты,
Твое я имя кину къ безднамъ,
И мнѣ на зовъ отвѣтишь—ты!

II. ОДИНОЧЕСТВО.

Проходятъ дни, проходятъ сроки,
Свободы тщетно жаждемъ мы.
Мы беспощадно одиноки
На днѣ своей души—тюрьмы!

Присуждены мы къ вѣчной кельѣ,
И въ наше тусклое окно
Чужое горе и веселье
Такъ дьявольски искажено.

Напрасно жизнь проходитъ рядомъ
За днями день, за годомъ годъ.
Мы лжемъ любовью, словомъ, взглядомъ,—
Вся сущность человѣка лжетъ!

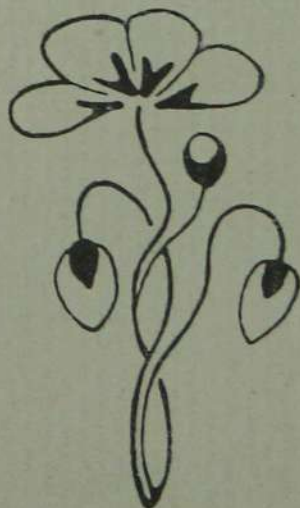
Нѣтъ силъ сказать, нѣтъ силъ услышать.
Невластно ухо, мертвъ языкъ.
Лишь время знаетъ, чѣмъ утишить
Безумно вопіющій крикъ.

Срывай послѣднія одежды
И грудью всей на грудь прильни, —
Порывъ безсиленъ! нѣтъ надежды!
И въ самой страсти мы одни!

Нѣтъ единенья, нѣтъ сліянья—
Есть только смутная алчба,
Да согласованность желанья,
Да равнодушіе раба.

Напрасно духъ о сводъ желѣзный
Стучится крыльями, скользя.
Онъ вѣчно здѣсь, надъ той же бездной:
Упасть въ сосѣдную—нельзя!

И путникъ, по срединѣ луга,
Кругомъ бросаетъ тщетный взоръ:
Мы вѣчно, вѣчно въ центрѣ круга,
И вѣчно замкнуть кругозоръ!

СОНЕТЫ И ТЕРЦИНЫ

1. ОТВЕРЖЕНИЕ.

Мой рокъ, благодарю, о вѣрный, мудрый змій!
Ядъ отверженія—напитокъ вѣнценосный!
Ты запретилъ мнѣ мѣръ извѣданный и косный,
Слова и числа давъ—просторы двухъ стихій!

Мнѣ чужды съ раннихъ дней—блистающія весны
И рѣчи о „любви“, завѣтный хламъ витій;
Люблю я кактусы, пасть орхидей, да сосны,
А изъ людей лишь тѣхъ, кто презрѣлъ „не убій“.

Вотъ почему мнѣ такъ мучительно знакома
Съ мишурной кисеей продажная кровать.
Я въ залѣ межъ блудницъ, съ ватагой пьяницъ дома.

Одни пришли сюда грѣшить и убивать,
Другія, перейдя за глубину паденья,
Внѣ челоуѣчества, какъ странныя растеня.

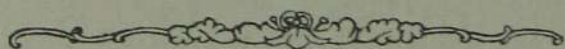
2. ВТИРУША.

Ты вновь пришла, вновь посмотрѣла въ душу,
Смѣешься надъ безсильнымъ крикнуть: „прочь!“
Тотъ вѣчно рабъ, кто принялъ разъ втирушу...
Покорствуй духъ, когда нельзя помочь.

Я—трупъ пловца, заброшенный на сушу,
Ты—зыбкихъ волнъ неистовая дочь.
Бери меня. Я клятвы не нарушу.
Въ твоихъ рукахъ я буду мертвъ всю ночь.

До утра буду я твоей добычей,
Орудіемъ твоихъ ночныхъ утѣхъ.
И будетъ вокругъ меня звенѣть твой смѣхъ.

Исчезнешь ты подъ первый щебетъ птичій,
Но я останусь нѣмъ и недвижимъ,
И странно чуждый женщинамъ земнымъ.

3. ЖЕНЩИНА.

Я видѣлъ женщину. Кривясь отъ мукъ,
Она безстыдно открывала тѣло,
И каждый стонъ ея былъ дикій звукъ.

Ея лицо отъ боли посѣрѣло,
Шла кровь изъ сдавленныхъ зубами губъ,
Съ упорной яростью она глядѣла,

И смыслъ рѣчей ея былъ странно грубъ.
Когда порой ея слабѣли схватки,
Она молчала, тягостно, какъ трупъ.

И послѣ вновь металась въ лихорадкѣ,
И, мучась, вся вытягивалась вновь,
И, видимо, ей всѣ казались гадки.

Въ ней все угасло—разумъ и любовь,
Хотѣлось одного: уйти отъ боли...
Пьянящимъ запахомъ царила кровь.

О, дѣвушки! О, мотыльки на волѣ!
Васъ на балу звенящій вальсъ влечетъ,
Вы въ нашей жизни какъ цвѣты магнолій!

Но каждая узнаетъ свой чередъ,
И, корчась, будетъ припадать на ложе,
Глаза сжимая, искривляя ротъ...

Всѣ станете звѣрями—тоже! тоже!

4. ЛѢСНАЯ ДѢВА.

Л. Н. Вилькиной.

На перекресткѣ, гдѣ сплелись дороги,
Я встрѣтилъ женщину: въ сверканьи глазъ
Ея — былъ смѣхъ, но губы были строги.

Горящій, яркій вечеръ быстро гасъ,
Лазурь увлаживалась тихимъ свѣтомъ,
Неслышно близился завѣтный часъ.

Мнѣ сдѣлавъ знакъ съ насмѣшкой иль привѣтомъ,
Безвѣстная сказала мнѣ: „ты мой!“
Но взоръ ея такъ ласковъ былъ при этомъ,

Что я за ней пошелъ тропой лѣсной,
Покорный странному и сладкому вліянью.
На вѣтви гуще падалъ мракъ ночной...

Все было смутно шаткому сознанью,
Стволы и шелестъ, тѣни и она,
Вся бѣлая, подобная сіянью.

Манила мгла въ себя, какъ глубина;
Казалось мнѣ, я падалъ съ каждымъ шагомъ,
И, забываясь, жадно жаждалъ дна.

Тропа свивалась долго надъ оврагомъ,
Гдѣ слышался то робкій смѣхъ, то вздохъ,
Потомъ скользнула внизъ, и вдругъ зигзагомъ,

Русломъ ручья, который пересохъ,
Насъ вывела на свѣтъ, къ полянѣ малой,
Гдѣ черной зеленью стелился мохъ.

И женщина, смѣясь, недвижно стала,
Среди высокихъ илистыхъ камней,
И, молча, подойти мнѣ указала.

Приблизился я, какъ лунатикъ, къ ней,
И руки протянулъ, и обнялъ тѣло,
Во храмѣ ночи, во дворцѣ тѣней.

Она въ глаза мнѣ мигъ одинъ глядѣла
И,—прошептавъ холодныя слова:
„Отдай мнѣ душу“, — скрылась тѣнью бѣлой.

Вдругъ стала ночь таинственно мертва.
Я былъ одинъ на блещущей полянѣ,
Гдѣ мохъ чернѣлъ и зыблилась трава...

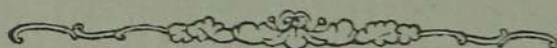
И до утра я проблуждалъ въ туманѣ,
По жуткой чащѣ, по чужимъ тропамъ,
Дыша, въ бреду, огнемъ воспоминаній.

И на разсвѣтъ—какъ, не знаю самъ,—
Пришелъ я вновь къ покинутой дорогѣ,
Усталый на землю упалъ я тамъ.

И вотъ я жду въ томленьи и въ тревогѣ
(А солнце жжетъ съ лазури огневой),
Сойдетъ ли ночь, мелькнетъ ли обликъ строгій...

Приди! Зови! Бери меня! Я—твой!

Петербургъ, 1902.

5. MON RÊVE FAMILIER.

Люблю мечты моей созданье.

Лермонтовъ.

Вновь одинокъ, какъ десять лѣтъ назадъ,
Брожу въ саду; ведутъ аллеи тѣ же,
Съ цвѣтущихъ липъ знакомый ароматъ.

Чу! лай собакъ. Повѣялъ вѣтеръ свѣжій,
И съ тихимъ вечеромъ приходитъ бредъ,
Что нѣжитъ сердце годъ за годомъ рѣже.

Мнѣ нынче снова—девятнадцать лѣтъ!
Ты вновь со мной, „мечты моей созданье“!
Дай плакать мнѣ — я снова твой поэтъ!

Какъ сладостно твоихъ шаговъ шуршанье;
Ты дышишь рядомъ; подыми я взоръ,
Твоихъ очей отвѣтитъ мнѣ сверканье.

Не измѣнилась ты—о, нѣтъ — съ тѣхъ поръ,
Какъ мальчику явилась ты впервые,
И былъ свершенъ нашъ брачный договоръ!

Ты мнѣ дала узнать, что страсть—стихія,
Ввела во храмы воплощенныхъ грезъ,
Открыла мнѣ просторы неземные,

Слѣдила ты, какъ другъ, пока я росъ,
На первыя свиданья приходила,
Была межъ нами третья въ мірѣ розъ.

Я измѣнилъ—но ты не измѣнила,
Лишь отошла, поникнувъ головой,
Когда меня смутила злая сила.

О, какъ я могъ пожертвовать тобой!
И женщинѣ изъ плоти и изъ крови
Какъ предпочелъ небесный образъ твой!

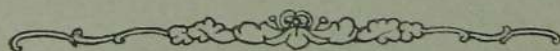
Но лишь съ тобой мнѣ счастье было вновѣ.
Въ часы луны, у перепѣвныхъ струй,
На ложѣ—у палящихъ изголовій,

Прильнувъ къ груди, впивая поцѣлуй,
Невольно я тебя искалъ очами,
Тебя я жаждалъ!.. Вѣрь и не ревнуй.

Попрежнему твой ликъ виталъ надъ снами!
Кого бъ я ни ласкалъ, дрожа, любя,
Я счастливъ былъ лишь тайными мечтами,—

Во всѣхъ, во всѣхъ лаская лишь тебя!

Петровское-Разумовское, 1903.

6. SANCTA AGATHA.

На горы тихія ложилась мгла,
А деревца по склонамъ были нѣжны.
Изъ церкви, торопясь, домой я шла.

Со мной былъ крестъ, хранитель мой надежный,
Бѣлѣли чаши лилій по пути,
Благоухалъ въ цвѣту разсадникъ смежный.

И тамъ, гдѣ надлежало мнѣ пройти,
Гдѣ тѣсно путь сжимали двѣ ограды,
Предсталъ мнѣ юноша лѣтъ двадцати.

И, встрѣтясь, наши опустили взгляды:
Прекрасный, онъ—какъ праотець былъ нагъ
Намъ стало страшно и мы были рады.

Безъ воли я замедлила мой шагъ,
И стала, прислонясь, подъ вѣткой сливы,
А онъ ко мнѣ, какъ братъ иль тайный врагъ:

„Агата, молвиль, мы съ тобой счастливы!
Я—мученикъ святой, я—Себастьянъ.
Умремъ мы въ мукахъ, но въ Отцѣ мы живы!“

Взглянувъ, увидѣла я кровь изъ ранъ
И жадно впившіяся въ тѣло стрѣлы,
Но былъ онъ свѣтомъ бѣлымъ осіянь.

И тотъ же свѣтъ, торжественный и бѣлый,
Вдругъ отъ меня разлилъ свои лучи.
Вокругъ народъ столпился, городъ цѣлый.

Сорвавъ съ меня одежду, палачи
Мнѣ груди вырвали, глумясь, щипцами
И занесли надъ головой мечи.

Мой спутникъ поддержаль меня руками
(Я падала отъ боли и стыда),
Спускались съ неба два вѣнца надъ нами.

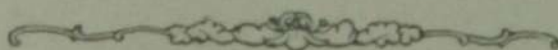
„Сестра, спросилъ меня онъ, ты тверда?“
И подаль мнѣ отрубленные груди.
Я какъ невѣста отвѣчала: „да!“

И къ небу протянула ихъ на блюдѣ,
Не зная, гдѣ страданье, гдѣ любовь...
Но тутъ иные замелькали люди.

Исчезло все, и Себастьянъ, и кровь,
Означилась моя дорога къ дому
И, торопясь, пошла я дальше вновь,

Отнынѣ обрученная святому!

Флоренція, 1902.

7. ТЕРЦИНЫ КЪ СПИСКАМЪ КНИГЪ.

И васъ я помню, перечни и списки,
Васъ вижу предъ собой за ликомъ ликъ.
Вы мнѣ, въ степи безлюдной, снова близки.

Я ваши таинства давно постигъ!
При лампѣ, наклонясь надъ каталогомъ,
Вникать въ названья неизвѣстныхъ книгъ;

Слѣдить за именами; слогъ за слогомъ
Впивать слова чужого языка;
Угадывать великое въ немногомъ;

Возсоздавать поэтовъ и вѣка
По краткимъ, повторительнымъ помѣтамъ:
„Безъ титула“, „въ сафьянѣ“ и „рѣдка“.

И нынѣ вы предстали мнѣ скелетомъ
Всего, что было жизнью сто вѣковъ,
Киваетъ онъ съ насмѣшливымъ привѣтомъ.

Мнѣ говоритъ: „Я не совсѣмъ готовъ,
Еще мнѣ нужны кости и суставы,
Я жажду книгъ, чтобъ сдѣлать груду словъ.“

Мечтайте, думайте, ищите славы!
Мнѣ все равно, безумецъ иль пророкъ,
Созданье для ума и для забавы.

Я всѣмъ даю опредѣленный срокъ.
Твори и ты, а изъ твоихъ мечтаній
Я сохраню навѣкъ семь-восемь строкъ.

Всесильнѣ моихъ упоминаній
Нѣтъ ничего. Безсмертіе во мнѣ.
Вѣнчаю я—міръ творчества и знаній.“

Такъ остовъ говоритъ мнѣ въ тишинѣ,
И я, съ покорностью цѣлуя землю,
При быстро умирающей лунѣ,

Исчезновеніе! твой зовъ приємлю.

1901.

КАРТИНЫ.

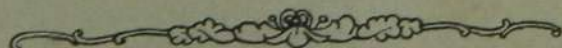
1. ЛЮБЛЮ ОДНО.

Люблю одно: бродить безъ цѣли
По шумнымъ улицамъ, одинъ;
Люблю часы святыхъ бездѣлій,
Часы раздумій и картинъ.

Я съ изумленьемъ, вѣчно новымъ,
Весной встрѣчаю синеву,
И въ вечеръ пьянъ огнемъ багровымъ,
И ночью сумракомъ живу.

Смотрю въ лицо идущихъ мимо,
Въ ихъ тайны властно увлечень,
То полонъ грустью нелюдимой,
То богомоленъ, то влюбленъ.

Подъ вольный грохотъ экипажей
Мечтать и думать я привыкъ,
Въ тѣснинѣ стѣнъ я весь на стражѣ:
Да уловлю Господень ликъ!

2. РАНЬШЕ УТРА.

Я знаю этотъ свѣтъ неумолимо-четкій,
И слишкомъ рѣзкій стукъ пролетки въ тишинѣ,
Предъ окнами конторъ желѣзныя рѣшетки,
Пустынность улицы, не дышащей во снѣ.

Ночь канула въ года, свободно и безумно.
Еще горять огни всѣхъ вдохновенныхъ силъ.
Но свѣжій утренникъ мнѣ вѣетъ въ грудь безшумно,
Недвижные дома—какъ тысячи могилъ.

Тамъ люди-трупы спятъ, вдвоемъ и одиноко,
То навзничь, ротъ открывъ, то ницъ—на животѣ.
Но небо надо мной глубоко и высоко,
И даль торжественна въ открытой наготѣ!

Два равныхъ міра есть, двѣ равныя стихіи:
Міръ дня и ночи міръ, безумства и ума,
Но тяжки грани ихъ—часы полуночные,
Когда не властенъ свѣтъ и расточилась тьма.

Съ послѣднимъ чаяньемъ, свою мечту ночную
Душа стремится влить въ пустыя формы дня,
Но тщетно я борюсь и тщетно я колдую:
Ты, день, могучій врагъ вновь покоришь меня!

3. КАМЕНЩИКЪ.

— Каменщикъ, каменщикъ, въ фартукъ бѣломъ,
Что ты тамъ строишь? кому?

— Эй, не мѣшай намъ, мы заняты дѣломъ,
Строимъ мы, строимъ тюрьму.

— Каменщикъ, каменщикъ, съ вѣрной лопатой,
Кто же въ ней будетъ рыдать?

— Вѣрно, не ты и не твой братъ, богатый.
Не зачѣмъ вамъ воровать.

— Каменщикъ, каменщикъ, долгія ночи
Кто жъ проведетъ въ ней безъ сна?

— Можетъ быть сынъ мой, такой же рабочій.
Тѣмъ наша доля полна.

— Каменщикъ, каменщикъ, вспомнить, пожалуй,
Тѣхъ онъ, кто несъ кирпичи!

— Эй берегись! подъ лѣсами не балуй...
Знаемъ все сами, молчи!

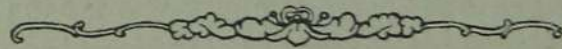
4. МАЛЬЧИКЪ.

Въ бочкѣ обмерзлой вода колыхается,
Жалко дрожитъ деревянный черпакъ,
Мальчикъ-вожатый изъ силъ выбивается,
Бочку на горку не втащитъ никакъ.

Зимняя улица шумно взволнована,
Сани летятъ, пѣшеходы идутъ,
Только обмерзлая бочка прикована:
Выемъ случайный и скользокъ и крутъ.

Ангель сверкаетъ блестящимъ воскрыліемъ,
Ангель въ лучистомъ вѣнцѣ надъ челомъ,
Взялъ за веревку и легкимъ усиліемъ
Бочку вкатилъ на тяжелый подъемъ.

Крестится мальчикъ, глядитъ неувѣренно,
Вотъ покатилъ свои санки впередъ.
Городъ шумитъ неизмѣнно, размѣренно,
Сани летятъ и проходитъ народъ.

5. ЗИМНИЕ ДЫМЫ.

Хорошо намъ, вольнымъ дымамъ,
Подыматься, разстилаться,
Кочевать путемъ незримымъ,
Въ рѣдкомъ воздухѣ теряться,

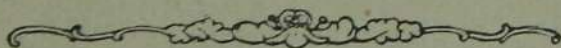
Проходя по длиннымъ трубамъ,
Возноситься выше, выше,
И клубиться бѣлымъ клубомъ,
Наклоняясь къ бѣлымъ крышамъ.

Дѣти пламени и праха,
Мы какъ пламя многолики,
Мы встрѣчаемъ смерть безъ страха,
Въ вольной области—владыки!

Надъ толпой нѣмыхъ строеній,
Міромъ камней онѣмѣлыхъ,
Мы—семья прозрачныхъ тѣней—
Дышимъ въ дѣвственныхъ предѣлахъ.

Воздухъ медленный и жгучій—
Какъ опора нашихъ крылій,
Сладко рѣять дружной тучей
Безъ желаній, безъ усилій.

Даль морозная въ туманѣ,
Блѣдень мѣсяць въ глуби синей,
Въ смѣнѣ легкихъ очертаній
Мы кочуемъ по пустынѣ.

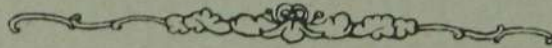

6. ЦАРИЦА.

Съ конки сошла она шагомъ богини.
(Лилія бѣлая, взросшая въ тинѣ!)
Долго смотрѣлъ я на правильность линій
Молодого лица.
Сумракъ холодный лежалъ безъ конца,
Небеса были звѣздны и сини.

Она подняла накидку на плечи.
Я оскорбить не осмѣлился встрѣчи.
Были ненужны и тягостны рѣчи
Здѣсь на землѣ!
Контуръ ея затерялся во мглѣ.
Горѣли кругомъ погребальныя свѣчи.

Да! я провидѣлъ тебя въ багряницѣ,
Въ золотой діадемѣ... Надменной царицей
Ты справляла триумфъ въ покоренной столицѣ...
Чу! крики безчисленныхъ устъ!
Нѣтъ, тротуаръ озаренный безмолвенъ и пусть,
Лишь фонари убѣгаютъ впередъ вереницей.

7. ПРОХОЖЕЙ.

Она прошла и опьянила
Томящимъ сумракомъ духовъ
И быстрымъ взоромъ отѣнила
Возможность невозможныхъ сновъ.

Сквозь уличный желѣзный грохотъ
И пьянъ отъ синяго огня,
Я вдругъ слышалъ жадный хохотъ,
И змѣи оплели меня.

Въ моихъ глазахъ еще синѣла
Небесъ вечернихъ полумгла,
Но теплота чужого тѣла
Меня объяла и прожгла.

И въ ужасъ борьбы упорной,
Межъ клятвъ, моленій и угрозъ,
Я былъ опуганъ влагой черной
Ея распущенныхъ волосъ.

8. ГОЛОСЪ ЧАСОВЪ.

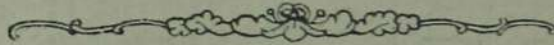
Съ высокой башни колокольной,
Призывный замѣняя звонъ,
Часы поютъ надъ жизнью дольной,
Слѣдя движеніе временъ.

Но днемъ въ бреду многоголосномъ
Не слышенъ звонкій ихъ напѣвъ,
Надъ гулкимъ грохотомъ колеснымъ,
Надъ крикомъ рынка, смѣхомъ дѣвъ.

Когда жъ устанетъ день, и ляжетъ
Ночная тѣнь во всѣхъ углахъ,
И шуму замолчать прикажетъ,
И перемѣнитъ жизнь въ огняхъ,

Мы всѣ, покорствуя невольно,
 Въ пространномъ царствѣ вѣщихъ сновъ,
 Съ высокой башни колокольной
 Внимаемъ голосу часовъ.

Густѣютъ и рѣдѣютъ тѣни.
 А торжествующая мѣдь
 Зоветь и насъ въ чредѣ мгновений,
 Мелькнуть, побыть и умереть.

9. ЧУДОВИЩА.

Зловѣщее и смутное есть что-то...
 К. Фофановъ.

Во всѣхъ углахъ жилья, въ проходахъ, за дверьми
 Стоять чудовища, незримыя людьми:
 Болѣзни, ужасы и думы тѣхъ, кто прежде
 Жилъ въ этихъ комнатахъ и вѣрилъ здѣсь надеждѣ.
 И всѣ мы, съ первыхъ дней вступая въ старый домъ,
 Подъ ихъ вліяніемъ таинственнымъ живемъ.
 Ихъ образъ—какъ у птицъ. Какъ глупые пингвины,
 Они стоятъ во мглѣ, къ стѣнѣ притиснувъ спины
 И чинно крылышки прижавъ къ своимъ бокамъ;
 Какъ грифы сѣрые, нахохлясь, по угламъ,
 За печкой, за бюро сидятъ неясной грудой;
 Какъ совы, на шкапахъ таятся, и оттуда
 Глядятъ незрячими глазами цѣлый день.
 При свѣтѣ дня ихъ нѣтъ, они—пустая тѣнь,
 И только вечеромъ, когда уносятъ свѣчи,
 И гдѣ-то вдаль шумятъ за чаемъ рѣчи,—

Въ потемкахъ, въ комнатахъ, безмолвныхъ съ давнихъ поръ,
Они выходятъ всѣ изъ мрака и изъ норъ,
Гуляютъ и шумятъ за мигомъ мигъ смѣлѣе,
Почти-что на виду вытягиваютъ шеи,
Пугаютъ мальчика, боящагося мглы,
И, лишь внесутъ огонь, скрываются въ углы.
А послѣ, полночью, въ квартирѣ тупо спящей
Блуждаютъ, властные, какой-то ратью мстящей,
Мечтами давнихъ лѣтъ холодный сонъ томятъ
И въ губы спящаго вдыхаютъ мертвый ядъ.

10. ОКЛИКИ ДЕМОНОВЪ.

Свистки паровозовъ въ предутренней мглѣ,
Дымъ надъ безжизненнымъ прудомъ.
Городъ все ближе: обдуманнѣе чудомъ
Зданія встали въ строй по землѣ.
Привѣтъ—размѣреннымъ грудамъ!

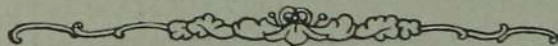
Проволокъ нити нѣжнѣй и нѣжнѣй
На небѣ, свѣтлѣющемъ нѣжно.
Вотъ обняли двѣ вереницы огней,
Мой шагъ по плитамъ слышнѣй.
Проститутка меня позвала безнадежно.

Бѣлая мгла въ предразсвѣтный часъ!
(Она словно льется во взгляды.)
Безумныя грезы усталыхъ глазъ!
Призраки утра! мы не страшны для васъ,
Вы пустынному часу такъ рады.

Всходятъ, идутъ и плывутъ существа,
 Застилаютъ заборы,
 Глядятъ изъ подваловъ, покинувши норы,
 Жадно смотрятъ за шторы,
 И сквозь бѣлое тѣло видна синева.

Вотъ малютки—два призрака—въ яркомъ вѣнкѣ
 Забавляются пылью,
 Вотъ длинная сѣрая шаль на больномъ старикѣ,
 Вотъ женщина сѣла на камень въ тоскѣ,
 Вотъ дѣвушку къ небу влекутъ ея крылья.

Ходятъ, стоятъ, преклоняются ницъ,
 (Словно обычные люди!)
 Рѣютъ рядами чудовищныхъ птицъ,
 Лепечутъ привѣты и шепчутъ угрозы,—
 Предъ утромъ бродячія грезы!
 О дымъ на безжизненномъ прудѣ!
 О демоновъ оклики! ваши свистки, паровозы!

II. НОЧЬ.

Горящее лицо земля
 Въ прохладной тѣни окунула.
 Пустѣютъ знойныя поля,
 Въ столицахъ молкнетъ пѣсня гула.

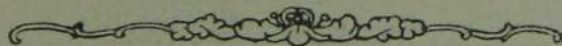
Идетъ и торжествуетъ мгла,
На лампы дуетъ, гасить свѣчи,
Въ постели къ любящимъ легла
И властно ихъ смежила рѣчи.

Но пробуждается развратъ.
Въ его блестящіе приюты
Сквозь тьму, по улицамъ, спѣшатъ
Скитальцы покупать минуты.

Стрѣлой вонзаясь въ города,
Свистя въ поляхъ, гремя надъ бездной,
Летятъ немолчно поѣзда
Впередъ по полосѣ желѣзной.

Глядятъ несытые ряды
Фабричныхъ оконъ въ темный холодъ,
Не тихнетъ рѣзкій стонъ руды,
Ему въ отвѣтъ хохочетъ молотъ.

И, спину яростно клоня,
Скрываютъ бѣшенство проклятій
Среди желѣза и огня
Давно испытанныя рати.

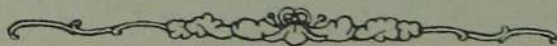
АНТОЛОГІЯ.

1. ЯРОСТНЫЯ ПТИЦЫ.

Яростныя птицы съ огненными перьями
Пронеслись надъ бѣлыми райскими преддверьями,
Огненные отблески вспыхнули на мраморѣ,
И умчались странницы, улетѣли за море.

Но на чистомъ мраморѣ, на порогѣ дѣвственномъ,
Что-то все алѣлося блескомъ неестественнымъ,
И въ вратахъ подъ сводами, вѣчными, алмазными,
Упивались ангелы тайными соблазнами.

2. СЛАДОСТРАСТІЕ.

Ө. Сологубу.

Въ яркомъ вѣнкѣ изъ пурпурнаго мака,
Смутно рѣсницы къ землѣ опустивъ,
Женщина вышла изъ тусклаго мрака...
Обликъ лица ея грубо красивъ.

Серьги по золоту блещутъ рубиномъ,
Шею оплелъ ей кровавый кораль,
Вѣетъ отъ губъ ея чѣмъ то звѣринымъ,
Тишью пещеръ и пустынностью скалъ.

Черные волосы, съ сумракомъ слиты,
Пали на бѣлую матовость плечъ,
Выпуклы, подняты, вѣчно не сыты,
Груди дрожатъ отъ желанія встрѣчь.

Руки протянуты (такъ, безпокоясь,
Ищетъ слѣпая далекой стѣны),
Бедра опуталъ ей тигровый поясъ...
Тише! привѣтствуй восторгъ тишины!

Чу! загремѣли чуть слышно запястья,
Губы скривились въ мучительный знакъ.
Снова, о снова, истома и счастья!
Пусть осыпается пурпурный макъ.

3. ВЪ РАЮ.

Ap Maximilian Schick.

Лишь закрою глаза, какъ мнѣ видится берегъ
Полноводной рѣки, тѣни синей волны.
Дремлетъ небо одной изъ полдневныхъ Америкъ,
Чуть дрожа на качеляхъ рѣчной глубины.

Вѣтъ вѣтеръ какого-то лучшаго вѣка,
Вѣтъ юность свободной и гордой земли.
Мчатся легкія серны, друзья чловѣка,
Пѣсня вольныхъ охотниковъ молкнетъ вдали.

Обнаженные юноши, дѣвы и дѣти
Выбѣгають на отмель веселой толпой,
И бросаются въ воду, при радостномъ свѣтѣ,
Словно горсти жемчужинъ блестя за водой.

Длится время, качаются зыби заката,
Здѣсь и тамъ задымился и свѣтитъ костеръ.
Дѣва спутника игръ обнимаетъ какъ брата...
О, какъ сладки во мглѣ поцѣлуи сестеръ!

Да, я знаю тѣ земли и знаю то время,
Ихъ свободно и быстро въ мечтахъ узнаю...
И часами смотрю на блаженное племя,
И какъ путникъ-прохожій я съ ними, въ раю!

4. СОНЪ.

Какъ городъ призрачный въ пустынь,
У края безднъ возникъ мой сонъ.
Не молкнетъ молній отсвѣтъ синій,
Надъ кручей ясенъ небосклонъ.

И пышенъ городъ, озаренный:
Чертоги, башни, купола,
И водоемы, и колонны...
Но ждеть въ бездонной безднѣ мгла.

И вотъ уже, какъ звонъ надгробный,
Сквозь вѣки, слышится разсвѣтъ,
Вотъ стѣны—призракамъ подобны,
И вотъ на башняхъ—шпилей нѣтъ...

Когда же явь мнѣ въ очи глянетъ,—
Я буду сброшенъ съ тѣхъ высотъ,
Весь городъ тусклой тѣнью станетъ
И, рухнувъ, въ пропасть соскользнетъ.

И алчно приметъ пасть пучины
За храмомъ храмъ, за домомъ домъ...
И вотъ—лишь двѣ иль три руины
Вѣщаютъ смутно о быломъ.

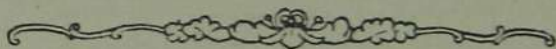
5. ЛЕДЪ И УГОЛЬ.

Ледъ и уголь, вы—могильны!
Что-то было и прошло,
Черный уголь, тусклый, пыльный,
Ледъ блестящій какъ стекло!

Что вы, красные уроды,
Дымъ прорѣзавши, горды?
Удвояетъ ликъ природы
Гладь затихнувшей воды!

Пусть все отжило, застыло,
Зыби нѣтъ, лучамъ конецъ:
Ледъ—надъ водною могилой,
Уголь безъ надеждъ мертвецъ!

Онъ подъ новой вспышкой жара
Лишь кровавится какъ бѣсъ,
Но свободной тѣнью пара
Ледъ восходить до небесъ.

6. ТЕРЕМЪ.

Іоаннѣ Б.

Тихи дни и годы—годы въ терему,
Словно льются воды медленно во тьму.

День неслышно таетъ, гаснетъ безъ слѣда..
Тусклый свѣтъ роняетъ пестрая слюда;

За окошкомъ главы—малый край небесъ,
По простѣнкамъ травы—непостижный лѣсъ.

Съ темной образницы кроткій свѣтъ лампадъ...
Тѣ же, тѣ же лица, что и день назадъ!

Та же все работа, пѣсни безъ души...
Льются дни безъ счета, какъ вода въ тиши...

Только въ воскресенье бѣгло видишь міръ:
Въ церкви чтенье, пѣнье—отдаленный клиръ,

Дома смѣхъ, салазки, снѣжная гора,
Да подъ вечеръ пляски, сказки гусяра.

Сны усталыхъ сладки—жжетъ лебяжій пухъ...
На ухо загадки кто-то шепчетъ вслухъ,

Снится сине море, снится царскій сынъ,
Знаешь страсть и горе, хоть на часъ одинъ!

Утро. Съ образницы кроткій свѣтъ на всѣхъ.
Тихо какъ въ гробницѣ. За окошкомъ—снѣгъ.

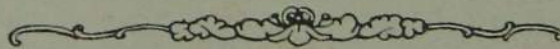
7. ЗНОЙНЫЙ ДЕНЬ.

Бѣлый день, прозрачно бѣлый,
Золотой какъ кружева...
Сосенъ пламенное тѣло,
Зноемъ пьяная трава.

Пробѣгающія тучи,
Но не смѣющія пасть...
Гдѣ то въ сердцѣ, съ силой жгучей,
Затаившаяся страсть.

Не гляди такъ, не зови такъ,
Ласкъ ненужныхъ не желай.
Пусть пылающій напитокъ
Перельется черезъ край.

Ближе вечерь... Солнце клонить
Возрастающую тѣнь...
Пусть же въ памяти потонетъ
Золотой и бѣлый день.

8. ОБЛАКА.

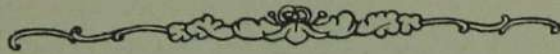
Облака опять поставили
Паруса свои.
Въ зыбь небесъ свой бѣгъ направили
Бѣлыя ладьи.

Тихо, плавно, безъ усилія
Въ даль безъ береговъ
Вышла дружная флотилія
Сказочныхъ пловцовъ.

И, плѣняясь тѣми сферами,
Смотримъ мы съ полей,
Какъ скользятъ рядами сѣрыми
Кили кораблей.

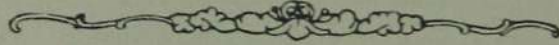
Но и насъ вѣдь долженъ съ палубы
Видѣть кто-нибудь,
Чье желанье сознавало бы
Этотъ вольный путь!

9. НА ПЕСКѢ.

Маленькая дѣвочка
На пескѣ, на лѣсенкѣ
Камешки бросала.
Дѣти пѣли пѣсенки,
Ихъ семья играла.
Маленькая дѣвочка
Камешки бросала.
Бросить вверхъ—смѣется,
Хлопаетъ въ ладошки...
Дѣвочкамъ поется.
Гдѣ-то тамъ въ окошкѣ,
Пѣли, пѣли гаммы.

Маленькая дѣвочка
Камешки бросала,
Маленькая дѣвочка
Наконецъ устала,
На песокъ, на лѣсенкѣ
Прилегла близъ мамы.
Дѣти пѣли пѣсенки;
Въ домикѣ налѣво
Изучали гаммы...
Я слагалъ напѣвы.

10. КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Дѣвочка далекая,
Спи, мечта моя!
Пѣсня одинокая
Надъ тобой—какъ я.

Пѣсня колыбельная,
Сложенная мной,
Странно нераздѣльная
Съ чуткой тишиной.

Это отзвукъ тающій
Прежнихъ, страстныхъ словъ,
Отзвукъ умирающій
Въ тихой безднѣ сновъ.

Словно рѣчь безсвязная --
Память лучшихъ дней...
А была алмазная
Радуга огней!

Дремлешь ты подъ пѣніе
Въ колыбели тьмы...
Будь хоть на мгновеніе
Счастлива какъ мы!

И въ минуту жгучую,
Отъ любви мертва,
Вспомни ночь пѣвучую,
Тихія слова!

Спи, моя далекая,
Въ храмѣ бытія,
Пѣсня одинокая —
Вся любовь моя!

II. ПРЕЗРѢНІЕ.

Великое презрѣніе и къ людямъ и къ себѣ
Растеть въ душѣ властительно, царить въ моей судьбѣ.

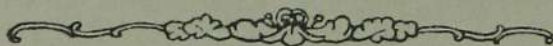
Любилъ бы, да не въ силахъ я, не ищешь и не ждешь,
И всѣ мечты какъ призраки, и всѣ желанья — ложь.

Откроетъ ли намъ истина свое лицо иль нѣтъ,
Я буду ль жить по имени во глуби долгихъ лѣтъ,

И ты, о комъ я думаю, ты любишь ли меня,
И мнѣ скитаться долго ли, иль не дожить и дня,

Мнѣ все равно, мнѣ все равно, слѣжу игру тѣней.
Я долго жизнь разсматривалъ, я присмотрѣлся къ ней.

Какъ листъ, въ потокъ уроненный, я отдаюсь судьбѣ,
И лишь растеть презрѣніе и къ людямъ и къ себѣ.

12. КЪ УСТЬЮ!

На волны набѣгаютъ волны,
Растеть приливъ, отливъ растеть,
Но, не скудѣя, вѣчно полны
Вмѣстилища свободныхъ водъ.

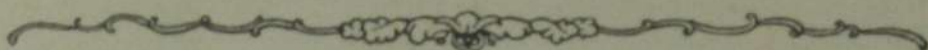
На годы набѣгаютъ годы,
Не молкнетъ ровный стукъ минутъ,
И дни и годы, словно воды,
Въ просторы вѣчности текутъ.

Дыша то радостью, то грустью,
И я мгновеньямъ отдаюсь,
И какъ рѣка стремится къ устью,
Къ безбрежной дали я стремлюсь.

Промчится жизни быстротечность,
За днями дни, за годомъ годъ,
И утлый челнъ мой приметъ вѣчность
Въ неизмѣримости черныхъ водъ.

ОДЫ И ПОСЛАНИЯ.

1. К. Д. БАЛЬМОНТУ.

Вѣчно вольный, вѣчно юный,
Ты какъ вѣтеръ, какъ волна,
Рѣчь твоя поетъ какъ струны,
Входитъ въ души какъ весна.

Вѣетъ вѣтеръ быстролетный
И кругомъ дрожать цвѣты,
Онъ ласкаетъ, безотчетный,
Все вокругъ—таковъ и ты!

Ты какъ звѣзды—близокъ небу.
Да, ты—избранный, поэтъ!
Дара высшаго не требуй!
Дара высшаго и нѣтъ.

„Высшимъ знакомъ ты отмѣченъ“,
Чти свою святыню самъ,
Будь покорень, будь безпечень,
Будь подобень облакамъ.

Все равно, куда ихъ двинетъ
Вѣтеръ, вѣющій кругомъ.
Пусть туманъ какъ градъ застынетъ,
Пусть обрушится дождемъ,

И надъ полемъ и надъ бездной
Облака зарей горятъ.
Будь же тучкой бесполезной,
Какъ она лови закатъ!

Не ищи, гдѣ жаждетъ поле,
На раздумья сновъ не трать.
Намъ забота. Ты на волѣ!
На тебѣ ея печать!

Можетъ: наши сны глубоки,
Голосъ нашъ—вѣкамъ завѣтъ,
Какъ и ты, мы одиноки,
Мы—пророки... Ты—поэтъ!

Ты не нашъ—ты только Божій.
Мы весь годъ—ты краткій май!
Будь—единый, непохожій,
Нашей силы не желай.

Ты сильнѣй насъ! Будь поэтомъ,
Вѣрь мгновенью и мечтѣ.
Стой, своимъ овѣянъ свѣтомъ.
Гдѣ-то тамъ, на высотѣ.

Тщетны дерзкія усилія,
Намъ къ тебѣ не достигнуть!
Ты же, вдругъ раскинувъ крылья,
Въ небесахъ направишь путь.

1903.

2. ЕМУ ЖЕ.

Нѣтъ, мой лучшій братъ, не правъ ты:
Я тебя не разлюблю!
Мы плывемъ, какъ аргонавты,
Душу ввѣривъ кораблю.

Всѣ мы въ дѣлѣ: у кормила,
Тамъ, гдѣ парусъ, гдѣ весло.
Пыль пучины окропила
Наше влажное чело.

Но и въ дикомъ крикѣ фурій,
Взоромъ молній озарень,
Заклинатель духовъ бури,
Ты поешь намъ, Аріонъ!

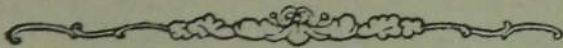
Если насъ къ земному лону
Донести дано судьбѣ,
Первый гимнъ нашъ—Аполлону,
А второй нашъ гимнъ—тебѣ!

Если жъ зыбкій гробъ въ пучинѣ
Присудили парки намъ,
Мы подземной Прозерпинѣ
И таинственнымъ богамъ

Предадимъ съ молитвой душу,—
А тебя изъ мглы пучинъ
Тихо вынесетъ на сушу
На спинѣ своей—дельфинъ.

1903.

3. ВЕНЕЦІЯ.

Почему подь солнцемъ Юга въ яркихъ краскахъ и цвѣтахъ,
Въ формахъ выпукло-прекрасныхъ представалъ предъ взоромъ прахъ?

Здѣсь—пришлецъ я, но когда-то здѣсь душа моя жила.
Это понялъ я, припомнивъ гондолъ черныя тѣла,

Это понялъ, повторяя Юга полныя слова,
Это понялъ, лишь увидѣлъ моего святого Льва!

Отъ условій повседневныхъ жизнь свою освободивъ,
Человѣкъ здѣсь сталъ прекрасенъ и какъ солнце горделивъ.

Онъ воздвигъ дворцы въ лагунѣ, сдѣлалъ дожемъ рыбака,
И къ Венеціи безвѣстной поползли, дрожа, вѣка.

И донынѣ неизмѣнно все хранить здѣсь явный слѣдъ
Презней дерзости и мощи, надъ которой смерти нѣтъ.

Венеція, 1902.

4. ЛЕВЪ СВЯТОГО МАРКА.

Pax tibi, Marce, evangelista meus.

(Надпись на книгѣ, которую держитъ въ лапахъ левъ святого Марка).

Кѣмъ открытъ въ кускѣ металла
Ты, святого Марка левъ?
Чье желанье оковало
На вѣка—державный гнѣвъ?

„Миръ тебѣ, о, Маркъ, глашатай
Вѣчной истины моей.“
И на книгу левъ крылатый
Наступилъ, какъ стражъ морей.

Полузвѣрь и полуптица!
Охраняема тобой,
Пять вѣковъ морей царица
Насмѣхалась надъ судьбой.

Въ топи илистой лагуны
Встали бѣлые дворцы,
Пѣли кисти, пѣли струны,
Миръ судили мудрецы.

Сколько гордыхъ, сколько славныхъ,
Провожая въ море день,
Созерцали крыль державныхъ
Возрастающую тѣнь!

И въ святыя дни Беллини
Ты надъ жизнью міровой
Такъ же гордъ стоялъ, какъ нынѣ
Надъ развѣнчанной страной.

Я—невѣдомый прохожій
Въ суетѣ другихъ бродягъ;
Предъ дворцомъ, гдѣ жили дожи,
Генуэзскій вѣтся флагъ;

Не услышишь ты съ канала
Тасса медленный напѣвъ;
Но, открытъ въ кускѣ металла,
Ты хранишь державный гнѣвъ,

Надъ толпами, надъ вѣками,
Равень міру и судьбѣ,
Левъ съ раскрытыми крылами
На торжественномъ столбѣ.

Венеція, 1902.

5. ПАМЯТИ И. КОНЕВСКОГО.

Блаженъ, кто палъ какъ юноша Ахиллъ.
Прекрасный, мощный, смѣлый, величавый,
Въ н а ч а л ѣ поприща торжество и славы,
Исполненный несокрушенныхъ силъ!

В. К ю х е л ь б е к е р ь.

И ты счастливъ, намъ скорбь—тебѣ веселье.
Не въ будничныхъ тискахъ ты изнемогъ,
Здѣсь на землѣ ты справилъ новоселье,
И празднично еще горитъ чертогъ.

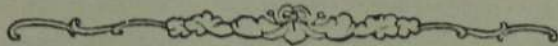
Ты жаждалъ знать. Съ испугомъ и любовью
Пытливымъ взоромъ ты за грань проникъ,—
Но эти сны не преданы злословью,
Изъ тайнъ не сдѣлано тяжелыхъ книгъ.

Ты просіялъ и ты ушелъ, мгновенный,
Изъ кубка новаго одинъ испивъ.
И что предвидѣлъ ты, во всей вселенной
Не повторить никто... Да, ты счастливъ.

Лишь, можетъ быть, свободныя стихіи
Прочли и отразили тѣ мечты.
Онѣ и ты—вы были какъ родные,
И вотъ вы близки вновь,—онѣ и ты!

Ты между нихъ въ раздольи одинокомъ,
Гдѣ тихій прахъ твой сладко погребенъ.
Какъ хорошо тебѣ въ лѣсу далекомъ,
Гдѣ вѣтеръ, и березы, вязъ, и клень!

1901.

6. АНДРЕЮ БѢЛОМУ.

Я многимъ вѣрилъ до изступленности,
Съ такою надеждой, съ такою любовью!
И мнѣ былъ сладокъ мой бредъ влюбленности,
Огнемъ сожженный, залитый кровью.

Какъ глухо въ безднахъ, гдѣ одиночество,
Гдѣ замеръ сумракъ молочно-сизый...
Но снова голосъ! зовутъ пророчества!
На мутныхъ высяхъ чернѣютъ ризы!

„Братъ, что ты видишь?“—Какъ отзвукъ молота,
Какъ смѣхъ вѣдмѣрный, мнѣ откликъ слышенъ:
„Въ сіяніи небо—вино и золото!—
Какъ ярки дали! какъ вечеръ пышенъ!“

Отдавшись снова, спѣшу на кручи я,
По острымъ камнямъ, межъ ихъ изломовъ.
Мнѣ рѣжутъ руки цвѣты колючіе,
Я слышу хохоть подземныхъ гномовъ.

Но въ сердцѣ—съ жаждой рѣшенье строгое,
 Горитъ надежда лучомъ усталымъ.
 Я много вѣрилъ, я проклялъ многое,
 И мстилъ невѣрнымъ въ свой часъ кинжаломъ.

1903.

7. МЛАДШИМЪ.

Они Ее видятъ! они Ее слышатъ!
 Съ невѣстой женихъ въ озаренномъ дворцѣ!
 Свѣтильники тихое пламя колышатъ,
 И отсвѣты радостно блещутъ въ вѣнцѣ.

А я безнадежно бреду за оградой,
 И слушаю говоръ за длинной стѣной.
 Голодное море безумствовать радо,
 Кидаясь на камни, внизу, подо мной.

За окнами свѣтъ, непонятный и желтый,
 Но въ небѣ напрасно ищу я звѣзду...
 Дойдя до воротъ, на желѣзные болты
 Горячимъ лицомъ приникаю—и жду.

Тамъ, тамъ, за дверьми—ликованіе свадьбы,
 Въ дворцѣ озаренномъ съ невѣстой женихъ!
 Желѣзные болты сломать бы, сорвать бы!..
 Но пальцы безсильны и голосъ мой тихъ.

1903.

8. ЮРГИСУ БАЛТРУШАЙТИСУ.

Осенній вѣтеръ выль надъ урной одинокой.
Ю. Б.

Намъ должно жить! Лучомъ и свѣтлой пылью,
Волной и бездной должно опьянѣть,
И всѣ круги пройти—отъ торжества къ безсилью,
Устать прекрасно,— но не умереть!

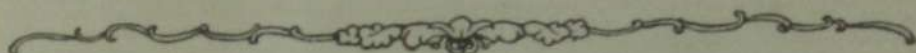
Намъ ввѣрены загадочныя сказки,
Камень, ожерелья и слова,
Чтобъ мѣръ не сталъ глухимъ, чтобъ не померкли краски,
Чтобъ тайна вѣяла, жива.

Блудящій огонекъ—надежда всей вселенной—
Намъ окружилъ вѣнцами волоса,
И если мы умремъ, то онъ—нетлѣнный—
Изъ жизни отлетитъ, къ планетамъ, въ небеса.

Тяжелая плита надъ нашей мертвой грудью
Задвинетъ навсегда всѣ вѣщїе пути,
И вѣтеръ будетъ пѣть унылый гимнъ безлюдью...
Намъ умереть нельзя! нѣтъ, мы должны итти!

ДУМЫ.

1. L'ENNUI DE VIVRE...

Я жить усталъ среди людей и въ дняхъ,
Усталъ отъ смѣны думъ, желаній, вкусовъ,
Отъ смѣны истинъ, смѣны риемъ въ стихахъ.
Желалъ бы я не быть „Валерій Брюсовъ“.
Не предъ людьми—отъ нихъ уйти легко—
Но предъ собой, передъ своимъ сознаньемъ,—
Уже въ былое цѣпь уходитъ далеко,
Которую зовутъ воспоминаньемъ.
Склонясь, иду впередъ, растущій грузъ влача:
Дней, лѣтъ, именъ, восторговъ и паденій.
Со мной мои стихи бѣгутъ, крича,
Грозятъ мнѣ замысловъ недовершенныхъ тѣни,
Слѣпятъ глаза сверканья, безъ числа,
(Слова изъ книгъ, истлѣвшихъ въ сердцахъ — склепѣ),
И женщинъ жадныхъ тѣла
Цѣпляются за звенья цѣпи.

О, да! васъ, женщины, къ себѣ возвалъ я самъ
Отъ ложа душнаго, изъ келій, съ перепутій,
И отдавались мы вдвоемъ одной минутѣ,
И вмѣстѣ мчало насъ теченье по камнямъ.

Вы скованы со мной небеснымъ, высшимъ бракомъ,
Какъ съ моремъ воды впавшихъ рѣкъ,
Своимъ я васъ отмѣтилъ знакомъ,
Я отдалъ душу вамъ—на мигъ, и тѣмъ навѣкъ.
Иныя умерли, иныя измѣнили,
Но всѣ со мной, куда бы я ни шелъ.
И я влеку по днямъ, клонясь какъ воль,
Изнемогая отъ усилій,
Могильнаго креста тяжелый пьедесталъ:
Живую грудь тѣлъ, которыя ласкалъ,
Которыя меня ласкали и томили.

И думы... Сколько ихъ, въ одеждахъ золотыхъ,
Завѣтныхъ думъ, лелѣянныхъ съ любовью,
Принявшихъ плоть и оживленныхъ кровью!..
Я обреченъ вести всю безконечность ихъ.
Есть думы тайныя—и снова въ дѣтской дрожи,
Закрывъ лицо, я падаю во прахъ..
Есть думы свѣтлыя, какъ ангелъ Божій,
Затерянная мной въ холодныхъ дняхъ.
Есть думы гордыя—мои исканья Бога—
Но оскверненные притворствомъ и игрой,
Есть думы-женщины, глядящія такъ строго,
Есть думы-карлики съ изогнутой спиной..
Куда бъ я ни бѣжалъ истоптанной дорогой,
Онѣ летятъ, бѣгутъ, ползутъ—за мной!

А книги... Чистые источники услады,
Въ которыхъ отраженъ родной и близкій ликъ,
— Учитель, другъ, желанный врагъ, двойникъ—
Я въ васъ обрѣлъ всѣ сладости и яды!

Вы были голубемъ въ плывущій мой ковчегъ
И принесли мнѣ вѣсть, какъ древле Ною,
Что ждетъ меня земля, подъ пальмами ночлегъ,
Что свой алтарь на камняхъ я построю...
Съ какою жадностью, какъ тѣсно я приникъ
Къ стоцвѣтнымъ стекламъ, къ окнамъ вѣщихъ книгъ.
И увидалъ сквозь нихъ просторы и сіянья,
Лучей и формъ безвѣстныхъ сочетанья,
Услышалъ странныя, родныя имена...
И годы я стоялъ, безумный, у окна!
Любуясь солнцами, моя душа ослѣпла,
Лучи ее прожгли до глубины, до дна,
И всѣ мои мечты распались горстью пепла.

О, если бъ все забыть, быть вольнымъ, одинокимъ,
Въ торжественной тиши раскинутыхъ полей,
Итти своимъ путемъ, безцѣльнымъ и широкимъ,
Безъ будущихъ и прошлыхъ дней.
Срывать цвѣты, мгновенные какъ маки,
Впивать лучи, какъ первую любовь,
Упасть, и умереть, и утонуть во мракѣ,
Безъ горькой радости воскреснуть вновь и вновь!

2. HABET ILLA IN ALVO.

Ея движенья непроворны,
Она ступаетъ тяжело,
Неся сосудъ нерукотворный,
Въ который небо снизошло.
Святому таинству причастна,
И той причастностью горда,
Она по новому прекрасна,
Внѣ вожделѣній, внѣ стыда.
Въ ночь наслажденья, въ мигъ объятья,
Когда душа была пьяна,
Свершилась истина зачатъя,
О чемъ не вѣдала она!
Въ изнеможеньи и въ истомѣ
Она спала безъ грезъ, безъ силъ,
Но какъ въ эфирномъ водоемѣ
Въ ней цѣлый міръ уже почилъ.
Ты зналъ ее межъ содроганій,
И думалъ, что она твоя...
И вотъ она съ безвѣстной грани
Приноситъ тайну бытія!

Когда мужчина всталъ отъ роковой постели,
Онъ отрываетъ вдругъ себя отъ чаръ ночныхъ,
Дневныя яркости на немъ отяготѣли,
И онъ бѣжитъ въ огнѣ—лучей дневныхъ.

Какъ пахарь, бросилъ онъ зиждительное сѣмя,
Онъ снова жаждетъ дня, чтобъ снова изнемочь,—
Ее жъ изъ рукъ своихъ освобождаетъ Время,
На много мѣсяцевъ владѣетъ ею Ночь!
Ночь—Тайна—Мракъ—Невѣдомое—Чудо,
Намъ непонятное, что приняла она...
Была любовь и мигъ, иль только трепеть блуда,—
И вновь вселенная въ душѣ воплощена!

Ребекка! Лія! мать! съ любовью или злобой
Сокрытый плодъ нося, ты служишь какъ раба,
Но трудъ отвѣтственный дала тебѣ судьба:
Ты охраняешь мѣръ таинственной утробой.
Въ ней сберегаешь ты прошедшіе вѣка,
Которые преемственностью живы,
Лелѣешь юности красивые порывы
И мудрое молчанье старика.
Пространство, время, мысль—вмѣщаешь дважды ты,
Вмѣщаешь и даешь имъ новое теченье:
Ты, женщина, цѣной дѣторожденья
Удерживаешь насъ у грани темноты!
Неси, о, мать, свой плодъ! внемли глубокой дрожи,
Таи дитя, оберегай, питай,
И послѣ, въ срочный часъ, припавъ на ложе,
Яви землѣ опять воскресшій май!

Свершилось. Сонъ недавній явень,
Мигъ вождельнѣя воплощень:
Съ тобой твой сынъ предъ Богомъ равенъ,
Какъ ты сама—безсмертенъ онъ!
Что было свято, что преступно,

Что соблазняло мысль твою,
Ему открыто и доступно,
И онъ какъ первенецъ въ раю.
Что пережито—не вернется,
Беремъ мы миги, ихъ губя!
Ему же солнце улыбнется
Лучомъ, погасшимъ для тебя!
И снова будутъ чисты розы,
И первой первая любовь!
Людьми извѣданныя грезы
Невѣдомыми стануть вновь.
И кто-то, сладкій ядъ объятъ
Вдохнувъ съ дыханьемъ темноты,
(Быть можетъ, также въ часъ зачатъя)
Въ его рукахъ уснетъ, какъ ты!

Иди, походкой неспѣшной,
Неси священный свой сосудъ,
Въ преддверьи каждой ночи грѣшной
Два ангела съ мечами ждуть.
Спадуть, какъ легкія одежды,
Мгновенья радостей ночныхъ.
Иныя, строгія надежды
Откроются за тканью ихъ.
Она покровъ завѣтный тайны,
Сокрытой въ явности вѣковъ,
Но неземной, необычайный,
Огнемъ пронизанный покровъ.
Прими его, покрой главу имъ,
И въ сумракъ его молись,
И вѣрь подъ страстнымъ поцѣлуемъ,
Что въ небѣ глубь, и въ безднѣ высь!

3. ИСКУШЕНІЕ.

Я иду. Спотыкаясь и падая нищъ,
Я иду.
Я не знаю, достигну ль до тайныхъ границъ,
Или въ знойную пыль упаду,
Иль уйду, соблазненный, какъ первый въ раю,
Въ говорящій и манящій садъ,
Но одно—навсегда, но одно—сознаю:
Не итти мнѣ назадъ!

Зной горить, и губы сухи.
Дали строятъ свой миражъ,
Манятъ тѣни, манятъ духи,
Шепчутъ дьяволы: „ты—нашъ!“
Были сонмы поколѣній,
За толпой въ вѣкахъ толпа.
Ты—въ неистовствѣ явленій,
Какъ въ пучинѣ водъ щепя.
Краткій срокъ ты въ безднахъ дышишь,
Отцвѣтаешь, чуть возникъ.
Что ты видишь, что ты слышишь,
Измѣняетъ каждый мигъ.
Не упомнишь словъ священныхъ,
Сладкихъ сновъ не сбережешь!
Нѣтъ свершеній не мгновенныхъ,
Таесть истина, какъ ложь.

И сквозь пальцы мудрость міра
Протекаетъ, какъ вода
И восторгъ блестящій пира
Исчезаетъ навсегда.
Совершивъ свой путь тяжелый,
Съ бою капли тайнъ собравъ,
Ты предъ смертью встанешь голый,
О, мудрецъ, какъ сынъ забавъ!
Если жъ смерть тебѣ откроетъ
Тайны всѣ, что ты забылъ,
Такъ чего жъ твой подвигъ стоитъ!
Такъ зачѣмъ ты шель и жилъ!
Все не нужно, что земное,
Шепчутъ дьяволы: „ты—нашъ!“
Я иду въ бездонномъ зноѣ...
Дали строятъ свой миражъ.

„Ты мнѣ отвѣтишь ли, о Сущій,
Зачѣмъ я жажду тѣхъ границъ?
Быть можетъ, ждетъ меня грядущій,
И я предъ нимъ склоняюсь ницъ?“

„О, сердце! въ этихъ тѣняхъ вѣка,
Гдѣ истинъ нѣтъ, иному вѣрь!
Въ себѣ люби сверхчеловѣка...
Явись, нашъ богъ и полузвѣрь!“

„Я здѣсь свершаю путь безплодный,
Безсмысленный, безцѣльный путь,
Чтобъ, наконецъ, душой свободной
Ты могъ предъ Вѣчностью вздохнуть.“

„И чуютъ проблескъ этой дрожи,
Въ себѣ угадывать твой вздохъ—
Миѣ всѣхъ иныхъ блаженствъ дороже...
На краткій мигъ, какъ ты, я—богъ!“

Г И М Н Ъ.

Вновь закатъ одѣнетъ
Небо въ багрянецъ.
Горе, кто обмѣнитъ
На вѣнокъ—вѣнецъ.

Мракомъ міръ не связанъ,
Послѣ ночи—свѣтъ.
Кто миропомазанъ,
Доли лучшей нѣтъ.

Утреннія зори—
Блескъ небесныхъ крыль.
Въ этомъ вѣчномъ хорѣ
Богъ васъ возвѣстилъ.

Времени не будетъ,
Ночи и зари...
Горе, кто забудетъ,
Что они—цари!

Все жарче зной. Упавъ на камнѣ,
Я отдаюся огню лучей,
Но мука смертная легка мнѣ
Подъ этотъ гимнъ, не знаю чей.
И вотъ все явственнѣй, тѣлеснѣй
Ко мнѣ, простершемуся ницъ,
Клонятся, съ умиленной пѣсней,
Изъ волнъ воздушныхъ сонмы лицъ.
О, сколько близкихъ и желанныхъ,
И ты, забытая, и ты!
Въ чертахъ, огнями осіянныхъ,
Какъ не узнать твои черты!
И молніи горять сапфиромъ,
Ихъ синій отблескъ—вѣчный свѣтъ.
Мой слабый духъ предъ лучшимъ міромъ
Уже слышалъ свой привѣтъ!

Но вдругъ подымаюсь я, вольный и дикій,
И тѣни сливаются, гаснутъ въ огнѣ.
Шатаюсь, кричу я,—и хриплые крики
Лишь коршуны слышатъ въ дневной тишинѣ.

„Я жизни твоей не желаю, гробница,
Ты хочешь солгать, гробовая плита!
Такъ, значить, за гранью — вторая граница,
И смерть, какъ и жизнь, только тѣнь и черта?

„Такъ, значить, за смертью такой же бесплодный,
Такой же безцѣльный, бессмысленный путь?
И то же мечтанье о волѣ свободной?
И та жъ невозможность во мглѣ потонуть?

„И нѣтъ намъ исхода! и нѣтъ намъ предѣла!
Исчезнуть, не быть, истребиться нельзя!
Для воли, для духа, для мысли, для тѣла
Единая, та же, все та же стезя!“

Кричу я. И коршуны носятся низко,
Изъ дали таинственной манить миражъ.
Тамъ пальмы, тамъ влага, такъ ясно, такъ близко.
И дьяволы шепчуть со смѣхомъ: „ты—нашъ!“

1903.

4. ИТАЛІЯ.

Страна, измученная страстностью судьбы!
Любовница всѣхъ роковыхъ столѣтій!
Тебя народы чтили какъ рабы,
И императоры какъ дѣти.
Ты съ трона цезарей судила властно міръ,
И большій міръ изъ Ватикана.
Былая власть твоя—низверженный кумиръ,
Но человѣчество твоимъ прошедшимъ пьяно.
Твои художники на зыбкости холста
Запечатлѣли сны, какихъ не будетъ дважды!
Они—къ источникамъ открытыя врата
Для всѣхъ, томящихся отъ безысходной жажды!
На всѣ пути души ты простирала жезль,
Какъ знакъ владычества,—и люди были рады,
Ницъ преклоненные у величавыхъ чреслъ,
Лобзать края одеждъ, ловить слова и взгляды.

Италія! священная царица!
Гдѣ нынѣ скипетръ твой и лавровый вѣнецъ?
Разломана твоя золотая колесница,
Раскрыты двери въ твой дворецъ.
Италія! несчастная блудница,
И вотъ къ чему пришла ты, наконецъ!
Въ лоскутьяхъ мантии и въ платьѣ устарѣломъ,

Улыбкой искрививъ надменно строгій ротъ,
Ты вышла торговать еще прекраснымъ тѣломъ,
И въ ложницу твою—открыть за деньги входъ.
Мы смѣемъ всѣ вкусить отъ ласкъ, святыхъ бывало!
Мы можемъ всѣ тебя увидѣть въ наготѣ!
Какъ женщина, ты всѣмъ доступной стала,
И стыдно намъ тебя узнать въ мечтѣ!

Но еще ты прекрасна, Италія!
Подъ заемной краской румянъ,
И съ наглостью робкой во взорѣ!
Прекраснѣе всѣхъ неуниженныхъ странъ,
Къ которымъ покорно ласкается плѣнное море.
Въ лагунахъ еще отражаются
Дворцы вознесенной Венеціи—
Единственный городъ мечты,
И гордые замки вздымаются
Въ суровой и нѣжной Флоренціи,
Гдѣ созданъ былъ сонъ красоты.
И Римъ, чародатель единственный,
Ужасный въ величьи своемъ,
Лежитъ не живой, но таинственный,
Волшебнымъ окованный сномъ.
Нетлѣнные рощи лимонныя
Подъ немислимымъ небомъ цвѣтутъ.
Горы,—въ бѣлыхъ цвѣтахъ новобрачныя!
Воды, собой опьяненныя,
Озаряя гроты прозрачныя,
Говорятъ и живутъ!
Ты прекрасна, Италія,
Отъ Альпъ крѣпковѣйныхъ до ясной Капрен
И далѣе,

До пустынь когда-то богатой Сицилии,
Гдѣ сирокко, уставъ и слабѣя,
Губить высокія лиліи,
Цвѣты святого Антонія,—
Ты прекрасна, Италия,
Какъ знакомая сердцу гармонія!

Я пришелъ къ тебѣ усталый,
Путь недавній потерявъ,
Безпокойный, запоздалый
Напрямикъ по влагѣ травъ.
И случайные скитальцы
Миръ нашли въ твоёмъ дворцѣ...
О, какъ нѣжно эти пальцы
На моемъ легли лицѣ!
Какъ прижавшееся тѣло
Ароматно и свѣжо!
Пусть притворство, что за дѣло!
Пусть обманъ, мнѣ хорошо!
Въ этой нѣжности мгновенной,
Можетъ тайно, разлита,
Непритворна и чиста,
Ласка матери вселенной.

Флоренція, 1902.

5. ПАРИЖЪ.

И я къ тебѣ пришелъ, о городъ многоликій,
Къ просторамъ площадей, въ открытые дворцы:
Я полюбилъ твой шумъ, всѣ уличные крики:
Напѣвъ газетчиковъ, бичи и бубенцы;
Я полюбилъ твой міръ, какъ сонъ, многообразный
И вѣчно дышашій, мучительно живой...
Твоя стихія—жизнь, лишь въ ней твои соблазны
Ты на меня дохнулъ—и я навѣки твой.

Порой казался мнѣ ты безпощадно старымъ,
Но чаще ликовалъ, какъ рѣзвое дитя,
Въ вечерній, тихій часъ по меркнувшимъ бульварамъ
Межъ оконъ блещущихъ людской потокъ катя.
Сверкали фонари, окутанные пряжей
Каштановъ царственныхъ; бросали свой призывъ
Огни ночныхъ рекламъ; легѣли экипажи,
И росъ, и бурно росъ глухой, людской приливъ.
И эти тысячи и тысячи прохожихъ
Я признавалъ волной, текущей въ новый вѣкъ.
И жадно я слѣдилъ теченье вольныхъ рѣкъ,
Самъ—капелька на днѣ въ ихъ каменистыхъ ложахъ

А ты стоялъ во мглѣ—могучимъ, какъ судьба,
Колоссомъ, давящимъ безчисленныя рати...
Но не скудѣлъ пѣанъ моихъ безумныхъ братій,
И Города съ Людьюми не падала борьба...

Когда же, утомленъ видѣньями и свѣтомъ,
Искалъ пріюта я—меня манилъ соборъ,
Давно прославленный торжественнымъ поэтомъ...
Какъ сладко здѣсь мечталъ мой воспаленный взоръ.
Какъ были сладки мнѣ узорчатыя стекла,
Розетки въ вышинѣ—сплетенья звѣздъ и лицъ.
За ними суета невольно гасла, блекла,
Предъ вѣчностью душа распростиралась ницъ...
Забывъ напѣвъ псалмовъ и тихій стонъ органа,
Я видѣлъ только свѣтъ, святой калейдоскопъ.
Лишь краски и цвѣта сіяли изъ тумана...
Была иль будетъ жизнь? и колыбель? и гробъ?
И начиналъ миражъ вращаться вкругъ, смѣняя
Всѣ краски радуги, всѣ отблески огней.
И краски были мѣръ. Въ глубокихъ безднахъ рая
Не эти ль образы, вѣка, не утомляя,
Ласкаютъ взоръ ликующихъ тѣней?

А тамъ, за Сеной, былъ еще пріютъ священный.
Кругобразный храмъ и въ безднѣ саркофагъ,
Гдѣ, отдѣленъ отъ всѣхъ, спитъ императоръ плѣнный,—
Суровый нашъ пророкъ и роковой нашъ врагъ!
Сквозь окна льется свѣтъ, то золотой, то синій,
Не яркій, слабый свѣтъ, таинственный какъ мгла,
Прозрачнымъ знаменемъ дрожитъ онъ надъ святыней,
Сливаясь съ вѣяньемъ орлинаго крыла!

Чѣмъ дальше здѣсь стоишь, тѣмъ все кругомъ безгласнѣй,
 Но въ жуткой тишинѣ растеть беззвучный громъ,
 И оживаетъ все, что было дѣтской басней,
 И съ невозможностью стоишь къ лицу лицомъ!
 Онъ вѣкомъ властвовалъ, какъ парусомъ матросы,
 Онъ милліонамъ душъ указывалъ ихъ смерть;
 И сжали вдругъ его стѣной тюрьмы утесы,
 Какъ кровля, налегла расплавленная твердь.
 Заснулъ онъ во дворцѣ—и взоръ открылъ въ темницѣ,
 И умеръ, не понявъ, прошелъ ли страшный сонъ...
 Иль онъ не миновалъ? ты грезишь, что въ гробницѣ?
 И вдругъ войдешь сюда—съ жезломъ и въ багряницѣ,—
 И предъ тобой падемъ—мы ницъ, Наполеонъ!

И эти крайности!—все буйство жизни нашей,
 Средневѣковый міръ, величье страшныхъ дней,—
 Парижъ, ты съединилъ въ своей священной чашѣ,
 Готовя страшный ядъ изъ пѣсенъ и идей!
 Ты человечества—Мальстремъ. Напрасно люди
 Мечтаютъ отъ твоихъ вліяній ускользнуть!
 Ты долженъ все смѣшать въ чудовищномъ сосудѣ.
 Блестить его рѣзьба, незримо таетъ муть.
 Ты властно всѣхъ берешь въ зубчатая колеса
 И мелешь души всѣхъ, и вѣешь легкій прахъ.
 А слезы вѣчности кропятъ его, какъ росы...
 И ты стоишь, Парижъ, какъ мельница, въ вѣкахъ!

Въ тебѣ возможности, въ тебѣ есть духъ движенья,
 Ты вольно окрыленъ, и вольныхъ крыльевъ тѣнь
 Ложится и теперь на наши поколѣнья,
 И стать великимъ днемъ здѣсь можетъ каждый день.

Плотины баррикадъ вонзаль ты смѣло въ стѣны
И замыкаль потокъ мятущихся временъ,
И раздробляль его въ красивыхъ брызгахъ пѣны.
Онъ дальше убѣгалъ, разбитъ, преображень.
Вторгались варвары въ твой сжатый кругъ, крушили
Завѣтные углы твоихъ святыхъ дворцовъ,
Но былъ не властенъ мечъ надъ тайной вѣчной были:
Какъ фениксъ, ты взлеталъ изъ дыма, живъ и новъ.
Парижъ не весь въ домахъ, и въ томъ иль въ этомъ ликѣ:
Онъ часть исторіи, идея, сказка, бредъ.
Свое безсмертіе ты поняль, о великій,
И бреду твоему исчезновенья—нѣтъ!

Парижъ, 1903.

6. МІРЪ.

Я помню этотъ міръ, утраченный мной съ дѣтства.
Какъ сонъ непонятый и прерванный, какъ бредъ...
Я берегу его—единое наслѣдство
Мной пережитыхъ и забытыхъ лѣтъ.
Я помню формы, звуки, запахъ... О! и запахъ!
Амбары темные, огромные кули,
Подвалы подъ-поломъ, въ грудяхъ земли,
Со сходами, припрятанными въ трапахъ,
Картинки въ рамочкахъ на выцвѣтшей стѣнѣ,
Старинныя скамьи и прочныя конторки,
Сквозь пыльное окно какой-то свѣтъ не зоркій,
Лежащій безъ тѣней въ лѣнивой тишинѣ,
И запахъ надо всѣмъ,—нежалящія когти
Вонзающихъ въ мечты, въ желанья, въ рѣчь, во все!
Быть можетъ, выросшій въ веревкахъ или дегтѣ,
Иль вползшій, какъ змѣя, въ безлюдное жилье,
Но царствующій здѣсь надъ всѣмъ житейскимъ складомъ
Проникшій все насквозь, держащій все въ себѣ!
О, позабытый міръ! и я дышалъ тѣмъ ядомъ,
И я причастенъ былъ твоей судьбѣ!

Я помню: за окномъ, за дверью съ хриплымъ блокомъ,
Былъ плоскій и глухой, всегда нечистый дворъ.
Стѣной и вывѣской кончался кругозоръ
(Порой закатъ блестялъ на куполѣ далекомъ.)

И этотъ старый дворъ всегда былъ пустъ и тихъ,
Какъ заводь сорная, вся въ камышахъ и тинѣ...
Мелькнетъ монахиня... Купецъ въ поддевкѣ синей...
Поспѣшно пробѣгутъ два юркихъ половыхъ...
И снова душный сонъ всѣхъ звуковъ, красокъ, линій.
Когда въѣзжалъ сюда телѣгъ тяжелый рядъ,
Съ самоувѣреннымъ и беспощаднымъ скрипомъ,—
И дюжимъ лошадямъ, и безобразнымъ кипамъ,
И громкимъ окрикамъ самъ дворъ казался радъ.
Шумѣли молодцы, стуча вскрывались люки,
Мелькали руки, пахло кумачомъ...
Но проходилъ тотъ часъ, вновь умирали звуки.
Дворъ застывалъ во снѣ, привычномъ и нѣмомъ...
А подъ-вечеръ опять мелькали половые,
Лѣнливо унося порожніе судки...
Но поздно... Главы гаснутъ золотыя.
Углы—пріютъ тѣней—темны и глубоки.
Уже давно вся жизнь влачится неисправнѣй,
Мигаютъ лампы, пахнетъ керосинъ...
И скоро вынесутъ на волю, къ окнамъ, ставни,
И пропоетъ замокъ, и домъ заснетъ—одинъ.

Я помню этотъ міръ. И самъ я въ этомъ мірѣ
Когда-то былъ какъ свой, сливался съ нимъ въ одно.
Я мальчикомъ глядѣлъ въ то пыльное окно,
У сумрачныхъ вѣсовъ игралъ въ большія гири,
И лазилъ по мѣшкамъ въ сараяхъ, гдѣ темно.
Мечтанья дѣтскія въ тѣ дни уже свѣтлѣли:
Мнѣ снились:—рощи пальмъ, безвѣстный океанъ,
И тайны полюсовъ, и бездны подземелій,
И дерзкіе пути междупланетныхъ странъ.
Но дряхлый ветхій міръ на всѣ мои химеры

Улыбкой отвѣчалъ, какъ ласковый старикъ.
 И тихо надо мной—ребенкомъ—никъ,
 Громадный, неподвижный, сѣрый.
 И что-то было въ немъ роднымъ и близкимъ мнѣ.
 Онъ глухо мнѣ шепталъ и понималъ его я...
 И смѣшивалось все какъ въ смутномъ снѣ:
 Мечта о неземномъ и сладкѣй миръ покоя...
 . . . . .

Недавно я прошелъ знакомымъ переулкомъ
 И не узналъ завѣтныхъ мѣстъ совсѣмъ.
 Тотъ, мнѣ знакомый міръ, былъ тусклъ и нѣмъ,—
 Теперь сверкало все, гремѣло въ гулѣ гулкомъ!
 Воздвиглись зданія изъ стали и стекла,
 Дворцы огромные, гдѣ вольно бродятъ взоры...
 Разрыты навсегда таинственныя норы,
 Безстрастный свѣтъ вошелъ туда, гдѣ жалась мгла.
 И лица новыя, и говоръ чуждъ... Все ново!
 Какъ сказка смѣлая—воспоминанья лѣтъ!
 Нѣтъ даже и во мнѣ тогдашняго былого,
 Напрасно я въ душѣ ищу желанный слѣдъ...
 Въ душѣ все новое, какъ въ городѣ торговли,
 И мысли, и мечты, и чаянья, и страхъ.
 Я мальчикомъ мечталъ о будущихъ годахъ:
 И вотъ они пришли... Ну что же? Я таковъ ли,
 Какимъ желалъ я быть? Добылъ ли я вѣнецъ?
 Иль эти зданія, всѣ изъ стекла и стали,
 Возставшія въ душѣ, какъ призрачный дворецъ,
 Всѣ утоленные восторги и печали,
 Все это новое—напрасно взяло верхъ
 Надъ міромъ тѣмъ, что мнѣ—столѣтъя завѣщали.
 Который былъ моимъ, который я отвергъ!

7. IN HAC LACRIMARUM VALLE.

Весь долгій путь свершивъ, по высямъ и низинамъ,
Твои зубцы я вижу, наконецъ,
О, горный кряжъ веселости и смѣха!
Въ разсвѣтнѣй часъ ты выросъ исполиномъ,
Какъ до небесъ воздвигнутый дворецъ,
И гулко на привѣтъ твое мнѣ вторитъ эхо.
За мной паденій стыдъ и боль палящихъ ранъ,
Тѣснины скалъ и быстрины потоковъ,
За мной покинутый въ равнинѣ бранный станъ,
За мной пустыня—міръ безумцевъ и пророковъ...
Кругомъ меня—нѣмые тополя,
Какъ женщины, завернутыя строго.
Свивается причудливо дорога,
Вся бѣлая, мглу на-двое дѣля.
И лиліи, закрывъ въ сыромъ туманѣ
Кадильницы ночныхъ благоуханій,
Сгибаютъ выгибы упругаго стебля.
Чу! ближній ключъ запѣлъ неравномѣрно...
Долина слезъ! чье имя какъ печаль!
Какъ все въ тебѣ неясно и невѣрно.
Но для меня уже бѣлѣетъ даль,
Я вышелъ изъ страны позора и успѣха,
Снимаю я съ своей главы вѣнцы.
Уже блестятъ въ огнѣ, уже блестятъ зубцы,
Твои—о, кряжъ торжественнаго смѣха!

Я взойду при первомъ днѣ
Хохотать къ зубцамъ, на выси,
И на смѣхъ завторять мнѣ
Неумолчнымъ смѣхомъ рыси.

Стану рыскать наугадъ
Вверхъ и внизъ я лугомъ, лѣсомъ:
Встрѣчный другъ и вѣчный братъ
Съ нимфой, съ звѣремъ, съ богомъ, съ бѣсомъ.

Повлекутъ меня съ собой
Къ играмъ рыжіе силены;
Мы натѣшимся съ козой,
Гдѣ лужайку сжали стѣны.

Всѣмъ настанетъ череда
Выпить острый сокъ услады.
Лица скроютъ отъ стыда
Въ чашахъ бѣлыя дриады.

Зазовутъ меня въ свой гротъ
Скальныхъ нѣдръ владыки—гномы.
Буду пить я дикій медъ,
Гость желанный и знакомый.

Я спою имъ про Грааль.
То-то будетъ имъ веселье!
Подарить мнѣ Рюбецаль
На прощанье ожерелье.

Канетъ въ сумракъ лѣтній зной,
Лунный глазъ проглянетъ слѣва,—
Обручальный перстень свой
Мнѣ подастъ лѣсная дѣва.

Я его, склонясь, приму,
Уроню свой плащъ багровый...
Ночь длиннѣй протянетъ тьму,
Отлетятъ ночныя совы.

Я къ вамъ вернусь, о, люди,—вернусь, преображенъ,
Вся жизнь былая будетъ какъ нѣкій душевный сонъ.
Я къ вамъ вернусь воскресшимъ, проснувшимся отъ сна...
Волна волну стираетъ, и все жъ она—волна.
И я иной, чѣмъ прежде, но все же это—я,
И пѣснь моя другая, но это—пѣснь моя.
Никто ее не можетъ сложить, какъ я могу,
А тайну прошлыхъ пѣсенъ я въ сердце берегу.
И всѣ мои напѣвы еще подвластны мнѣ:
И тѣ, что пѣлъ я въ дѣтствѣ, и тѣ, что пѣлъ во снѣ.
Дано мнѣ пѣть, что любо, что нравится мечтамъ,
А вамъ—молчать и слушать, вникать въ напѣвы вамъ!
И что бы ни задумалъ я спѣть—запрета нѣтъ,
И будетъ все достойно, затѣмъ, что я—поэтъ!
Я въ жизнь пришелъ поэтомъ, я избранъ былъ судьбой,
И даже противъ воли останусь самъ собой.
Я понялъ неизбѣжность случайныхъ думъ своихъ,
И самъ я чту покорно свой непокорный стихъ.
Въ моемъ самохваленьи служенье Богу есть,—
Не знаю самъ, какая, и все жъ я міру вѣсть!

ПОЭМЫ.

1. ГОРОДЪ ЖЕНЩИНЪ.

Домчало насъ къ пристани въ часъ предвечерній,
Когда на столбахъ зажигался закатъ,
И волны старались плескаться размѣрнѣй
О плиты бассейновъ и сходы аркадъ.
Былъ берегъ таинственно пустъ и неслышенъ.
Во всей красотѣ златораморныхъ стѣнъ,
Дворцами и храмами, легокъ и пышенъ,
Весь городъ вставалъ изъ прибоевъ и пѣнъ.
У пристани тихо качались галеры,
Какъ будто сейчасъ опустивъ паруса,
И видѣлись улицы, площади, скверы,
А дальше весь край занимали лѣса.
Но не было жизни и не было люда,
Закрытыя окна слагались въ ряды,
И только картины глядѣли оттуда...
И звукъ не сливался съ роптаньемъ воды.

Насъ лоцманъ не встрѣтилъ, гостей неизвѣстныхъ,
И намъ не пропѣла съ таможни труба,

И мы, проходя близъ галеръ многомѣстныхъ,
Узнали, что пусты онѣ какъ гроба.
Мы тихо пристали у длиннаго мола,
И бросили якорь и подняли флагъ.
Мы сами молчали въ тревогѣ тяжелой,
Какъ будто грозилъ неизвѣданный врагъ.
Насъ шестеро вышло бродягъ неуклонныхъ,
Искателей дней, любопытныхъ къ судьбѣ,
Мы дома не кинули дѣвъ обрученныхъ,
И каждый заботился лишь о себѣ.
Съ нѣмого проспекта сойдя въ переулки,
Мы шли и стучались у мертвыхъ дверей,
Но только шаги были четки и гулки,
Да стекла дрожали большихъ фонарей.
Какъ будто манили къ себѣ магазины,
И груды плодовъ и бутылки вина...
Но насъ не окликнулъ привѣтъ ни единый...
И вотъ начала насъ томить тишина.

А съ каждымъ мгновеньемъ яснѣй, неотвязнѣй
Кругомъ разливался и жилъ аромать.
Мы словно тонули въ какомъ-то соблазнѣ
И шли и не знали, пойдѣмъ ли назадъ.
Все было безмолвно, мертво, опустѣло,
Но всюду, у портиковъ, въ сводахъ, въ тѣни
Дышало раздѣтое женское тѣло,—
И въ запахѣ этомъ мы были одни.
Впивая его раздраженнымъ дыханьемъ,
Мы стали пьянѣть, какъ отъ яда змѣи.
Никто, обжигаемый жаднымъ желаньемъ,
Не могъ подавлять трепетанья свои.
Мы стали кидаться на плотныя двери.

Мы стали ломиться въ рѣшетки окна,
Какъ первые люди, какъ дикіе звѣри...
И мгла была запахомъ тѣла полна.

Безъ цѣли, безъ мысли, тупы, но упрямы,
Мы долго качали затворы дворца...
И вдругъ подломились желѣзныя рамы...
Мы замерли,—сразу упали сердца.
Потомъ мы рванулись, тѣснясь, угрожая,
Мы вспрыгнули въ заль, побѣжали впередъ.
На комнаты мгла налегала ночная,
И громко на крики отвѣтствовалъ сводъ.
Мы вокругъ обѣжали пустыя палаты,
Взобрались на верхъ, осмотрѣли весь домъ:
Все было наполнено, свѣжо, богато,
Но не было жизни въ жилищѣ пустомъ.
И запахъ такой же, полнѣй, изначальнѣй,
Въ покояхъ стоялъ, возростая въ тѣни,
И на полъ упали мы въ шелковой спальнѣ,
Цѣлуя подушки, ковры, простыни.
И ночь опустилась, и мы не поднялись,
И насъ наслажденье безмѣрное жгло,
И мы содрогались, и мы задохались...
Когда мы очнулись,—ужь было свѣтло.

Мы шестеро вышли на воздухъ, къ свободѣ,
Безъ словъ отыскали на берегъ пути
И такъ же безъ словъ притаились въ проходѣ:
Мы знали, что дальше не должно итти.
И долго, подъ мраморнымъ портикомъ стоя,
Съ предѣла земли не спускали мы глазъ.

Корабль нашъ качался на зыби прибоя,
 Мы знали, что онъ дожидается насъ.
 По улицамъ, клича, друзья насъ искали.
 Но, слыша, какъ близятся ихъ голоса,
 Мы прятались быстро въ проходъ, въ подвалъ...
 И послѣ корабль распустилъ паруса.
 Поплылъ въ широту и въ свободное море,
 Гдѣ бури, и солнце, и подвиги есть,
 И только въ словахъ баснословныхъ исторій
 Объ насъ, для безумцевъ, останется вѣсть.

Товарищи! братья! плывите! плывите!
 Забудьте про тайну далекой земли!
 О, счастливъ, кто дремлетъ въ надежной защитѣ,—
 Но, дерзкіе, здѣсь мы не смерть обрѣли!
 Найти здѣсь легко пропитанье дневное,
 Нѣтъ, мы не умремъ,—но весь день нашъ унылъ,
 И только встрѣчая дыханье ночное,
 Встаемъ мы въ волненьи воскреснувшихъ силъ!
 И бродимъ по городу въ зломъ ароматѣ,
 И входимъ въ дворцы и въ пустые дома
 Навстрѣчу открытыхъ незримыхъ объятій—
 И вплоть до разсвѣта ласкаетъ насъ тьма.
 Въ ней есть наслажденье до слезъ и до боли,
 И сладко лежать намъ въ пыли и въ крови,
 И счастьемъ въ замѣну не надо намъ воли,
 И зримыхъ лобзаний, и явной любви!

2. ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ.

Онъ придетъ, обезумѣвшій міръ,
Который поэтомъ прославленъ.
Будетъ сладостнымъ ядомъ отравленъ
Воздухъ и самый ээиръ.
Съ каждымъ мигомъ впивая отраву,
Обезумѣютъ бѣдныя дѣти земли:
Мудрецы—земледѣльцы—пѣвцы—короли—
Звѣри—птицы—деревья—и травы.

Станутъ распускаться странные цвѣты,
Яркіе какъ солнце, дышашіе пряно,
Открывая къ воздуху жаждущіе рты.
Яркостью неожиданной заблестѣвъ, поляны
Заструятъ томительный, жгучій аромать.
Птицы изступленныя стаями взлетятъ,
Надъ блестящимъ городомъ и на мѣстѣ дикомъ
Замелькаютъ съ радостнымъ, многосложнымъ крикомъ.
Островами новыми встанутъ въ океанѣ
Сонмы рыбъ, тѣснящихся въ ярости желаній.
Разбѣгутся звѣри по полямъ и нивамъ,
Прыгая, кувыркаясь въ полуснѣ счастливомъ,
И на бѣлой площади сѣверной столицы
Будутъ ползать змѣи и скакать тигрицы.

И люди, медленно пьяня,
Забудутъ скудныя дѣла,
Какъ будто первая Астрея
Въ міръ изнемогшій снизошла.

Затихнуть страшныя машины
И фабрикъ рѣзкіе гудки,
И не подыметъ ни единый
Пилы, лопаты иль кирки.

Всѣ будутъ въ праздничныхъ одеждахъ,
Въ поляхъ, въ пути, на площадяхъ,
Твердя о сбывшихся надеждахъ,
Восторженно цѣлуя прахъ.

И вдругъ все станетъ такъ понятно:
И жизнь земли, и голосъ рѣкъ,
И звѣздъ магическія пятна,
И золотой наставшій вѣкъ.

Возстанутъ новые пророки,
Съ святымъ сіяньемъ вокругъ волосъ,
Твердя, что совершились сроки
И чаянье всемірныхъ грезъ!

И люди всѣ, какъ сестры-братья,
Семья единого отца,
Протянутъ руки и объятъ,
И будетъ радость безъ конца.

Земля, какъ всегда, не устанетъ кружиться,
Вкушая то знойнаго свѣта, то ночи,
Но снами никто не захочетъ упиться,
И будутъ во мракѣ восторженнѣй очи.
Въ полярныхъ пустыняхъ, въ тропическихъ чашахъ,
Въ открытыхъ дворцахъ и на улицахъ шумныхъ
Начнутся неистовства сонмовъ кипящихъ,
Пиры и веселья народовъ безумныхъ.
Покорные тѣмъ же властительнымъ чарамъ,
Веселые звѣри вмѣшаются въ игры,
И дѣвушки въ пляскѣ прильнутъ къ ягуарамъ,
И будутъ съ дѣтьми какъ ровесники тигры.
Безмѣрные хоры и пѣсенъ и криковъ,
Какъ дымы, подымутся въ небо глухое,
До Божьихъ подножій, до ангельскихъ ликовъ.—
Мірамъ славослова блаженство земное.

Дыханьемъ, наконецъ, бессильно опьянѣвъ,
Гдѣ въ зимнемъ блескѣ звѣздъ, гдѣ въ яркомъ лѣтнемъ свѣтѣ,
Возжаждутъ всѣ любви—и взрослые и дѣти—
И будутъ женщины искать мужчинъ, тѣ—дѣвѣ.

И всѣ найдутъ себѣ, кто друга, кто подругу,
И силъ не будетъ имъ насытить страсть свою,
И съ Сѣвера на Югъ и вновь на Сѣверъ съ Юга
Помчитъ великій вихрь единый стонъ: „люблю!“

И звѣри межъ людей на тѣхъ же камняхъ лягутъ,
Ласкаясь и любясь, визжа и хохоча,
На ступеняхъ дворцовъ, у позабытыхъ пагодъ,
Въ раздоліи полей, близъ моря, у ключа.

И странные цвѣты живыми лепестками
Засыплотъ, словно снѣгъ, лежащія тѣла,
И будетъ въ яркій день лазурь горѣть звѣздами,
И будетъ ночи мгла, какъ знойный часъ, тепла.

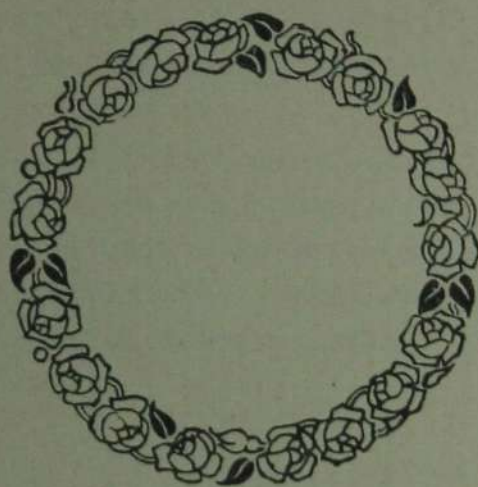
Среди чудовищныхъ видѣній и фантазій,
Среди блуждающихъ и плоть принявшихъ сновъ,
Все жившее замретъ въ восторженномъ экстазѣ,
И Смерть закинетъ сѣть на свой послѣдній ловъ.

Ничто не избѣжитъ своей судьбы блаженной,
Какъ первые въ раю—послѣдніе уснутъ...
И ангелъ вострубитъ надъ смолкнувшей вселенной,
Всѣ тысячи вѣковъ зовя на общій судъ.

1903.

ВѢНОКЪ

(1904—1905)

ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ,

ПОЭТУ, МЫСЛИТЕЛЮ, ДРУГУ.

Изъ сборника «Stephanos».

Какъ страстно ты ждала отвѣта!
И я тебѣ свой даръ принесъ:
Свой даръ святой, свой даръ поэта,—
Вѣнокъ изъ темно-красныхъ розъ.
Мои цвѣты благоуханны,
Горятъ края изъ лепестковъ,
Но знаетъ розами вѣнчанный
Уколы тайные шиповъ.
Вѣнокъ во вѣки не увянетъ
Надъ тихимъ обликомъ чела,
Но каждый вечеръ снова ранитъ
Тебя сокрытая игла.
Въ вѣнцѣ, какъ на веселомъ пирѣ,—
Ты мученица на крестѣ!
Но будь вѣрна въ невѣрномъ мѣрѣ
Своей восторженной мечтѣ!
Мой даръ—святой, мой даръ—поэта
Тебя онъ выше всѣхъ вознесъ,
Гордись какъ дивнымъ нимбомъ свѣта,
Вѣнкомъ изъ темно-красныхъ розъ.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Вячеславу Иванову.

Когда впервые, въ годы блага,
Открылся мнѣ священный міръ,
И я со скалъ Архипелага
Заслышалъ зовъ истлѣвшихъ лиръ,

Когда опять во мнѣ возникла
Вся рать, мутившая Скамандръ,
И дерзкій вскормленникъ Перикла,
И завершитель Александръ,—

Въ душѣ зажглась какая вѣра!
Съ какимъ забвеніемъ я пилъ
И нектаръ сладостный Гомера,
И твой безумный хмель, Эсхиль!

Какъ путникъ надъ разверстой бездной,
Надъ тайной двадцати вѣковъ,
Стремилъ я руки бесполезно
Къ былымъ тѣнямъ, какъ въ область сновъ.

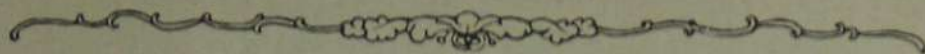
Но путь былъ дологъ, сердце стѣкло,
И зоркость грезъ мрачили дни,
Лишь глубоко подъ грудой пепла
Той вѣры теплились огни.

И вотъ, въ столицѣ жизни новой,
Гдѣ всѣхъ стремящихъ силъ просторъ,
Ты мнѣ предсталъ: и жрецъ суровый
И вѣчно юный тирсофоръ!

Какъ страненъ въ шумѣ нашихъ споровъ,
При нашей яркой слѣпотѣ,
Напѣвъ твоихъ побѣдныхъ хоровъ
Къ неумиравшей красотѣ!

И нашу сѣверную лиру
Сведя на эоійскій звонъ,
Ты возвращаешь мнѣ и міру
Родной и близкій небосклонъ!

ВЕЧЕРОВЫЯ ПѢСНИ.

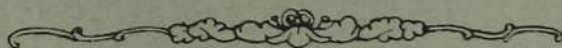
De la musique avant toute chose.
P. Verlaine.

І. ПРИВѢТСТВІЕ.

Поблекъ предзакатный румянецъ.
На нитяхъ серебряно-тонкихъ
Жемчужныя звѣзды повисли,
Внизу—ожерелье огней,
И пляшутъ вечернія мысли
Размѣренно-радостный танецъ
Среди еле слышныхъ и звонкихъ
Напѣвовъ встающихъ тѣней.

Полміра, подѣ таинствомъ ночи,
Вдыхаетъ стихійныя чары
И слушаетъ тѣ же напѣвы
Во храмѣ разверстыхъ небесъ.
Дрожать, обезсилѣвши, дѣвы,
Цѣлуютъ ихъ юноши въ очи,
И мучать безумныхъ кошмары
Стремительнымъ вихремъ чудесъ.

Вамъ всѣмъ, этой ночи причастнымъ,
Со мной въ эту бездну глядѣвшимъ,
Искавшимъ за поясомъ млечнымъ
Священнымъ вопросамъ отвѣтъ,
Сидѣвшимъ на пирѣ безпечномъ,
На ложѣ предсмертномъ нѣмѣвшимъ,
И нынче, въ бреду сладострастнымъ,
Всѣмъ зачатымъ жизнямъ—привѣтъ!

2.

Воздухъ становится синимъ,
Словно разрѣженный дымъ...
Часъ упоительно мирный
Мы успокоенно минемъ,
Близясь къ часамъ роковымъ.

Выгнулся куполь эфирный;
Двигается мѣрно съ Востока
Тѣнь отъ ночного крыла;
Въ безднѣ бездонно-глубокой
Все откровенное тонетъ,
Всюду—лишь ровная мгла.

Морю ли ставить препоны
Валомъ безсильныхъ огней?
Черные всадники гонять
Черныхъ быковъ милліоны, —
Стадо полночныхъ тѣней!

3.

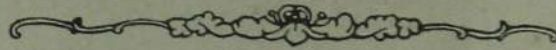
День вечерѣль. Мы были двое.
Ө. Гютчевъ.

Помню вечеръ, помню лѣто,
Рейна полныя струи,
Надъ померкшимъ старымъ Кѣльномъ
Золотые нимбы свѣта,
Въ этомъ храмѣ богомольномъ —
Взоры нѣжные твои...

Гдѣ-то пѣли, гдѣ-то пѣли
Пѣсню милой старины.
Звуки, вѣтромъ тиховѣйнымъ
Донесенные, слабѣли,
И сливались, тамъ, надъ Рейномъ,
Съ робкимъ ропотомъ волны.

Мы любили! мы забыли,
Это вѣчность или часъ!
Мы тонули въ сладкой тайнѣ,
Намъ казалось: мы не жили,
Но когда-то Heinrich Heine
Въ стройныхъ строфахъ пѣлъ про насъ!

4. ТУМАНЪ.

Вдоль тихаго канала
Склоняють вѣтви ивы.
Дорога льнетъ къ водѣ,
Но тѣни торопливы,
И чу! ночная птица
Кричитъ привѣтъ звѣздѣ.

Вдоль тихаго канала
Проходитъ вереница
Поникшихъ бѣлыхъ дѣвъ.
Онѣ идутъ устало,
Закрывъ вуалью лица
И станъ фатой одѣвъ.

Изъ тихаго канала,
Какъ бѣлая громада,
Встають ряды коней,
И всадники ихъ рады
Дышать вечерней влагой,
Спѣшать скорѣй, скорѣй!

Вдоль тихаго канала
Летятъ лихой ватагой
И манятъ дѣвѣ съ собой.
Имъ руки простираютъ—
И бѣлый плащъ свиваютъ
Съ ихъ бѣлою фатой!

5. ГОЛОСЪ ПРОШЛАГО.

Вѣтъ дорога на деревни
Зеленѣющимъ овсомъ,
И поетъ мнѣ голосъ древній,
Колокольчикъ, о быломъ.

Словно въ прошлое глядится
Мѣсяцъ, вставшій надъ рѣкой,
И янтарный ликъ двоится:
Онъ и тотъ же, и другой.

Снова смутное бряцанье,
Вновь и вечеръ, и овесъ,
Лишь одни воспоминанья
Я живыми не донесъ.

Какъ въ туманѣ все поблекло,
На минувшихъ годахъ тѣнь...
Такъ едва мерцаютъ стекла
Удаленныхъ деревень.

Все темнѣе. Кто томится
Въ смутной пѣснѣ подь дугой?
Словно въ прошлое глядится
Ликъ янтарный надъ рѣкой.

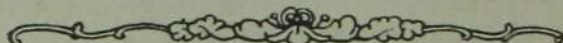
6. ОХОТНИКЪ.

Надъ бредомъ предзакатныхъ маревъ,
Надъ трауромъ вечернихъ тучъ,
По ихъ краямъ огнемъ ударивъ,
Возносится послѣдній лучъ.

И, глуби черныя покинувъ,
Въ лазурный день изъ темноты
Взлетаетъ яркій рой павлиновъ,
Раскрывъ стоцвѣтные хвосты.

А Ночь, охотникъ съ вѣрнымъ лукомъ,
Кладетъ на тетиву стрѣлу.
Она взвилась съ протяжнымъ звукомъ,
И птица падаетъ во мглу.

Весь выводокъ сразили стрѣлы...
Отъ пестрой стаи нѣтъ слѣда...
На западъ, слѣпо потемнѣлый,
Глядитъ Восточная Звѣзда.

7. ЦѢЛЕНІЕ.

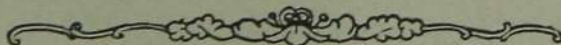
Цѣлитъ вечернее безволие
Мечту смятенную мою.
Лучей дневныхъ не надо болѣе,
Всю тусклость мига признаю!

Пускай темнѣютъ дали синія,
Я не зажгу во тьмѣ свѣчи:
Въ душѣ ни смѣха, ни унынія...
Ты, голосъ памяти,—молчи!

Обвили сладостными платами
Мнѣ тѣни дышащую грудь.
Нависла сводами и скатами
Надъ взоромъ тягостная муть.

Идутъ часы—мгновенья сѣрыя,
Царить всевластно темнота...
Иль позабыть во мглѣ пещеры я,
И все что было—лишь мечта?

Иль я лишь прахъ, во гробѣ тающій,
Я—чей-то призракъ въ блѣдной мглѣ,
Къ давно-минувшему зывающій
И всѣмъ безвѣстный на землѣ!

8. ПРОЩАНІЕ.

Вотъ и ты, печальная, отчалила
Отъ моихъ безмолвныхъ береговъ.
Солнце блѣдный твой вѣнокъ ужалило,
Солнце воды окропило золотомъ,
Дали синія—передъ тобой какъ зовъ.

Я одинъ теперь подъ сводомъ каменнымъ,
Я одинъ среди померкшихъ скалъ.
Что жь! пойду въ пещеру къ вѣрнымъ молотамъ,
Ихъ взносить надъ горномъ жгуче-пламеннымъ,
Опускать ихъ на пылающій металлъ.

Гулокъ стукъ. Со мной лишь гномы плѣнные,
Злобные пособники мои,
Да мои видѣнія мгновенныя,
Да въ мечтахъ послѣднихъ—волны пѣнныя,
Разсѣченныя движеніемъ ладьи.

9. ТИШИНА.

Вечеръ мирный, безмятежный
Кротко намъ взглянулъ въ глаза,
Съ грустью тайной, съ грустью нѣжной...
И въ душѣ подъ тихимъ вѣтромъ
Накренились паруса.

Даръ случайный, даръ мгновенный,
 Тишина, продлись! продлись!
 Надъ равниной вѣчно пѣнной,
 Надъ прибоемъ, надъ буруномъ,
 Звѣзды первыя зажглись.

О плывите! о плывите!
 Тихо зыблемые сны!
 Словно змѣи, словно нити,
 Вьются, путаются, рвутся
 На волнахъ огни луны.

Не уйти намъ, не уйти намъ
 Изъ серебряной черты!
 Мы—горимъ въ кольцо змѣиномъ,
 Мы—два призрака въ сѣнни,
 Мы—двѣ тѣни, двѣ мечты!

10. ПЕРВЫЯ ВСТРѢЧИ.

Какъ любилъ я, какъ люблю я эту робость первыхъ встрѣчъ,
 Эту бѣглость поцѣлуя и прерывистую рѣчь!

Какъ люблю я, какъ любилъ я эти милыя слова,—
 Ихъ напѣвъ не позабылъ я, ихъ душа во мнѣ жива.

Я отъ ласковыхъ признаній, я отъ нѣжныхъ просьбъ отвыкъ,
 Сталъ мнѣ близокъ крикъ желаній, страсти яростный языкъ,

Всѣ слова, какія мучать воспаленныя уста,
Въ часъ, когда безстыдству учать—темнота и нагота!

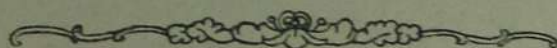
Изъ восторговъ и унынїи я влекусь на голосъ твой,
Какъ изгнанникъ, на чужбинѣ услышавшїи зовъ родной.

Здѣсь въ саду, гдѣ дышать тѣни, здѣсь, гдѣ въ сумракѣ свѣтло,
Быстрой поступью мгновений вновь былое подошло.

Вижу губы въ легкой сѣти ускользящихъ тѣней.
Мы вѣдь дѣти! всѣ мы дѣти, мотыльки вокругъ огней!

Ты укрыла, уклонила въ темноту смущенный взглядъ...
Это было! все, что было, возвратилъ вечернїи садъ!

Страсти сны намъ только снятся, но душа проснется вновь,
Вѣчнымъ свѣтомъ загорятся—лишь влюбленность! лишь любовь!

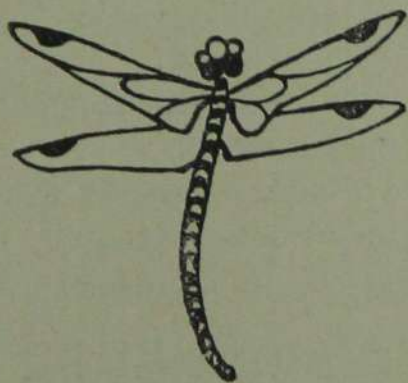
II. ВЕЧЕРЪ ПОСЛѢ ДОЖДЯ.

Вѣтеръ печальный,
Многострадальный,
Съ лаской прощальной
Вѣтви клоня,
Свѣяль хрустальный
Дождь на меня.

Тѣью зеленой
Липъ осѣненный,
Я, окропленный
Майскимъ дождемъ.—
Жрецъ преклоненный
Предъ алтаремъ.

День миновавшій,
Свѣтъ отсіявшій,
Дождь пробѣжавшій.—
Гимнъ этотъ—вамъ!
Вечеръ наставшій,
Властвуй, какъ храмъ!

Ливень весенній
Смолкъ. Безъ движеній
Первыя тѣни
Въ тихой дали.
Часъ примиреній
Съ миромъ земли!

НА САЙМЪ.

Тебя полюбилъ я, красавица нѣжная

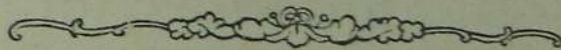
В л. С о л о в ъ е в ъ.

1.

Меня, искавшаго безумій,
Меня, просившаго тревогъ,
Меня, ввѣрившагося думѣ
Подъ гуль колесъ, въ столичномъ шумѣ,
На тихій берегъ бросилъ Рокъ.

И зыби синяя безбрежность,
Меня прохладой осѣня,
Смирила буйную мятежность,
Мнѣ даровала миръ и нѣжность
И вкрадчиво влилась въ меня.

И между сосенъ тонкоствольныхъ,
На фонѣ тайны голубой,
Какъ зовъ отъ всѣхъ томленій дольныхъ,—
Залогъ признаній безглагольныхъ,—
Возникъ твой обликъ надо мной!

2.

Желтымъ шолкомъ, желтымъ шолкомъ
По атласу голубому
Шьютъ невидимыя руки.
Къ горизонту золотому
Ярко-пламеннымъ осколкомъ
Сходитъ солнце въ часъ разлуки.

Тканью празднично-пурпурной
Убираетъ кто то дали,
Разстилая багряницы,
И въ водѣ желто-лазурной
Заметались, заблестали
Красно-огненные птицы.

Но серебряныя змѣи,
Извивая подъ лучами
Спинъ лучистые зигзаги,
Безпощадными губами
Ловятъ, ловятъ все смѣлѣе
Птицъ, мелькающихъ во влагѣ!

3.

Въ дали, благостно сверкающей,
Вечеръ быстро бисеръ нижетъ.
Валь, несмѣло набѣгающій,
Съ влажной лаской отмель лижетъ.

Ропоть ровный и томительный,
Плескъ безпѣнный, шумъ прибоя,
Голосъ сладко убѣдительный,
Зовъ смиренья, зовъ покоя.

Сосны, сонно онѣмѣлая,
Въ блѣдномъ небѣ встали четко,
И надъ ними тѣни бѣлая
Молча гаснуть, таютъ кротко.

+

Мохъ, да верескъ, да граниты...
Чуть шумить сосновый боръ.
Съ поворота вдругъ открыты
Дали синія озеръ.

Какъ коверъ надъ легкимъ склономъ
Нѣжный папоротникъ сплель.
Чу! скрипитъ съ протяжнымъ стономъ
Наклоненный бурей стволъ.

Сколько мощи! сколько лѣни!
То гранить, то мягкій мохъ...
Набѣгаетъ ночь безъ тѣни,
Вѣя, словно вѣщій вздохъ.

5.

Я—упоенъ! мнѣ ничего не надо!
О только бѣ длился этотъ ясный сонъ,
Тянулись гѣни сѣвернаго сада,
Сіяль осенне-блѣдный небосклонъ,
Качались волны, шитыя шелками,
Лиловымъ, краснымъ, желтымъ, золотымъ,
И, проблеставъ надъ синюю янтарями,
Сгушало небо свой жемчужный дымъ,
И падало безумье бѣлой ночи,
Прозрачной, призрачной, чужой—и ты,
Моимъ глазамъ свои ввѣряя очи,
Смушаясь и томясь искала бѣ темноты!

6.

Мы въ лодкѣ вдвоемъ, и ласкаетъ волна
Насъ робкимъ и зыбкимъ качаньемъ.
И въ небѣ и въ насъ безъ конца тишина,
Насъ вечеръ встрѣчаетъ молчаньемъ.
И сердце не вѣритъ въ странѣ тишины,
Что здѣсь, надъ чертогами Ато,
Звенѣли мечи, и вожди старины
За сапо рубились когда то.
И сердце не вѣритъ, дыша тишиной,
Ласкательнымъ миромъ Суоми,
Что билось недавно враждой роковой
И жалось въ предсмертной истомѣ.

7.

Голубое, голубое
Око сумрачной страны!
Каждый день ты вновь иное:
Грезишь, пламенное, въ зноѣ,
Въ непогоду кроешь сны.

То, въ свинцовый плащъ одѣто,
Сосны хмуришь ты, какъ бровь:
То горишь лучами свѣта,
Отъ заката ждешь отвѣта,
Все—истома, все—любовь!

То, надѣвъ свои алмазы,
Тихимъ ропотомъ зыбей,
Ты весь день ведешь рассказы
Про народъ голубоглазый,
Про его богатырей!

Рауѣа.

ПРАВДА ВѢЧНАЯ КУМИРОВЪ.

Позналъ ты правду вѣчную кумировъ.

И в. Коневской,

1. КЪ ДЕМЕТРЪ.

Небо четко, небо сине,
Жгучій лучъ палитъ поля;
Смутно жаждущей пустыней
Простирается земля;

Губы вѣющаго вѣтра
Ищутъ, что поцѣловать...
Низойди въ свой мѣръ, Деметра,
Воззови уснувшихъ, мать!

Глыбы взрыхленныя черны,
Ихъ вспоилъ весенній снѣгъ.
Гдѣ вы, дремлющія зерна,
Замышляйте свой побѣгъ!

Званы вы на пиръ вселенной!
Стебли къ солнцу устремля,
Къ жизни новой, совершенной,
Воскресайте, озимя!

И въ душѣ за ночью зимней
Тоже—свѣтъ, и тоже—тишь.
Что жь, душа, въ весеннемъ гимнѣ
Ты проснуться не спѣшишь?

Какъ засѣянное поле
Простираются мечты,
И въ огнистомъ ореолѣ
Солнце смотритъ съ высоты.

Брошенъ былъ порой осенней
И въ тебя богатый сѣвъ,—
Зерна страсти и мученій,
Всколоситесь какъ напѣвъ!

Время вамъ въ движеняхъ метра
Прозвучать и проблистать.
Низойди въ свой міръ, Деметра,
Воззови къ уснувшимъ, мать!

2. АДАМЪ И ЕВА.

ЕВА.

Адамъ! Адамъ! приикни ближе,
Прильни ко мнѣ, Адамъ! Адамъ!
Свисаютъ вѣтви ниже, ниже,
Плоды склоняются къ устамъ.

АДАМЪ.

Прииникни ближе, Ева! Ева!
Темно. Откуда темнота?
Свисаютъ вѣтви справа, слѣва,
Плоды вонзаются въ уста.

ЕВА.

Адамъ! Адамъ! кто вѣтви клонить?
Кто клонить, слабую, меня?
Въ пѣвучихъ волнахъ тѣло тонетъ,
Твои касанья—изъ огня!

АДАМЪ.

Что жжетъ дыханье, Ева! Ева!
Едва могу взглянуть, вздохнуть...
Что это: плодъ, упавшій съ древа,
Иль то твоя живая грудь?

ЕВА.

Адамъ! Адамъ! я—вся безвольна...
Гдѣ ты, гдѣ я?.. все — сонъ иль явь?
Адамъ! Адамъ! мнѣ больно, больно!
Пусти меня—оставь! оставь!

АДАМЪ.

Такъ надо, надо, Ева! Ева!
Я—твой! Я—твой! Молчи! Молчи!
О, какъ сквозь вѣтви, справа, слѣва,
Потокомъ ринулись лучи!

ЕВА.

Адамъ! Адамъ! мнѣ стыдно свѣта!
О, что ты сдѣлалъ? Что со мной?
Ты позабылъ слова запрета!
Уйди! уйди! дай быть одной!

АДАМЪ.

Какъ плодъ сорвалъ я, Ева, Ева?
Какъ раздавить его я могъ?
О вотъ онъ, знакъ Святого Гнѣва,—
Текущій красный, красный сокъ!

3. ОРФЕЙ И ЭВРЕДИКА.

ОРФЕЙ.

Слышу, слышу шагъ твой нѣжный,
Шагъ твой слышу за собой.
Мы идемъ тропой мятежной,
Къ жизни мертвенной тропой.

ЭВРЕДИКА.

Ты—ведешь, мнѣ -- быть покорной,
Я должна итти, должна...
Но на взорахъ—облакъ черный,
Черной смерти пелена.

ОРФЕЙ.

Выше! выше! всѣ ступени,
Къ звукамъ, къ свѣту, къ солнцу вновь!
Тамъ со взоровъ стають тѣни,
Тамъ, гдѣ ждетъ моя любовь!

ЭВРЕДИКА.

Я не смѣю, я не смѣю,
Мой супругъ, мой другъ, мой братъ!
Я лишь легкой тѣнью вѣю,
Ты лишь тѣнь ведешь назадъ.

ОРФЕЙ.

Вѣрь мнѣ! вѣрь мнѣ! у порога
Встрѣтишь ты, какъ я, весну!
Я, заклявшій лирой—бога,
Пѣсней жизнь въ тебя вдохну!

ЭВРЕДИКА.

Ахъ, что значать всѣ напѣвы
Знавшимъ тайну тишины!
Что весна,—кто видѣлъ сѣвы
Асфоделевой страны!

ОРФЕЙ.

Вспомни, вспомни! лугъ зеленый,
Радость пѣсенъ, радость пляскъ!
Вспомни, въ ночи—потаенный
Сладко жгучій ужасъ ласкъ!

ЭВРЕДИКА.

Сердце — мертво, грудь — недвижна.
 Что вручу объятью я?
 Помню сны, — но непостижна,
 Другъ мой блѣдный, рѣчь твоя.

ОРФЕЙ.

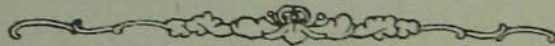
Ты не помнишь! ты забыла!
 Ахъ! я помню каждый мигъ!
 Нѣтъ, не сможетъ и могила
 Затемнить во мнѣ твой ликъ!

ЭВРЕДИКА.

Помню счастье, другъ мой блѣдный,
 И любовь, какъ тихій сонъ...
 Но во тьмѣ, во тьмѣ безслѣдной
 Блѣдный ликъ твой затемнень...

ОРФЕЙ.

— Такъ смотри! — И смотреть дико,
 Вспять, во мракъ пустой, Орфей.
 — Эвредика! Эвредика! —
 Стонуть отзвуки тѣней.

4. МЕДЕЯ.

На позлащенной колесницѣ
 Она свергаетъ столу съ плечь
 И надъ дѣтьми безумной жрицей
 Возноситъ изошренный мечъ.

Узду грызущіе драконы,
Взметая крылья, рвутся въ высь;
Сверкнулъ надъ ними бичъ червлёный,—
Съ земли рванулись, понеслись.

Она летитъ, бросая въ доли
Куски окровавленныхъ тѣлъ,
И мчится съ нею гимнъ веселый,
Какъ туча зазвенѣвшихъ стрѣлъ.

„Вотъ онъ, вотъ онъ, вѣтеръ воли!
Здравствуй! въ уши мнѣ свисти!
Вижу бездну: море, поле—
Съ окрыленнаго пути.

„Мнѣ лишь снилось, что съ людьми я,
Сонъ любви и счастья сонъ!
Духъ мой, пятая стихія,
Снова сестрамъ возвращень.

„Я ль, угодная Гекатѣ,
Ей союзная, могла
Возлюбить тщету объятій,
Сопрягающихъ тѣла?

„Мнѣ ли, мощью чародѣйства
Ночью зыблившей гроба,
Засыпать въ тиши семейства.
Какъ простой женѣ раба?

„Выше, звѣри! хмелемъ мести
Я дала себѣ вздохнуть.
Мой подарокъ—на невѣстѣ,
Жжетъ ей дѣвственную грудь.

„Но, дробя тѣла на части
И бросая на земь ихъ,
Я позоръ послѣдней страсти
Отрясаю съ чреслъ моихъ.

„Выше, звѣри! взвейтесь выше!
Не склоню я внизъ лица,
Но за моремъ вижу крыши,
Верхъ Этова дворца“.

Вожжи брошены драконамъ,
Круче въ воздухѣ стезя.
Поспѣшаютъ за Язономъ,
Обезумѣвшимъ, друзья.

Каждый шагъ—предъ нимъ гробница,
Онъ лобзаетъ красный прахъ...
Но, какъ огненная птица,
Золотая колесница
Въ дымно-рдяныхъ облакахъ.

5. БАЛЬДЕРУ ЛОКИ.

Свѣтлый Бальдеръ! мнѣ навстрѣчу
Ты, какъ солнце, возносишь ликъ.
Чѣмъ лучамъ твоимъ отвѣчу?
Опаленный, я поникъ.
Я взбѣгу къ снѣгамъ, на кручи:
Ты смѣешься съ высоты!
Я внесусь багряной тучей:
Какъ звѣзда сіяешь ты!
Припаду на тайномъ ложѣ
Къ алой ласковости губъ:
Ты метнешь стрѣлу,—и что же!
Я, дрожа, сжимаю трупъ.

Но мнѣ явленъ Нертой мудрой
Призракъ будущихъ временъ.
На тебя, о златокудрый,
Лукъ волшебный наведенъ.
Въ часъ веселья, въ ясномъ полѣ,
Я слѣпцу вручу стрѣлу,—
Вскрикнешь ты отъ жгучей боли,
Вдругъ повергнутый во мглу!
И когда за темной Гелой
Ты сойдешь къ зловѣщимъ снамъ,—
Я предамъ, со смѣхомъ, тѣло
Всѣмъ распятьямъ! всѣмъ цѣлямъ!
Пусть въ пещерѣ ядъ змѣиный
Жжетъ лицо мнѣ,—я въ бреду
Буду пѣть съ моей Сигиной:
Бальдеръ! Бальдеръ! ты въ аду!

Не вотще вѣщали норны
Миѣ таинственный обѣтъ.
Въ пыткахъ вспомнить духъ упорный:
Нѣтъ! не вѣченъ въ мірѣ свѣтъ!
День настанетъ: огнебоги
Сломаютъ мощь небесныхъ силъ,
Рухнутъ Одина чертоги,
Рухнетъ древній Игдразиль.
Выше радуги священной
Встанетъ зарево огня,—
Но послѣдній царь вселенной,
Сумракъ! сумракъ!—за меня.

6. ТЕЗЕЙ АРІАДНѢ.

„Ты спишь, отъ долгихъ ласкъ усталая,
Предавшись дрожи корабля,
А все растеть полоска малая,—
Тебѣ сужденная земля!

„Когда сошелъ я въ сѣнь холодную,
Во тьму излучистыхъ дорогъ,
Твоею нитью путеводною
Я кознь Дедала превозмогъ.

„Въ борьбѣ, меня твой ликъ божественный
Властнѣй манилъ, чѣмъ дальній лавръ...
Разиль я съ силой сверхъестественной, —
И палъ упрямый Минотавръ!

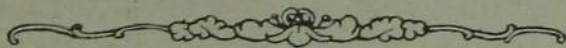
„И сердце въ первый разъ извѣдало,
Что есть блаженство на землѣ,
Когда свое бѣенье предало
Тебѣ—на темномъ кораблѣ!

„Но всѣмъ судило Неизбѣжное,
Какъ высшій долгъ,—быть палачо мѣ.
Друзья! сложите тѣло нѣжное
На этомъ мху береговомъ.

„Довольно страсть путями правила,
Я въ даръ богамъ несу ее.
Намъ, какъ маякъ, давно поставила
Аѳина строгая—копье!“

И надъ водною могилой
Въ отчій край, гдѣ ждетъ Эгей,
Вѣютъ черныя вѣтрила—
Крылья вѣстника скорбей.

А надъ спящей Аріадной,
Словно сонная мечта,
Богъ въ коронѣ виноградной
Клонить страстныя уста.

7. АХИЛЛЕСЪ У АЛТАРЯ.

Знаю я, во вражьемъ станѣ
Изогнулся мѣткій лукъ,
Слышу въ утреннемъ туманѣ
Тетивы пѣвучій звукъ.

Всталъ надъ жертвой облакъ дыма,
Пѣсня хора весела,
Но разить неотвратимо
Аполлонова стрѣла.

Я спѣшу склонить колѣна,
Но не съ трепетной мольбой.
Обрученъ я, Поликсена,
На единый мигъ съ тобой!

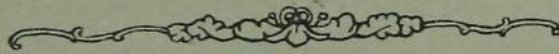
Всѣмъ равно въ глухомъ Эребѣ
Годы долгіе скорбѣть.
Но прекрасенъ ясный жребій—
Просіять и умереть!

Мать звала къ спокойной долѣ...
Нѣтъ! не выбралъ счастья я!
Прошумѣла въ ратномъ полѣ
Жизнь мятежная моя.

И, вступивъ сегодня въ Трою
Въ блескъ царскаго вѣнца,—
Предъ стрѣлою не укрою
Я спокойнаго лица!

Дай, къ устамъ твоимъ приникнувъ,
Посмотрѣть въ лицо твое,
Чтобъ не дрогнувъ, чтобъ не крикнувъ,
Встрѣтить смерти остріе.

И, не кончивъ поцѣлуя,
Клятвы тихія творя,
Улыбаясь, упаду я
На помостъ алтаря.

8. ОРФЕЙ И АРГОНАВТЫ.

Боги позволили, Арго достроенъ,
Отданъ канатъ произволу зыбей.
Станешь ли ты между смѣлыхъ, какъ воинъ,
Скаль чарователь, Орфей?

Тифись, держи неуклонно кормило!
Мели выглядывай, зоркій Линкей!
Тиграмъ и камнямъ довольно служила
Лира твоя, о Орфей!

Мошень Гераклъ, благородень Менотій,
Мудръ многоопытный старецъ Нелей, —
Ты же провидѣль въ священной дремотѣ
Путь предстоящій, Орфей!

Слава Язону! руно золотое
Жаждетъ вернуть онъ отчизнѣ своей.
Въ день, когда вышли на подвигъ герои,
Будь имъ сподвижникъ, Орфей!

Славь имъ восторгъ достижимой награды,
Думами темныхъ гребцовъ овладѣй,
И навсегда закляви Симплегады
Гимномъ волшебнымъ, Орфей!

9. КЛЕОПАТРА.

Нѣтъ, какъ рабъ не буду распятъ,
Иль какъ плѣнный врагъ казненъ!
Клеопатра! — Вѣрный аспидъ
Намъ обоимъ принесенъ.

Вынь на волю изъ корзины,
Какъ союзницу, змѣю,
Полюбуйся мигъ единый
На живую чешую.

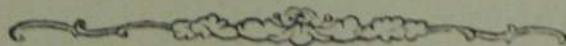
И потомъ на темномъ ложѣ
Дай припасть ей намъ на грудь,
Сладкимъ холодомъ по кожѣ
Въ быстрыхъ кольцахъ проскользнуть.

Не любовь, но смерть намъ свяжетъ
Узы тягостныя рукъ,
И, скрутясь, межъ нами ляжетъ
Нашъ послѣдній тайный другъ.

Губы въ губы, — взглядъ со взглядомъ, —
Встрѣтимъ мы послѣдній судъ.
Два укуса съ жгучимъ ядомъ
Сжатыхъ рукъ не разомкнуть.

И истома муки страстной
Станетъ слабостью конца,
И замрутъ, дрожа согласно,
Утомленныя сердца.

Я какъ рабъ не буду раснять,
Не покорствуй какъ раба!
Клеопатра! — Вѣрный аспидъ —
Наша общая судьба.

10. АНТОНІЙ.

Ты на закатномъ небосклонѣ
Былыхъ, торжественныхъ временъ,
Какъ исполинъ стоишь, Антоній,
Какъ яркій, незабвенный сонъ.

Боролись за народъ трибуны
И императоры—за власть,
Но ты, прекрасный, вѣчно юный,
Одинъ алтарь поставилъ—страсть!

Побѣдный лавръ, и скиптръ вселенной,
И ратей пролитую кровь
Ты бросилъ на вѣсы, надменный,
И перевѣсила любовь!

Когда вершились судьбы міра
Среди вспѣнныхъ боемъ струй,—
Вѣнецъ и пурпуръ триумвира
Ты промѣнялъ на поцѣлуй.

Когда одна черта дѣлила
Въ вѣкахъ величье и позоръ,
Ты повернулъ свое кормило,
Чтобъ разъ взглянуть въ желанный взоръ.

Какъ нимбъ, Любовь, твое сіянье
Надъ всѣми, кто погибъ, любя!
Блаженъ, кто вѣдалъ посмѣянье,
И стыдъ, и гибель—за тебя!

О дай мнѣ жребій тотъ же вынуть,
И въ часъ, когда не конченъ бой,
Какъ бѣглецу, корабль свой кинуть
Вслѣдъ за египетской кормой!

ИЗЪ АДА ИЗВЕДЕННЫЕ.

Въ страну безъ возврата, въ жилище
мертвыхъ устремилась богиня Истаръ — вы-
вести души изъ ада, чтобы онѣ вновь ѣли и
жили.

Изъ ассирійскаго эпоса.

1. ВЪ ПОЛДЕНЬ.

Свершилось! молодость окончена!
Стою надъ новой крутизной.
Какъ было ясно, какъ утончено
Сіянье утра надо мной.

Какъ жрецъ, привѣтствуя мгновенія,
Великій праздникъ первыхъ встрѣчъ,
Впивалъ всѣ краски и всѣ тѣни я,
Чтобъ ихъ молитвенно сберечь.

И чудомъ правды примиряющей
Мнѣ въ полдень пламенный дано
Изъ чаши длительно-сжигающей
Испить священное вино:

Признавъ въ душѣ, навстрѣчу кинутой,
Сны потаенные свои,
Увидѣть небосводъ, раздвинутый
Завѣтной радугой любви,

И сжать уста устами вѣрными,
И жизнь случайностямъ предать,
И надъ просторами безмѣрными
На крыльяхъ страсти задрожать!

Зарю, закатно розоперстую,
Уже предчувствуя вдали,
Смотрю на бездну, мнѣ отверстую,
На шири моря и земли.

Паду, но къ цѣли ослѣпительной
Вторично мнѣ не вознестись,
И я съ поспѣшностью томительной
Всѣмъ существомъ впиваю высь.

2. ПОРТРЕТЪ.

Черты твои — дѣтскія, скромныя,
Закрыты стыдливо виски,
Но смотреть такъ странно, бездомные,
Большіе зрачки.

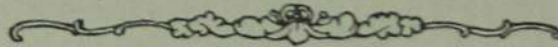
Движеньями грустно усталыми
Ты просишь: оставьте меня.
Язвить тебя жгучими жалами
Дѣйствительность дня.

Не сомкнуты губы безсильныя,
Какъ будто имъ нечѣмъ вздохнуть,
Какъ будто покровы могильныя
Томятъ тебѣ грудь.

Какъ призраки, горько ненужныя,
Мы, люди, скользимъ предъ тобой.
Ты смотришься въ дали жемчужныя
Поникшей душой.

Къ глубинамъ роднымъ наклоняешься,
И рада видѣньямъ,—но вдругъ,
Вся вздрогнувъ, опять возвращаешься
Печально въ нашъ кругъ.

3. ЖРИЦЪ ЛУНЫ.

1.

По твоей улыбкѣ сонной
Лунный отблескъ проскользнулъ,
Властный, ласковый, влюбленный,
Онъ тебѣ призывъ шепнулъ.
Надъ твоей улыбкой сонной
Лунный лучъ проколдовалъ;
Властный, ласковый, влюбленный,
Онъ тебя поцѣловалъ.

И, заслыша зовъ заклятій,
Какъ родные голоса,—
Обратила ты къ Гекатѣ
Тьмой зажженные глаза.
Слыша смутный зовъ заклятій,
Блѣднымъ свѣтомъ залита,
Обратила ты къ Гекатѣ
Помертвѣлыя уста.

Въ жаждѣ ласки, въ жаждѣ страсти
Вся ты—тайна, вся ты—ложь.
Ты у лунныхъ силъ во власти,
Тѣло богу предаешь.
Въ жаждѣ ласки, въ жаждѣ страсти,
Что тебя цѣлую я!
У Астарты ты во власти,
Ты—ея, ты—не моя!

4. ЖРИЦѢ ЛУНЫ

2.

Владыка словъ небесныхъ, Тотъ,
Тебя въ толпѣ земной отмѣтилъ,—
Лишь тѣ часы твой духъ живетъ,
Когда царитъ Онъ,—мертвъ и свѣтель.
Владыка словъ небесныхъ, Тотъ,
Призвалъ тебя въ свой сонмъ священный:
Храня таинственный чередъ,
Слѣдишь ты мѣсяць перемѣнный.

Приходитъ день, приходитъ мигъ:
 Признавъ завѣтныя примѣты,
 Ночному богу тайныхъ книгъ
 Возобновляешь ты обѣты.
 Приходитъ день, приходитъ мигъ:
 Ты въ сонмѣ жриць, въ нездѣшнемъ храмѣ,
 Цѣлуешь мертвый, свѣтлый ликъ
 Своими алыми губами.

Ты міру нашему чужда,
 Тая ревниво знаки Тота.
 И въ шумѣ дня тобой, всегда,
 Владѣетъ вѣщая дремота.
 Ты міру нашему чужда,
 Гдѣ слѣпо властвуетъ Изида.
 Межъ нами—вѣчная вражда,
 Межъ нами—древняя обида!

5. КУБОКЪ.

И кто бъ ни подалъ кубокъ жгучій...
Tertia Vigilia.

Вновь тотъ же кубокъ съ влагой черной,
 Вновь кубокъ съ влагой огневой!
 Любовь, противникъ необорный,
 Я узнаю твой кубокъ черный
 И мечъ, взнесенный надо мной.

О дай припасть устами къ краю
Бокала смертнаго вина!
Я бросилъ щитъ, я уступаю,—
Лишь дай, припавъ устами къ краю,
Огонь отравы пить до дна!

Я знаю, мечъ меня не минетъ,
И кубокъ твой беру, спѣша.
Скорѣй! скорѣй! пусть пламя хлынетъ,
И крикъ восторга въ небо кинетъ
Моя сожженная душа!

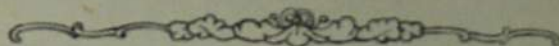
6. МОЛНІЯ.

Опять душа моя расколота
Ударомъ молніи, и я,
Вдругъ ослѣпленный вихремъ золота,
Упалъ въ провалы бытія.

Съ побѣднымъ хохотомъ, товарища,
Лемуры встрѣтили меня—
На пеплѣ стараго пожарища,
Въ дыму послѣдняго огня.

„Ты—нашъ!—вскричали въ дикой нѣжности,—
„Ты нашъ! и въ безднахъ вѣчно будь!
„Свободный духъ предай мятежности.
„Тропы лазурныя забудь!“

И мнѣ отъ жгучей боли весело,
И мнѣ желаненъ мой костеръ,
И небо черный пологъ свѣсило
На мой полуослѣпшій взоръ.

7. ВЪ ЗАСТѢНКѢ.

Кто насъ двухъ, душой враждебныхъ,
Сблизить къ общей цѣли могъ?
Кто заклятьемъ словъ волшебныхъ
Насъ воззвалъ отъ двухъ дорогъ?

Кто надъ пропастью опасной
Даль намъ, взоръ во взоръ, взглянуть?
Кто связалъ насъ мукой страстной?
Кто насъ бросилъ—грудь на грудь?

Мы не ждали, мы не знали,
Что вдвоемъ обречены:
Были чужды наши дали,
Были разны наши сны!

Долго, съ трепетомъ испуга,
Уклонивъ глаза свои,
Отрекались другъ отъ друга
Мы предъ ликомъ Судии.

Онъ же, мудрый, онъ же, строгій,
Осудиль, не облича.
Насъ смутилъ глухой тревогой
Смѣхъ внезапный палача.

Въ дикомъ вихрѣ—кто мы? что мы?
Листья, взвитые съ земли!
Сны восторга и истома
Насъ какъ уголья прожгли.

Здѣсь, упавъ въ безсильной дрожи,
Въ блескѣ молній и въ грозѣ,
Гдѣ же мы: на страстномъ ложѣ
Иль на смертномъ колесѣ?

Сораспятая на муку,
Давній врагъ мой и сестра!
Дай мнѣ руку! дай мнѣ руку!
Мечъ взнесенъ! Спѣши! Пора!

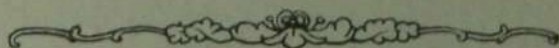
8. ВИДѢНІЕ КРЫЛЬЕВЪ.

Связанные взглядомъ,
Надъ открытой бездной
Наклонились мы,
Рядомъ! рядомъ! рядомъ!
Съ дрожью бесполезной
Предъ соблазномъ тьмы.

Взоры уклоняя,
Шепчешь ты проклятья
Общему пути,—
Зная! зная! зная!
Что тѣснѣй объятья
Мы должны сплести!

Что твои усилія
Разорвать сплетенія
Нашихъ рукъ и глазъ!
Крылья! крылья! крылья!—
Яркое видѣнье
Ослѣпило насъ.

Страшенъ и невѣдомъ,
Тамъ Крылатый Кто-то
Озаренъ огнемъ.
Слѣдомъ! слѣдомъ! слѣдомъ!
Въ чаяннѣ полета
Бросимся вдвоемъ!

9. ВЪ ТРЮМЪ.

Мы—двое брошенные въ трюмъ,
Въ оковахъ на полу простертые.
Едва доходитъ въ глуби мертвая
Далекихъ волнъ неровный шумъ.

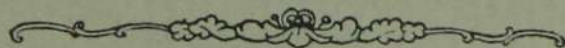
Прошли мы ужасы Суда,
И приговоры намъ прочитаны,
И насъ влечетъ корабль испытанный
Изъ міра жизни навсегда.

Зачѣмъ же ты, лицомъ упавъ
На доски жесткія, холодныя,
Твердишь про области свободныя,
Про воздухъ горь и запахъ травъ!

Забудь о радостныхъ путяхъ,
Забудь благоуханья смольныя,
Нашъ міръ—недѣли подневольныя,
Нашъ міръ—молчанье, мракъ и прахъ...

Но въ мигъ, когда раскрывши дверь,
Палачъ поманитъ насъ десницею,
Останься плѣнною царицею,
Мнѣ руку скованную ввѣрь.

Мы выйдемъ съ поднятымъ челомъ,
На міръ вечерній взглянемъ съ палубы,
И безъ упрека и безъ жалобы
Въ челнокъ послѣдній перейдемъ.

10. ПОСЛѢДНІЙ ПИРЪ.

Блѣднѣютъ тѣни. Изъ-за ставень
Разсвѣтъ безстыдно кажетъ ликъ.
Надъ нами новый день безправень,
Еще царитъ послѣдній мигъ.

Гремитъ случайная телѣга
По тяжкимъ камнямъ мостовой.
Твое лицо бѣлѣе снѣга,
Но строгъ и ясенъ обликъ твой.

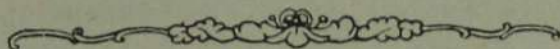
Какъ стадо пьяное кентавровъ,
Спятъ гости безобразнымъ сномъ.
Вѣнки изъ розъ, вѣнки изъ лавровъ
Залиты,—смятые,—виномъ.

На шкуры барсовъ и медвѣдей
Упали сонные рабы...
Пора помыслить о побѣдѣ
Надъ темнымъ гениемъ Судьбы!

Ты подняла фіаль фалерна
И бросила... Условный знакъ!
Моя душа осталась вѣрной:
Зовешь меня—иду во мракъ.

У насъ подъ складками одежды,
Я знаю, ровень сердца стукъ...
Какъ нѣтъ ни страха, ни надежды—
Не будетъ ужаса и мукъ.

Два лезвія блеснутъ надъ ложемъ,
Какъ сонный вздохъ провѣетъ стонъ,—
И, падая, мы не встревожимъ
Кентавровъ пьяныхъ тусклый сонъ.

11. ВЪ СКЛЕПѢ.

Ты въ гробницѣ распростерта въ миртовомъ вѣнцѣ.
Я цѣлую лунный отблескъ на твоёмъ лицѣ.

Сквозь рѣшетчатая окна виденъ кругъ луны.
Въ ясномъ небѣ, какъ надъ нами, тайна тишины.

За тобой, у изголовья вѣнчикъ влажныхъ розъ,
На твоихъ глазахъ, какъ жемчугъ, капли прежнихъ слезъ.

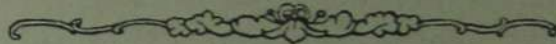
Лунный лучъ, лаская розы, жемчугъ серебрить,
Лунный свѣтъ обходить кругомъ мраморъ старыхъ плитъ.

Что ты видишь, что ты помнишь въ непробудномъ снѣ?
Тѣни темныя все ниже клонятся ко мнѣ.

Я пришелъ къ тебѣ въ гробницу черезъ черный садъ,
У дверей меня лемуры злобно сторожатъ.

Знаю, знаю, мнѣ недолго быть вдвоемъ съ тобой!
Лунный свѣтъ свершаетъ мѣрно путь свой круговой.

Ты—недвижна, ты—прекрасна, въ миртовомъ вѣнцѣ.
Я цѣлую свѣтъ небесный на твоёмъ лицѣ!

12. ДВА ГОЛОСА.

ПЕРВЫЙ.

Гдѣ ты? гдѣ ты, милый?
Наклонись ко мнѣ.
Призракъ темнокрылый
Мнѣ грозилъ во снѣ.
Я была безвольна
Въ сумракѣ безъ дня...
Сердце билось больно...

ДРУГОЙ.

Кто зоветъ меня?

первый.

Ты зачѣмъ далеко?
Темный воздухъ пусть.
Губы одиноко
Ищутъ милыхъ усть.
Почему на ложѣ
Нѣтъ тебя со мной?
Гдѣ ты? кто ты? кто же?

другой.

Въ склепѣ я—съ тобой!

первый.

Саваномъ одѣты
Руки, плечи,—прочь!
Милый, свѣтлый, гдѣ ты?
Насъ вѣнчаетъ ночь.
Жажду повторять я
Милыя слова.
Гдѣ жъ твои объятья?

другой.

Развѣ ты жива?

первый.

И сквозь тьму нѣмую
Вижу—близко ты.
Наклонясь, цѣлую
Милыя черты.

Иль во тѣмѣ забыть ты
 Про любовь свою?
 Любишь, какъ любилъ ты?

ДРУГОЙ.

Понялъ. Мы—въ раю.

13. ИЗЪ АДА ИЗВЕДЕННЫЕ.

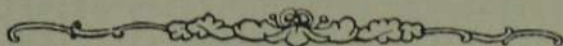
Астарта! Астарта! и ты посмѣялась,
 Въ аду насъ отмѣтила знакомъ своимъ,
 И ужасы пытокъ забылись какъ малость,
 И радость надеждъ расклубилась какъ дымъ.

Одно намъ осталось—сближаться, сливаться,
 Слипаться устами, какъ гроздьямъ висѣть,
 Къ святынямъ касаться рукой святотатца,
 Вплетаться всѣмъ тѣломъ въ Гефестову сѣть.

Дай блѣдныя руки, гдѣ язвы распятыя!
 Дай бѣдную грудь, гдѣ вонзалось копье!
 Края плащаницы хочу цѣловать я,
 Изъ гроба возставшее тѣло твое!

Царица желаній, изведшая души
 Изъ бездны Иркаалы на пламенный свѣтъ!
 Тебѣ, необорной, мы дѣтски послушны:
 И ложе—какъ храмъ, и любовь—какъ обѣтъ!

Астартѣ небесной, предвѣстницѣ утра,
Надъ нами сіяющей ночью и днемъ,
Я—жрецъ темноглазый, съ сестрой темнокудрой,
И ночью и днемъ воспѣваю псаломъ.

14. МАРГЕРИТЬ.

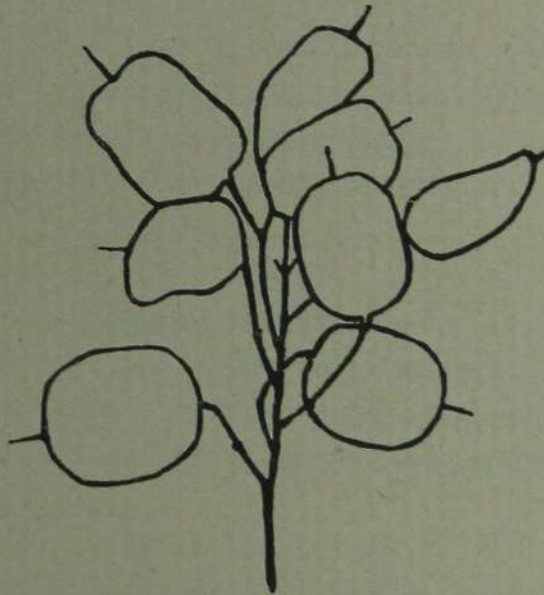
Ты—какъ камень самоцвѣтный,
Ты—какъ жемчугъ маргерить;
Тайный пламень, чуть замѣтный,
Въ глубинѣ его горить.

Я—какъ уголь; жгучимъ горномъ
Пережженный, я погасъ,—
Но таится въ углѣ черномъ
Ослѣпительный алмазь.

Года кругъ великъ и дологъ,
Въ кругъ цѣлый міръ сокрытъ:
И включилъ священный Прологъ
Книгу тайны—Маргерить.

Книгу ль тайнъ не облечете
Въ пышный бархатъ и атласъ?
Пусть блеститъ на переплетѣ
Въ ясномъ золотѣ алмазь!

Выпаль жребій предрѣшенный:
Уголь—я, ты—маргерить.
Но мой ликъ преображенный
Предъ твоей душой горить!

МГНОВЕНІЯ.

Но есть сильнѣй очарованье!

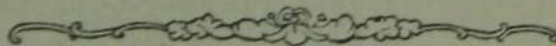
Ө. Т ю т ч е в ъ.

1.

Костра расторгнутая сила
Двухъ тѣлъ сожгла одну мечту,
И влага страсти погасила
Послѣднихъ углей красноту.

И опаленны и безсильны
Въ объятыхъ тщетно мы дрожимъ:
Былое пламя—прахъ могильный,
Надъ нами расточенный дымъ.

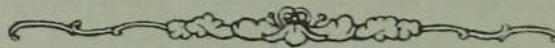
Но знаю, искра тлѣетъ гдѣ то,
Какъ фениксъ воскресаеетъ страсть,—
И въ новый вихрь огня и свѣта
Намъ будетъ сладостно упасть!

2.

Мука сладострастія
Искривила губы.
Ты—въ томленьи счастья,
Я—надъ темной бездной
Двухъ померкшихъ глазъ.
Мы—какъ серафимы,
Мы къ лазури звѣздной
Подымаемъ трубы,
Въ жаждѣ сладко-длительной
Видимъ лучъ незримый
Близкаго разсвѣта,
Задыхаясь, знака
Ждемъ, чтобъ трубный гласъ
Взрѣзалъ завѣсь мрака,
Солнце ослѣпительно
Встало смерчемъ свѣта
И восторгъ стремительно
Въ проласть ринуль насъ.

3.

Серафимовъ вереницы
Наше ложе окружили.
Вѣютъ въ пламенныя лица
Тихимъ холодомъ воскрылій.

Серафимы полукругомъ
Наклонились къ изголовью;
Внемлемъ съ радостнымъ испугомъ
Неземному славословью.

Рѣютъ лики свѣтлымъ дымомъ,
И крылами гасятъ свѣчи,
И кропятъ дождемъ незримымъ
Наши огненные плечи.

4.

Дай устамъ моимъ приникнуть
Къ влажно дышащимъ устамъ,
Чтобъ въ молчаньи могъ возникнуть
Мой завѣтный, тайный храмъ.

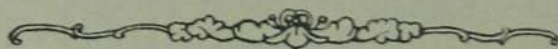
Снова сходы, переходы,
Лѣстницъ узкіе винты,
Въ полутьмѣ лепечуть воды,
Вѣютъ пряные цвѣты.

Дальше! дальше! въ тѣ покои,
Гдѣ во мракѣ слѣпнетъ взоръ.
Чу! какъ пѣнье неземное,
Вдалекѣ дѣвичій хоръ.

Дѣвы! дѣвы! громче киньте
Черезъ сумракъ вѣщій зовъ!
Я теряюсь въ лабиринтѣ
Переходовъ и шаговъ.

Жажду свѣта, жажду встрѣчи
Предъ огнями алтаря.
Вотъ вдали мелькнули свѣчи,
Словно ранняя заря.

Тороплюсь, спѣшу къ подножью
Царскихъ вратъ... упаль, нѣмой...
Съ легкимъ стономъ, съ тихой дрожью
Ты поникла надо мной.

5.

Когда мы бывали
Томительно сцѣплены
(Губы, и руки,
И груди, и плечи),
Изнемогая
Въ сладостной мукѣ,—
Кѣмъ-то затеплены,
Строгія свѣчи
—Отсвѣты рая—
Въ небѣ мерцали
Передъ иконами,

Ангелы пѣли
Гимны хваленій
За небосклонами,
И нѣжились тѣни,
Какъ въ дѣвичей постели
Надъ полями зелеными.

6. ИЗЪ ПѢСЕНЪ МАЛЬДУНА.

Вѣрные челны причальте
Къ этимъ унылымъ тѣснинамъ.
Здѣсь на холодномъ базальтѣ
Черную ночь провести намъ!

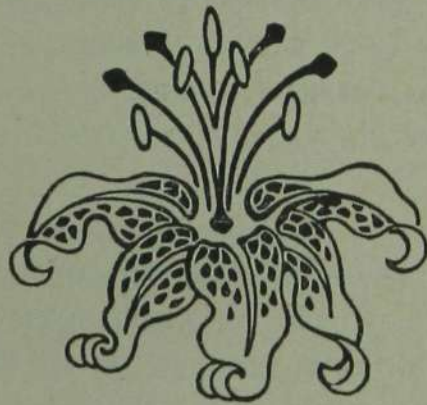
Ахъ! вамъ все снятся магнолій
Купы надъ синимъ заливомъ,—
Время блаженной неволи,
Жизнь въ упоеньи лѣнивомъ.

Ахъ! вамъ все помнятся, братья,
Очи подругъ долго-жданныхъ,
Ихъ огневья объятъ,
Тайны ночей бездыханныхъ!

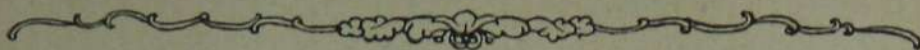
Полно! извѣдано счастье!
Кубокъ пустой опрокинуть.
Слаще, чѣмъ дрожь сладострастья,
Вольныя волны насъ ринуть.

Кормы, качаясь на влагѣ,
Манятъ насъ къ Новому свѣту.
Мы по природѣ—бродяги,
Мы—моряки по обѣту!

Спите же сномъ беззаботнымъ,
Здѣсь, гдѣ я посохъ свой бросилъ:
Завтра, чуть утро блеснетъ намъ,
Снова мы сядемъ у веселья!

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ.

Бродя по думамъ и влачась по днямъ.

Tertia Vigilia.

1. ВСТРѢЧА.

O toi que j'eusse aimée, ô toi qui le savais!
Ch. Baudelaire. (A une passante).

О эти встрѣчи мимолетныя
На гулкихъ улицахъ столицъ!
О эти взоры безотчетные,
Бесѣда бѣглая рѣсницъ!

На зыби яростной мгновеннаго
Мы двое—у одной черты;
Безмолвный крикъ желанья плѣннаго:
„Ты кто, скажи?“—отвѣтъ: „Кто ты?“

И взоромъ прошлое рассказано,
И брошень зовъ ей: „Будь моей!“
И вотъ она обѣтомъ связана...
Но мигъ прошелъ, и мы не съ ней.

Далеко, тамъ, въ толпѣ скользить она,
Уже съ другимъ ея мечта...
Но развѣ страсть не вся испытана,
Не вся любовь пережита!

2. НА УЛИЦЪ.

На людной улицѣ, безумной и мятежной,
Мы встрѣтились на мигъ.
Знакомый взоръ съ какой-то грустью нѣжной
Въ меня проникъ.

И мы вдвоемъ надъ зеркаломъ покатымъ
Дрожали, не дыша.
Въ немъ отражалась призракомъ крылатымъ
Твоя душа.

А я безкрылой, падающей тѣнью
Былъ рядомъ повторень.
Какъ будто звалъ къ послѣдному паденью
Отвѣсный склонъ.

И я ступилъ ногой за край открытый...
Но мимо ты прошла,
И встрѣтилъ шагъ лишь каменная плиты
Взамѣнъ стекла.

3. ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ ДОМЪ.

Ходятъ и дерзко поводятъ плечами,
Камнями, тканями, тѣломъ блестя,
Бедрами, шелкомъ шурша, шелестя...

— „Что же, дитя, ты стоишь какъ во храмѣ?
Очи опущены, шея закрыта...

Кто ты, дитя?“

„—Я—Афродита.“

— „Пѣннорожденная! Андіомена!
Къ жертвамъ привыкшая Эроса мать,
Здѣсь, гдѣ властители—купля и мѣна,
Что тебѣ медлить? чего тебѣ ждать?“

— „Всюду я, гдѣ трепеть страстный
Своевольно зыблетъ грудь.
Вы безсильны, вы не властны
Тайну страсти обмануть!

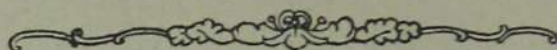
„Лгите зовомъ поцѣлуя,
О любви ведите торгъ,—
Въ мигъ послѣдній, торжествуя,
Опьяните глаза восторгъ!

„Всѣ признанья, ласки, клятвы,
Ревность, близость—лишь тропа,
Гдѣ иду я къ полю жатвы
Съ яркой молніей серпа.

„Въ тишинѣ алькововъ брачныхъ,
И въ весельи грѣшныхъ ложъ,
Желтизну колосьевъ злчныхъ
Узнаетъ равно мой ножъ.

„Здѣсь иль нѣтъ, пришлецъ случайный,
Ницъ ты склонишься челомъ—
Предъ моей предвѣчной тайной,
Подъ моимъ святымъ серпомъ!“

4. ВЪ РЕСТОРАНѢ.

Горите бѣлыми огнями,
Тѣснины улицъ! Двери въ адъ,
Сверкайте пламенемъ предъ нами,
Чтобъ не блуждать намъ наугадъ!

Какъ лица женщинъ въ синемъ свѣтѣ
Обнажены, углублены!
Взметаите яростныя плети
Надъ всѣми, дѣти Сатаны!

Хрусталь горитъ. Вино играетъ.
Въ немъ солнца лучъ освобожденъ.
Напѣвъ ли вальса замираетъ
Иль отдаленный сонный стонъ?

Ты вновь со мной! ты—та же! та же!
Дай повторять слова любви...
Хохочутъ дьяволы на стражѣ,
И алебарды ихъ—въ крови!

Звени огнемъ,—стаканъ къ стакану!
Смотри изъ пытки на меня!
—Плыветъ, плыветъ по ресторану
Синь воскресающаго дня.

5. ВЪ ВАГОНЪ.

Въ ея глаза зеленые
Взглянулъ я въ первый разъ,
Въ ея глаза зеленые,
Когда нашъ свѣтъ погасъ.

Два спутника случайные,
Въ молчаньи безъ огней,
Два спутника случайные,
Мы стали близки съ ней.

Дрожалъ вагонъ размѣренно,
Летѣлъ своимъ путемъ,
Дрожалъ вагонъ размѣренно,
Качая насъ вдвоемъ.

И было здѣсь вліяніе
Качанія и тьмы,
И было здѣсь вліяніе,
Въ которомъ никли мы.

И чьи-то губы близились
Во тьмѣ къ другимъ губамъ,
И чьи-то губы близились...
Иль это снилось намъ?

Въ ея глаза зеленые
Взглянулъ я въ первый разъ,
Въ ея глаза зеленые,
Когда въ нихъ свѣтъ погасъ.

6. ВЪ ИГОРНОМЪ ДОМѢ.

(Chemin de fer).

— „Кто они, скажи мнѣ, птица,
Тѣ двѣнадцать вокругъ стола?
Какъ на ихъ земныя лица
Тѣнь иного налегла?

— „Это я въ узорной башнѣ
Заточила души ихъ,
Ихъ сознаний звукъ всегдашній
Сочетала въ звонкій стихъ.

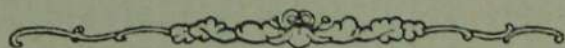
„Это я дала червонцамъ
Тусклый блескъ, холодный ядъ.
И подсолнечники къ солнцамъ
Обращенные стоятъ.

„Я языкъ дала ихъ знакамъ,
Ихъ рѣчамъ безсвязнымъ смыслъ,
Имъ дала упиться мракомъ
Тайныхъ символовъ и числъ.

„Я—мечта, но лишь качну я
Черно-синее крыло,
Слѣдъ святого поцѣлуя—
Тѣнь имъ ляжетъ на чело.

„Непостижна и незрима,
Я храню сомкнутымъ кругъ.
Не иди, безумецъ, мимо,
Будь со мной и будь мнѣ другъ!“

И, дрожа крылами, птица
Взоромъ вѣрныхъ обвела,
И покрылись тѣнью лица,
Всѣ двѣнадцать вокругъ стола.

7. КРЫСОЛОВЪ.

Я на дудочкѣ играю
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Я на дудочкѣ играю,
Чьи-то души веселя.

Я иду вдоль тихой рѣчки,
Тра-ля ля-ля-ля-ля-ля,
Дремлютъ тихія овечки,
Кротко зыблются поля.

Спите, овцы и барашки,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля.
За лугами красной кашки
Стройно встали тополя.

Малый домикъ тамъ таится,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Милой дѣвушкѣ приснится,
Что ей душу отдасть я.

И на нѣжный зовъ свирѣли,
Тра-ля ля-ля-ля-ля-ля,
Выйдетъ словно къ свѣтлой цѣли
Черезъ садъ, черезъ поля.

И въ лѣсу подъ дубомъ темнымъ,
Тра-ля ля ля-ля-ля-ля,
Будетъ ждать въ бреду истомномъ,
Въ часъ когда уснетъ земля.

Встрѣчу гостью дорогую,
Тра ля-ля ля-ля-ля ля,
Вплоть до утра зацѣлюю,
Сердце лаской утоля.

И, смѣнившись съ ней колечкомъ,
Тра-ля-ля ля-ля-ля-ля,
Отпущу ее къ овечкамъ,
Въ садъ, гдѣ стройны тополя.

8. ПОСЛѢ ПИРА.

Мы съ дрожью страсти и печали,
Едва надъ моремъ разсвѣло,
Ей чресла розами вѣнчали
И гіацинтами чело.

На тѣлѣ розовомъ и бѣломъ,
Какъ кровь горѣли капли розъ,
Одни мы были въ мірѣ цѣломъ,
И храмомъ сталъ нагой утесъ.

Жрецы ночей и наслажденій,
Мы передъ вѣчной Красотой
Склонили радостно колѣни,
Воспѣвъ невольно гимнъ святой.

Но тамъ внизу, когда тумана
Раздвинулся густой покровъ,
Открылись вышедшія рано
На ловлю лодки рыбаковъ.

И отзвукъ пѣсни ихъ убогой
 На высотѣ слышавъ вдругъ,
 Она, объята тревогой,
 Разорвала нашъ тѣсный кругъ.

И солнце, беспощаднымъ ликомъ,
 Взглянувъ, огнемъ зажгло волну,
 И, шагъ ступивъ, съ побѣднымъ крикомъ
 Она низверглась въ глубину.

9. ГРЕБЦЫ ТРИРЕМЫ.

Тѣсно во мглѣ мы сидимъ,
 Люди, надъ ярусомъ ярусъ.
 Зыблются вѣтромъ живымъ
 Гдѣ-то и стяги и парусъ!

Въ узкія окна закатъ
 Краснаго золота бросить.
 Выступилъ сумрачный рядъ
 Тѣлъ, наклоненныхъ у весель.

Цѣпи жестоки. Навѣкъ
 Къ мѣсту прикованы всѣ мы.
 Гдѣ теперь радостный бѣгъ
 Нами влекомой триремы?

Рѣжемъ ли медленный Ниль,
Мѣсимъ ли фризскую тину?
Или насъ Рокъ возвратилъ
Къ бѣлому мысу Пахину?

Пѣсню намъ что ли начать?
Но не разслышать и жалобъ
Тѣ, кто достойны дышать
Моремъ съ разубранныхъ палубъ!

Кто тамъ? Нагая ль жена
Дремлетъ на шкурѣ пантеры?
Чу! это пѣсня слышна
Въ честь вѣнценосной гетеры.

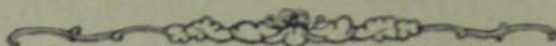
Или то Цезарь пѣвецъ
Лирой тревожитъ Тритона,
Славя свой вѣчный вѣнецъ,
Славя величіе трона?

Нѣтъ! то военныхъ рожковъ
Вызовъ, готовящій къ бою!
Я для друзей иль враговъ
Волны упругія рою?

Эхъ, что мечтать! все равно—
Цезаря влечь иль пирата!
Тускло струится въ окно
Отблескъ послѣдній заката.

Быстро со мглой гробовой
Снова сливаемся всѣ мы,
Мча на невѣдомый бой
Бѣгъ быстrolетной триремы.

10. УЛИЧНЫЙ МИТИНГЪ.

Кто предсѣдатель? кто вожатый?
Не ты ли, Гордый Духъ, съ мечомъ,
Какъ черный нетопырь—крылатый,
Но ликомъ сходный съ божествомъ?

Не ты ль подсказываешь крики
И озлобленья и вражды,
И шепчешь, хохоча, улики,
И намѣчаешь жертвъ ряды?

Не ты ли въ мигъ послѣдній взглянешь
Въ лицо всѣмъ—яростнымъ лицомъ,
И въ руки факелы протянешь
Съ неумирающимъ огнемъ?

И вспыхнуть заревомъ багрянымъ
На вѣчномъ небѣ облака,
И озарятся за туманомъ
Еще не вставшіе вѣка.

Ты въ пламени и клубахъ дыма
Отпляшешь танецъ страшный свой,
Какъ нынѣ властвуя незримо
Надъ торжествующей толпой.

Да, ты пройдешь жестокой карой,
Но изъ наставшей темноты,
Изъ пепла общаго пожара
Воздвигнешь новый міръ -- не ты!

СОВРЕМЕННОСТЬ.

Счастливы, кто посѣтилъ сей мiръ
Въ его минуты роковыя.

Ө. Т ю т ч е в ъ

1. КИНЖАЛЪ.

Иль никогда на голосъ мщенья
Изъ золотыхъ ноженъ не вырвешь свой клинокъ...

М. Л е р м о н т о в ъ.

Онъ вырванъ изъ ноженъ и блещетъ вамъ въ глаза,
Какъ и въ былые дни, отточенный и острый.
Поэтъ всегда съ людьми, когда шумитъ гроза,
И пѣсня съ бурей вѣчно сестры.

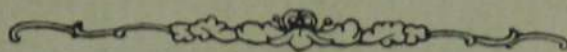
Когда не видѣлъ я ни дерзости ни силъ,
Когда всѣ подъ ярмомъ клонили молча выи,
Я уходилъ въ страну молчанья и могилъ,
Въ вѣка загадочно былые.

Какъ ненавидѣлъ я всей этой жизни строй,
Позорно-мелочный, неправый, некрасивый,
Но я на зовъ къ борьбѣ лишь хохоталъ порой,
Не вѣря въ робкіе призывы.

Но чуть слышалъ я завѣтный зовъ трубы,
Едва раскинулись огнистыя знамена,
Я—отзывъ вамъ кричу, я—пѣсенникъ борьбы,
Я вторю грому съ небосклона.

Кинжалъ поэзіи! Кровавый молній свѣтъ,
Какъ прежде, пробѣжалъ по этой вѣрной стали
И снова я съ людьми,—затѣмъ, что я поэтъ,
Затѣмъ, что молніи сверкали.

1903.

2. ОДНОМУ ИЗЪ БРАТЬЕВЪ.

Свой судъ холодный и враждебный
Ты произнесъ, но ты не правъ!
Мои стихи—сосудъ волшебный
Въ тиши отстоянныхъ отравъ!

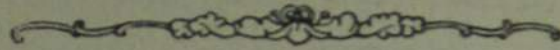
Стремлюсь, какъ ты, къ земному раю
Я, подъ безмѣрностью небесъ:
Какъ ты, на всѣхъ запястьяхъ знаю
Слѣды невидимыхъ желѣзъ.

Но, узникъ, ты, схватилъ сѣкиру,
Ты рубишь твердый камень стѣнъ,
А я, таясь, готовлю міру
Ядъ, гдѣ огонь запечатлѣнъ.

Онъ входитъ въ кровь, онъ входитъ въ душу,
Преображаетъ явь и сонъ...
Такъ! я незримо стѣны рушу,
Въ которыхъ духъ нашъ заточенъ.

Чтобъ въ день, когда мы сбросимъ цѣпи
Съ покорныхъ рукъ, съ усталыхъ ногъ,
Мечтамъ открылись бы всѣ степи
И волямъ—дали всѣхъ дорогъ.

1905.

3. ВОЙНА.

На камняхъ скаль, подъ ропоть бора
Предвѣчной Силой рождена,
Ты—дочь губящаго Раздора,
Дитя неожиданное, Война.

И въ кругъ звѣрей, во мглу пещеры
Тебя швырнула въ гнѣвъъ мать,
И съ дѣтства ты къ сосцамъ пантеры
Привыкла жадно припадать.

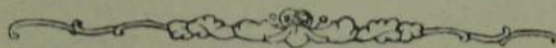
Ты мощью въ мать, хотя суровѣй,
По сердцу ты близка съ отцомъ,
И не людскую жажду крови
Всосала вмѣстѣ съ молокомъ.

Какъ высшій судія, всевластно
Проходишь ты тропой вѣковъ,
И кровь блеститъ полоской красной
На жемчугахъ твоихъ зубовъ.

Ты золотую чашу „право“,
 Отцовскій даръ, бросаешь въ мѣръ,
 Чтобъ усладить струей кровавой,
 Подъ гулы битвъ, свой страшный пиръ.

И за тобой, дружиной вѣрной
 Спѣша, съ знаменами въ рукахъ,
 Всѣ повторяютъ крикъ пантерный,
 Тобой подслушанный въ лѣсахъ.

1904.

4. НА НОВЫЙ 1905 ГОДЪ.

И вотъ въ желѣзной колыбелѣ,
 Въ громахъ, родится новый годъ.
 Э. Тютчевъ (1855).

Весь годъ прошелъ какъ сонъ кровавый,
 Какъ глухо душащій кошмаръ,
 На облакахъ, какъ отблескъ лавы,
 Грядущихъ дней горитъ пожаръ.

Какъ исполинъ въ ночномъ туманѣ
 Всталъ новый годъ, суровъ и слѣпъ,
 Онъ держитъ въ безпощадной длани
 Всѣ таинственныхъ судьбъ.

Качнулись роковыя чаши,
 При свѣтѣ молній взнесены:
 Тамъ жребіи врага и наши,
 Знамена тяжкія войны.

Молчи и никни, умъ надменный!
Се—высшей истины пора!
Предъ міромъ на доскѣ вселенной
Вѣковъ азартная игра.

И въ упоеніи и въ страхѣ
Мы, современники, слѣдимъ,
Какъ вьется кость, въ крови и прахѣ,
Чтобъ выпасть знакомъ роковымъ.

Декабрь 1904.

5. КЪ СОГРАЖДАНАМЪ.

Борьба не тихнетъ. Въ каждомъ домѣ
Стоитъ кровавая мечта,
И ждемъ мы въ тягостной истомѣ
Столбцовъ газетнаго листа.

Въ глухихъ степяхъ, подъ небомъ хмурымъ,
Тревожный духъ нашъ опочилъ,
Гдѣ надъ Мукденомъ, надъ Артуромъ
Паритъ безсмѣнно Азраиль.

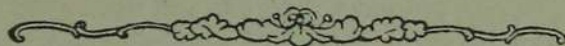
Теперь не время буйнымъ спорамъ,
Какъ и веселымъ звонамъ струнъ.
Вы, ликторы, закройте форумъ!
Молчи, неистовый трибунъ!

Когда падутъ крутыя Вей,
И встанетъ Римъ какъ властелинъ,
Пускай опять идутъ плебеи
На свой священный Авентинъ!

Но въ часъ сраженій, въ ратномъ строѣ,
Всѣ—съ грудью грудь! и тотъ не правъ,
Кто назначенье міровое
Продать способенъ, какъ Исавъ!

Пусть помнятъ всѣ, что рядъ столѣтій
Россіи вѣдать суждено,
Что мы предъ ними—только дѣти,
Что наше время—лишь звено!

Декабрь 1904.

6. ЦУСИМА.

Великолѣпная могила.

П у ш к и н ъ.

Гдѣ море, сжатое скалами,
Рѣкой торжественной течетъ,
Подъ знойно южными волнами,
Изнеможенъ, почилъ нашъ флотъ.

Какъ стая птицъ надъ океаномъ,
За нимъ тоскующей мечтой
По страннымъ водамъ, дивнымъ странамъ
Стремилась мы къ метѣ одной.

И въ день, когда въ огнѣ и бурѣ
Онъ, неповинный, шель ко дну,
Мы въ бездну канули съ лазури,
Мы пили смертную волну.

И мы, какъ онъ, лежимъ, безсильны,
Высь—недоступно далека,
И мчитъ надъ нами грузъ обильный,
Какъ прежде, южная рѣка.

И только слезы, только горе,
Толпой рыдающихъ наядъ,
На стрѣлахъ солнца сходятъ въ море,
Гдѣ наши остовы лежатъ.

Да вмѣстѣ призракъ величавый,
Россія горестная, твой,
Рыдаетъ надъ погибшей славой
Своей затѣи роковой!

И снова все въ вѣкахъ, далеко,
Что было близкимъ наконецъ—
И скипетръ Дальняго Востока,
И Рима Третьяго вѣнецъ!

Іюнь 1905.

7. ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ.

Они кричатъ: за нами право!
Они клянуть: ты бунтовщикъ,
Ты поднялъ стягъ войны кровавой,
На брата брата ты воздвигъ!

Но вы, что сдѣлали вы съ Римомъ,
Вы, консулы, и ты, сенатъ!
О вашемъ гнетѣ нестерпимомъ
И камни улицъ говорятъ!

Вы мнѣ твердите о народѣ,
Зовете охранять покой,
Когда при васъ Милонъ и Клодій,
На площадяхъ вступаютъ въ бой!

Вы мнѣ кричите, что не смѣю
Съ сенатской волей спорить я,
Вы, Римъ предавшіе Помпею,
Во власть сѣкиры и копья!

Хотя бѣ прикрыли гробъ законовъ
Вы лаврами далекихъ странъ!
Но что же! Римскихъ легіоновъ
Значки—во храмахъ у парѳянь!

Давно васъ ждуть въ родномъ Эребѣ!
Вы—выродки былыхъ временъ!
Довольно споровъ. Брошень жребій.
Плыви, мой конь, чрезъ Рубиконь!

Августъ 1905.

8. ЗНАКОМАЯ ПѢСНЬ.

Эта пѣснь душѣ знакома,
Слушалъ я ее въ вѣкахъ.
Это пѣснь—какъ говоръ грома
Надъ равниной, въ облакахъ.

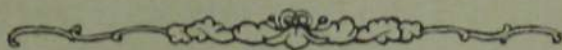
Пѣлъ ее въ свой день Гармодій,
Повторилъ суровый Брутъ,
Въ каждомъ призванномъ народѣ
Тѣ же звуки оживуть.

Это—колоколь вселенной
Съ языкомъ изъ серебра,
Чтò качають мигъ мгновенный
Робепьеры и Марá.

Пусть ударятъ неумѣло:
Въ чистой мѣди тотъ же звонъ!
И надъ нами загудѣла
Пѣснь торжественныхъ временъ.

Я, быть можетъ, богомольнѣй,
Чѣмъ другіе, внемлю ей,
Не хваля на колокольнѣ
Неискусныхъ звонарей.

Августъ 1905.

9. ДОВОЛЬНЫМЪ.

Миѣ стыдно вашихъ поздравленій,
Миѣ страшно вашихъ гордыхъ словъ!
Довольно было униженій
Предъ ликомъ будущихъ вѣковъ!

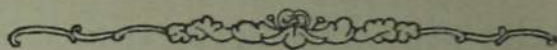
Довольство ваше—радость стада,
Нашедшаго клочекъ травы.
Быть сытымъ—больше вамъ не надо,
Есть жвачка—и блаженны вы!

Прекрасенъ, въ мощи грозной власти,
Восточный царь Ассаргадонъ,
И океанъ народной страсти,
Въ щепы дробящій утлый тронъ!

Но ненавистны полумѣры,
Не море, а глухой каналъ,
Не молнія, а полдень сѣрый,
Не агора, а общій залъ.

На этихъ всѣхъ, довольныхъ малымъ,
Вы, дѣти пламеннаго дня,
Возстаньте смерчемъ, смертнымъ шкваломъ,
Крушите жизнь—и съ ней меня!

18 октября 1905.

10. ЛИКЪ МЕДУЗЫ.

Ликъ Медузы, ликъ грозящій,
Всталъ надъ далью темныхъ дней.
Взоръ—кровавый, взоръ—горящій,
Волоса—сплетенья змѣй.

Это—хаосъ. Въ хаосъ черный
Насъ влечетъ, какъ въ срывъ, стезя.
Споримъ мы, иль мы покорны,
Намъ сойти съ пути нельзя!

Въ эти дни огня и крови,
Что сольются въ дикій бредъ,
Крикъ проклятій, крикъ злословій
Заклеймить тебя, поэтъ!

Но при заревахъ, у плахи,
На руинахъ всѣхъ святынь,
Славь тяжелыхъ ломовъ взмахи,
Лиры гордой не покинь.

Ты, кто пѣлъ безпечность смѣха
И святой покой могиль,
Ты отъ вѣка—въ мірѣ эхо
Всѣхъ живыхъ, всѣхъ мощныхъ силъ.

Міръ завѣтный, міръ прекрасный
Сгибнетъ въ безднѣ роковой.
Быть напѣвомъ бури властной
Вотъ желанный жребій твой.

Съ громомъ близокъ голосъ музы,
Древній хаосъ друженъ съ ней.
Здравствуй, здравствуй, ликъ Медузы,
Тамъ надъ далью темныхъ дней.

Октябрь 1905.

II. ГРЯДУЩЕ ГУННЫ.

Топчи ихъ рай, Атила.
Вяч. Ивановъ.

Гдѣ вы, грядущіе гунны,
Что тучей нависли надъ міромъ!
Слышу вашъ топотъ чугунный
По еще не открытымъ Памирамъ.

На насъ ордой опьянѣлой
Рухните съ темныхъ становій—
Оживить одряхлѣвшее тѣло
Волной пылающей крови.

Поставьте, невольники воли,
Шалаши у дворцовъ, какъ бывало,
Всколите веселое поле
На мѣстѣ троннаго зала.

Сложите книги кострами,
Пляшите въ ихъ радостномъ свѣтѣ,
Творите мерзость въ храмѣ,—
Вы во всемъ неповинны, какъ дѣти!

А мы, мудрецы и поэты,
Хранители тайны и вѣры,
Унесемъ зажженные свѣты,
Въ катакомбы, въ пустыни, въ пещеры.

И что, подь бурей летучей,
Подь этой грозой разрушеній,
Сохранить играющій Случай
Изъ нашихъ завѣтныхъ твореній?

Безслѣдно все сгинетъ, быть можетъ.
Что вѣдомо было однимъ намъ,
Но васъ, кто меня уничтожитъ,
Встрѣчаю привѣтственнымъ гимномъ.

12. КЪ СЧАСТЛИВЫМЪ.

Свершатся сроки: загорится вѣкъ,
Чей лучъ блеситъ на быстринѣ столѣтій,
И твердо станетъ вольный человѣкъ
Предъ ликомъ неба на своей планетѣ.

Единый Городъ скроетъ шаръ земной,
Какъ въ чешую, въ сверкающія стекла,
Чтобъ вѣчно жить ласкательной весной,
Чтобъ листьевъ зелень осенью не блекла;

Чтобъ не было разсвѣтовъ и ночей,
Но чистый свѣтъ, безъ облаковъ, безъ тѣни;
Чтобъ не былъ міръ ни твой, ни мой, ничей,
Но общій даръ идущихъ поколѣній.

Цари стихій, владыки естества,
Послѣдыши и баловни природы,
Начнутъ свершать, въ весельи торжества,
Какъ вѣчный пиръ, ликующіе годы.

Свобода, братство, равенство, все то,
О чемъ томимся мы, почти безъ вѣры,
Къ чему изъ насъ не припадетъ никто,—
Тѣ вкусятъ смѣло, полностью, сверхъ мѣры.

Разоблаченныхъ тайнъ святой родникъ,
Ихъ упоить въ безсонной жаждѣ знанья,
И Красоты осуществленный ликъ
Насытитъ ихъ предѣльныя желанья.

И ляжемъ мы въ вѣкахъ какъ перегной,
Мы всѣ, кто ищетъ, вѣрить, страстно дышитъ,
И этотъ гимнъ, въ быломъ пропѣтый мной,
Я знаю, міръ грядущій не услышитъ.

Мы станемъ сказкой, бредомъ, бѣглымъ сномъ,
Порой встающимъ тягостнымъ кошмаромъ.
Они прійдутъ, какъ мы еще идемъ,
За все заплатятъ имъ,—мы гибнемъ даромъ.

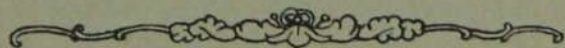
Но что жъ! Пусть такъ! Клони меня. Судьба,
Дышать грядущимъ гордая услада!
И есть иль нѣтъ дорога сквозь гроба,
Я былъ! я есмь! мнѣ вѣчности не надо!

13. ФОНАРИКИ.

Столѣтія—фонарики! о сколько васъ во тьмѣ,
На прочной нити времени, протянутой въ умѣ!
Огни многообразные, вы тѣшите мой взглядъ...
То яркіе, то тусклые фонарики горять.
Сверкаютъ, разноцвѣтные, въ причудливомъ саду,
Въ которомъ, очарованный, и я теперь иду.

Вотъ пламенники красные,—подъ рядъ до десяти.
Ассирія! Ассирія! мнѣ мимо не пройти!
Хочу полюбоваться я на твой багряный свѣтъ:
Цвѣты въ крови, трава въ крови, и въ небѣ красный слѣдъ.
А вотъ гирлянда желтая квадратныхъ фонарей.
Египеть! сила странная въ неяркости твоей!
Пронизываетъ глуби всѣ твой беспощадный лучъ,
И тянется властительно съ земли до хмурыхъ тучъ.
Но что горитъ высоко тамъ, и что слѣпить мой взоръ?
Надъ озеромъ, о Индія, застылъ твой метеоръ.
Взнесенный, неподвиженъ онъ, въ пространствахъ—братъ звѣздъ,
Но пляшутъ отраженія, какъ змѣи, по водѣ.
Широкая, свободная, аллея вдаль влечетъ,
И строгій свѣточъ благостно хранить открытый входъ.
Тебя ли не признаю я, святой Перикловъ вѣкъ!
Ты ясностью, прекрасностью побѣдно мракъ разсѣкъ!
Вхожу. Все блескомъ залито! всѣ сны воплощены!
Всѣ краски, всѣ сверканія, всѣ тѣни сплетены!
О Римъ, свѣтъ ослѣпительный одиннадцати чашъ:
Ты—бѣлый, торжествующій, ты намъ родной, ты нашъ!
Вѣкъ Данте—блескъ таинственный, зловѣще золотой...
Лазурное сіяніе, о Леонардо,—твой!..
Большая лампа Лютера—лучъ устремленный внизъ...
Двѣ маленькія звѣздочки, вѣкъ суетныхъ маркизъ...
Снопъ молній—Революція! За нимъ громадный шаръ,
О ты! вѣкъ девятнадцатый, беспламенный пожаръ!
И вотъ стою ослѣпшій я, мнѣ дальше нѣтъ дорогъ,
А сумракъ отдаленія торжествененъ и строгъ.
Къ сырой землѣ лицомъ припавъ, я лишь могу глядѣть,
Какъ вьется, какъ сплетается огней мелькнувшихъ сѣть.
Но вамъ молюсь, безвѣстные! еще въ ночной тѣни
Сокрытые, не жившіе, грядущіе огни!

П О Э М Ы.

1. СЛАВА ТОЛПѢ.

Въ пропасти улицъ закинута,
Городомъ взятыя въ плѣнъ,
Что мы мечтаемъ о Солнцѣ потерянномъ!
Области Солнца задвинуты
Плитами комнатныхъ стѣнъ.
Въ свѣтѣ искусственномъ,
Четкомъ, умѣренномъ,
Взоры отъ красокъ отучены,
Имъ ли въ расплавленномъ золотѣ зорь потонуть!
Гуломъ сопутственнымъ,
Лязгомъ желѣзнымъ
Празднуетъ городъ нашъ медленный путь.
Къ безднамъ все глубже уводятъ излучины...
Намъ къ небесамъ, огнезарнымъ и звѣзднымъ,
Не досягнуть!

Здравствуй же, Городъ, всегда озабоченный,
Въ свѣтѣ искусственномъ,
Въ царственной смѣнѣ сверканій и тьмы!
Сладко да будетъ намъ въ сумракѣ чувственномъ
Этой всемірной тюрьмы!
Окна кругомъ заколочены,

Двери давно замуравлены,
Сабли у стражи отточены,—
Сабли, вкусившія крови,—
Всѣ мы—въ цѣпяхъ!
Слушайте жь пѣснь храмовыхъ славословіи,
Вѣчно живетъ, какъ кумиръ намъ поставленный,—
Каменный прахъ!

Слаблю я толпы людскія,
Самодержавныхъ колодниковъ,
Слаблю дворцы золотые разврата,
Слаблю стеклянныя башни газетъ.
Слаблю я лики благіе
Избранныхъ вѣкомъ угодниковъ—
(Черни признанье—безцѣнная плата,
Дара поэту достойнѣе нѣтъ!)
Слаблю я радости улицы длинной,
Гдѣ съ дерзостнымъ взоромъ и мерзостнымъ хохотомъ
Предлагаютъ блудницы
Любовь,
Гдѣ съ ропотомъ, топотомъ, грохотомъ
Двигутся лицъ вереницы,
Вновь
Странно задѣты тоской изумрудной
Первыхъ тѣней,—
И летятъ экипажи, какъ строй безразсудный,
Мимо зеркальныхъ сіяній,
Мимо рукъ, что хотятъ подаяній,
Къ ликующимъ вывѣскамъ наглыхъ огней!

Но слаблю и день ослѣпительный
(Въ тысячахъ дней неизбѣжный),

Когда среди крови, пожара и дыма,
Неумолимо,
Толпа возвышаетъ свой голосъ мятежный,
Властительный,
Въ безуміи пьяныхъ веселій
Все прошлое топчетъ во прахъ,
Играетъ, со смѣхомъ, въ кровавыя плахи,
Но, словно влекома таинственнымъ гениемъ
(Какъ рѣка свои воды къ простору несущая),
Съ неуклоннымъ прозрѣніемъ,
Стремится къ торжественной цѣли,
И, требуя царственной доли,
Глуха и слѣпа,
Открываетъ дорогу въ столѣтъя грядущія!

Славлю я правду твоихъ своеволій,
Толпа!

2. ДУХИ ОГНЯ.

Потокомъ широкимъ тянулся асфальтъ,
Какъ горящія головы темныхъ повѣшенныхъ,
Фонари въ высотѣ, не мигая, горѣли.
Дѣлали двойственнымъ мѣръ зеркальныя окна.
Бѣдныя дѣти земли
Навстрѣчу мнѣ шли,
Города дѣти и ночи:
(Тѣни скорбей неутѣшенныхъ,
Ткани безвѣстной волокна!)
Чета бульварныхъ камелій,
Франтъ въ распахнутомъ пальто,
Запоздалый рабочій,
Старикашка хромающій, юноша пьяный...

Звѣзды смотрѣли на мѣръ, проицая туманы,
Но звѣздъ—въ электрическомъ свѣтѣ—не видѣлъ никто.

Потокомъ широкимъ тянулся асфальтъ.
Шагъ за шагомъ падалъ я въ бездны,
Въ хаосъ предсвѣтно-дозвѣздный.

Я видѣлъ кипящій базальтъ,
Въ озерахъ стоящій порфиръ,
Ручьи раскаленнаго золота,
И рушились ливни на пламенный міръ,
И снова вносились густыми клубами какъ паръ,
Изорванный молньями въ клочья.
И слышались громы: на огненный шаръ,
Дрожавшій до тайнъ своего средоточья,
Ложились удары незримаго молота.

Въ этомъ горнилѣ вселенной,
Въ этомъ смѣшеніи всѣхъ силъ и веществъ,
Я чувствовалъ жизнь изступленныхъ существъ,
Дыханіе воли нетлѣнной.
О, мои старшіе братья,
Первенцы этой планеты,
Духи огня!
Моей душѣ раскройте объятъя,
Въ свои предчувствія—свѣты,
Въ свои желанья—пожары
Примите меня!

Дайте дышать ненасытностью вашей,
Дайте низвергнуться въ вихрь, непрерывный и ярый,
Вашихъ безмѣрныхъ трудовъ и безумныхъ забавъ!
Дайте припасть мнѣ къ сверкающей чашѣ
Васъ опьянявшихъ отравъ!
Вы,—отъ земли къ облакамъ простиравшіе члены,
Вы, кого зыблилъ всегда огнеструйный самумъ,
Водопадъ катастрофъ,—
Дайте причастнымъ мнѣ быть неустанной измѣны,

Дайте мнѣ вашихъ грохочущихъ думъ,
Молнійныхъ словъ!

Я буду соратникомъ вашихъ космическихъ споровъ,
Стихійныхъ сраженій,
Колебавшихъ нашъ міръ на его непреложной орбитѣ!
Я голосомъ стану торжественныхъ хоровъ,
Славящихъ творчество Бога и благость грядущихъ событій,
Въ оркестрѣ домірномъ я стану поющей струной!
Извѣдаю съ вами костры наслажденій,
На огненномъ ложѣ,
Въ объятяхъ расплавленной стали,
У пылающей пламенемъ груди,
Касаясь устами сжигающихъ устъ!
Я былинка въ вулканѣ,—такъ что же!
Вы—духи, мы—люди,
Но земля насъ сроднила единствомъ блаженствъ и печалей,
Безъ насъ, какъ безъ васъ, этотъ шаръ бездыханень и пустъ!

Потокомъ широкимъ тянулся асфальтъ.
Фонари, не мигая, горѣли,
Какъ горящія головы темныхъ повѣшенныхъ.
Бѣдныя дѣти земли
Навстрѣчу мнѣ шли:
(Тѣни скорбей неутѣшенныхъ!)
Чета бульварныхъ камелій,
Запоздалый рабочій,
Старикашка хромающій, юноша пьяный,—
Города дѣти и ночи...
Звѣзды смотрѣли на міръ, проницая туманы.

3. ВЪ СКВЕРѢ.

(Erlkōnig).

—Что ты здѣсь медлишь въ померкшей коронѣ,
 Рыжая рысь?
 Сириусъ ярче горитъ на уклонѣ,
 Открытѣй высь,
 Таинство утра свершаетъ во храмѣ,
 Предъ алтаремъ, новоявленный день.
 Первые дымы встаютъ надъ домами.
 Первые шорохи зыблютъ разсвѣтную тѣнь.
 Мигъ—и знамена кроваваго цвѣта
 Кинетъ по вѣтру, воспрянувъ, Востокъ.
 Мигъ—и потребуетъ властно отвѣта
 Зовъ на сраженье—фабричный гудокъ.
 Улицы жаждутъ толпы, какъ голодные звѣри,
 Мигъ—и желанья насытятъ онѣ до конца...
 Что же ты медлишь въ блѣднѣющемъ скверѣ,
 Царь—въ потускнѣвшихъ лучахъ золотого вѣнца?

Рысь.

— „Да, я—царь! ты—сынъ столицы,
 Рабъ каменьевъ, рабъ толпы,
 Но меня въ твои границы
 Привели мои тропы.

„Здѣсь на улицахъ избита
Вашей поступью трава,
Здѣсь подъ плитами гранита
Грудь земная не жива.

„Здѣсь не стонуть гордо сосны,
Здѣсь не шепчетъ кругъ осинъ,
Здѣсь побѣденъ шумъ колесный
Да далекій гулъ машинъ.

„Но во мглѣ былого вѣка.
Въ годы юности моей,
Я знавалъ и человѣка
Звѣремъ межъ иныхъ звѣрей.

„Вы взмятежились, отпали,
Вы, надменные, ушли
Въ города стекла и стали
Отъ деревьевъ, отъ земли.

„Что жъ теперь, встрѣчая годы
Безпощаднаго труда,
Рветесь вы къ лучамъ свободы,
Дерзко брошенной тогда?

„Тамъ она, гдѣ нѣтъ условій,
Нѣтъ запретовъ, нѣтъ границъ,—
Въ мірѣ силы, въ мірѣ крови,
Тигровъ, барсовъ и лисицъ.

„Слыша крики, слыша стоны,
Вашу скорбную вражду,
Въ міръ свободы, въ міръ зеленый
Я, вашъ царь, давно васъ жду.

„Возвращайтесь въ лѣсъ и въ поле,
Освѣжить ихъ вѣтромъ грудь,
Чтобъ въ родной и въ дикой волѣ
Всей природы потонуть!“

4. КОНЬ БЛѢДЪ.

И се конь блѣдъ п сидящій на
немъ, имя ему Смерть.

Откровеніе, VI, 8.

I

Улица была—какъ буря. Толпы проходили,
Словно ихъ преслѣдовалъ неотвратимый Рокъ.
Мчались ѳмнибусы, кэбы и автомобили,
Былъ неисчерпаемъ яростный людской потокъ.
Вывѣски, вертясь, сверкали перемѣннымъ окомъ,
Съ неба, съ страшной высоты тридцатыхъ этажей;
Въ гордый гимнъ сливались съ рокотомъ колесъ и скокомъ,
Выкрики газетчиковъ и щелканье бичей.
Лили свѣтъ безжалостный прикованныя луны,
Луны, сотворенныя владыками естествъ.
Въ этомъ свѣтѣ, въ этомъ гулѣ—души были юны,
Души опьянѣвшихъ, пьяныхъ городомъ существъ.

II

И внезапно—въ эту бурю, въ этотъ адскій шопоть,
Въ этотъ, воплотившійся въ земныя формы бредъ,
Ворвался, вонзился чуждый, несозвучный топоть,
Заглушая гулы, говоръ, грохоты каретъ.

Показался съ поворота всадникъ огнеликій,
Конь летѣлъ стремительно и сталъ съ огнемъ въ глазахъ.
Въ воздухѣ еще дрожали — отголоски, крики,
Но мгновенье было — трепеть, взоры были — страхъ!
Быль у всадника въ рукахъ развитый длинный свитокъ,
Огненные буквы возвѣщали имя: Смерть...
Полосами яркими, какъ пряжей пышныхъ нитокъ,
Въ высотѣ надъ улицей вдругъ разгорѣлась твердь.

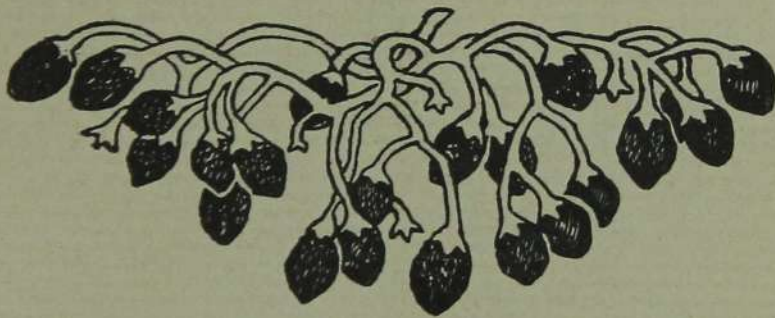
III

И въ великомъ ужасѣ, скрывая лица, — люди
То бессмысленно зывали: „Горе! съ нами Богъ!“
То, упавъ на мостовую, бились въ общей грудѣ...
Звѣри морды прятали, въ смятеньи, между ногъ.
Только женщина, пришедшая сюда для сбыта
Красоты своей, — въ восторгѣ бросилась къ коню,
Плача цѣловала лошадиныя копыта,
Руки простирала къ огневѣющему дню.
Да еще безумный, убѣжавшій изъ больницы,
Выскочилъ, растерзанный, пронзительно крича:
„Люди! Вы ль не узнаете Божіей десницы!
Сгибнетъ четверть васъ — отъ мора, глада и меча!“

IV

Но восторгъ и ужасъ длились — краткое мгновенье.
Черезъ мигъ въ толпѣ смятенной не стоялъ никто:
Набѣжало съ улицъ смежныхъ новое движенье,
Было все обычнымъ свѣтомъ ярко залито.

И никто не могъ отвѣтить, въ бурѣ многошумной,
Было ль то видѣнье свыше или сонъ пустой.
Только женщина изъ залъ веселья, да безумный
Все стремили руки за исчезнувшей мечтой.
Но и ихъ рѣшительно людскія волны смыли,
Какъ слова ненужныя изъ позабытыхъ строкъ.
Мчались џмнибусы, кэбы и автомобили,
Быль неисчерпаемъ яростный, людской потокъ.

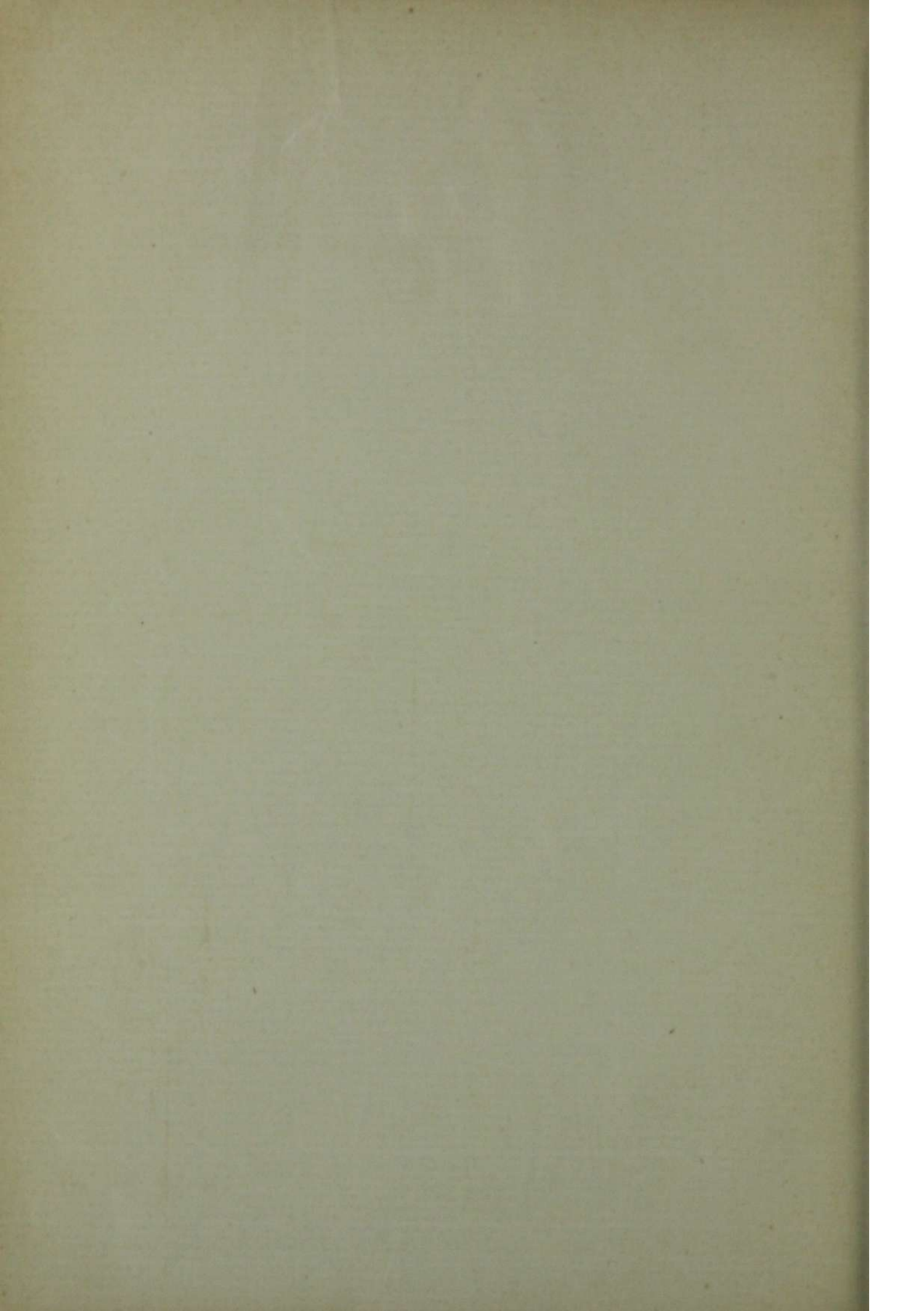

БИБЛІОГРАФІЯ.

БИБЛЮГРАФІЯ.

(1902—1905 г.).

I. Книги.

Письма Пушкина и къ Пушкину. Новые матеріалы, собранные подъ редакціей Валерія Брюсова. К-во „Скорпіонъ“. М. 1903.
— Urbi et Orbi. Стихи 1900—1903 г. К-во „Скорпіонъ“. М. 1903.
— Stephanos. Вѣнокъ. Стихи 1903—1905 г. К-во „Скорпіонъ“. М. 1906.

II. Сотрудничество.

А. Альманахи и сборники. „Сѣверные цвѣты“ на 1902, на 1903, на 1904—5 г. („Ассирійскіе“). К-во „Скорпіонъ“. М. 1902, 1903, 1905.—Альманахъ „Грифа“. К-во „Грифъ“. М. 1903.—Сочиненія М. Мэтерлинка. Изд. „Звѣзды“. Спб. 1903.—Сочиненія Шекспира. Изд. Брокгаузъ-Эфрона. Спб. 1904—5.

В. Журналы и газеты. Ежемѣсячныя Сочиненія. (1902—1904 г.)—Русскій Архивъ. (1902—1903 г.)—Міръ Искусства. (1902—1903 г.)—Журналъ для всѣхъ. (1902—1905 г.)—Почтальонъ. (1902)—Athaeneum. (1902—1905 г.)—Ребусъ. (1902—1903 г.)—Русскій Листокъ. (1902—1904 г.)—Новый Путь. (1903—1904 г.)—Бесѣда. (1903—1905 г.)—Вѣсы. (1904—1905 г.)—Вопросы Жизни. (1905 г.)—Искусство. (1905 г.)—Le Beffroi. (1906 г.)

С. Предисловія. Ив. Коневской. Стихи и проза. Предисловіе Валерія Брюсова. К-во „Скорпіонъ“. М. 1905.

III. Переводы.

Изъ стихотвореній, вошедшихъ въ этотъ томъ, были переведены:

А. На нѣмецкій языкъ. А. Эліасбергомъ: „Женщина“, „Первыя встрѣчи“, „Послѣдній пиръ“, „Въ склепѣ“, „Городъ

женщинъ“, „Терцины къ спискамъ книгъ“ („Russische Lyrik der Gegenwart“, deutsch von Alexander Eliasberg. München und Leipzig. R. Piper Verl. 1907). — Г. фонъ-Гюнтеромъ: „Пеплумъ“ („Die Lyrik des Auslandes in neuer Zeit“, herausg. v. Hans Bethge, Leipzig, Max Hesses Verl. *, „Воздухъ становится синимъ“ („Freistatt“ 1905 № 23), „Втируша“ („Litteratur Anzeiger für Russland“, 1906 № 1). — Максимилианомъ Шикомъ: „Побѣгъ“ („Das Neue Magazin“, 1904 № 5), „Прощальный взглядъ“. („Freistatt“ 1905 № 29). — Ф. Филлеромъ: „Лѣстница“, „Рабъ“, „Гиацинтъ“, „Дома“ (St. Petersburger Herald, 1906, июль—августъ). — Отто Гаузеромъ: „Лѣстница“ („Berliner Tageblatt“, 1903, 23 июля). — Артуромъ Лютеромъ: „Орфей и Эвредика“, „Конь Блѣдъ“ („St. Petersburger Zeitung“, 1906, 10 апрѣля).

В. На французскій языкъ. Г-жей Мари Ле-Гранъ: „Послѣдній день“ („Ecrits pour l'Art“, 1906 № 12.)

С. На латышскій языкъ. В. Эглитомъ: „L'Ennuie de vivre“, „Искушеніе“, „Италія“, „Парижъ“, „Миръ“, „In hac lastimatum valle“, „Городъ женщинъ“ „Послѣдній день“, „По улицамъ шумнымъ“ („Walerija Brusowa Poemas. Riga, 1904 г.). — Г. Вирза: „Орфей и Эвредика“ („Stari“ 1908 № 1.)

IV. Музыка.

Изъ стихотвореній, вошедшихъ въ этотъ томъ, были положены на музыку:

А. Гречаниновымъ. Двѣ музыкальныя картинки, ор. 35: „Палочка выручалочка“, „Сборщикъ на колоколь“ (Пѣсни: „Дѣтская“ и „Сборщиковъ“). Изд. А. Гуткейля. Мск.

И. И. Рачинскимъ. Музыкальныя иллюстраціи, ор. 16: „Зимніе дымы“, „Фабричная“ (Есть улица въ нашей столицѣ), „Левъ св. Марка“, „Чудовища“, „Рабыни“. Изд. П. Юргенсона. Мск.

С. Панченко. Три хора, ор. 40: „Яростныя птицы“, „Я иду“, „Мальчикъ“. Изд. П. Юргенсона. Мск. (Имъ же написана музыка къ стихамъ изъ сборника „Urbi et Orbi“: „Неколебимой истины“, ор. 42. Изд. П. Юргенсона. Мск.).

* Въ этой книгѣ г. Гюнтеромъ переведено также стихотвореніе „И когда меня ты убьешь“ (вошедшее въ I томъ „Путей и Переулковъ“) и „Ученикъ“ (изъ „Tertia Vigilia“).

Ю. Энгелемъ. „Каменщикъ“, ор. 6. Изд. П. Юргенсона. Мск.

В. Толоконниковымъ. „Каменщикъ“, ор. 31. Изд. А. Гутхейля. Мск.

Евг. Вильбушевичемъ. „Каменщикъ“, ор. 2. Изд. Н. Давингофа. Спб.

V. Критика.

Изъ критическихъ статей, посвященныхъ стихамъ этого тома, болѣе значительны:

А. Лютера. *Litterarisches Echo*, 1903, 1 марта.—Его же. *St. Petersburg Zeitung*, 1906, 10 апр.—Андрея Бѣлаго. „Поэзія Валерія Брюсова“. *Новый Путь*, 1904 № 7.—Его же. „Вѣнокъ Лавровый“. „Золотое Руно“. 1906 № 5—С. Венгерова. Статья въ „Энциклопедическомъ словарѣ“ Брокгаузъ-Эфрона, 1 дополн. полутомъ. Спб. 1905. — С. Маковского. „Образованіе“ 1905 № 9.—П. Струве. „Полярная Звѣзда“. 1906 № 14.—Е. Л—цкаго. „Вѣстникъ Европы“. 1906 № 4.—*Mercur de France*. 1906, 15 марта.—Н. Пояркова. „Поэты нашихъ дней“, Мск. 1907.—К. Чуковского. „Отъ Чехова до нашихъ дней“, Спб. 1908.—Ю. Каменева. „Литературный распадъ“. Спб. 1908.

Въ этомъ томѣ **не перепечатаны** слѣдующія стихотворенія (1903—1905 гг.), уже бывшія въ печати:

Изъ сборника „*Urbi et Orbi*“: „Солдатская“, „Образъ“, „Прелести земли“, „На скачкахъ“, „Зимняя Красота“, „Неколюбимой истинѣ“, „Юль 1903“, „В. И. Прибыткову“.

Изъ сборника „*Stephanos*“: „Умираніе любви“, „Къ Олимпійцамъ“, „Камни, полдень, пыль и молотъ“, „Къ Тихому океану“, „Призывъ“ („Золотое Руно“, 1906, № 1).

Кромѣ того, не перепечатаны стихотворенія переводныя.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стихи, появляющіеся въ печати въ первый разъ, отмѣчены звѣздочкой.

Предисловіе ко II тому.

РИМУ И МІРУ.

(1902—1903).

По улицамъ узкимъ, и въ шумѣ	2
Вступленія.	
Лѣстница	3
Послѣднее желаніе	4
У себя	5
Побѣгъ	6
Работа	7
Искатель	9
Нить Ариадны	10
Блудный сынъ	11
У земли	13
Въ отвѣтъ	15
Пѣсни.	
Фабричная	17
Фабричная	18
Дѣтская	20
Сборщиковъ	21
Дѣвичья	22
Веселая	23
Баллады.	
Рабъ	25
Пеплумъ	27
Рабыни	29

Помпейка	31
Адамъ	32
Путникъ	33
Въ сумракъ	36
Рѣшетка	37
У моря	38

ЭЛЕГИИ.

Женщинамъ	40
* Свиданіе	42
Въ ночномъ безлюдіи	43
Гиацинтъ	44
Въ Дамаскъ	46
Пытка	47
Эпизодъ	48
Таинства ночей	49
Прощальный взглядъ	50
Къ близкой	51
Одиночество	53

СОНЕТЫ И ТЕРЦИНЫ.

Отверженіе	55
Втируша	56
Женщина	56
Лѣсная дѣва	58
Mon rêve familier	60
Sancta Agatha	62
Терцины къ спискамъ книгъ	64

КАРТИНЫ.

Люблю одно	67
Раньше утра	68
Каменьщикъ	69
Мальчикъ	69
Зимніе дымъ	70
Царица	71
Прохожей	72
Годось часовъ	73

Чудовища	74
Оклики демоновъ	75
Ночь	76

А Н Т О Л О Г І Я .

Яростныя птицы	78
Сладострастіе	78
Въ раю	79
Сонъ	80
Ледъ и уголь	81
Теремъ	82
Знойный день	84
Облака	84
На песокъ	85
Колыбельная пѣсня	86
Презрѣніе	87
Къ устью!	88

О д ы и п о с л а н і я .

К. Д. Бальмонту	90
Ему же	92
Венеція	93
Левъ святаго Марка	94
Памяти И. Коневского	96
Андрею Бѣлому	97
Младшимъ	98
Юргису Балтрушайтису	99

Д у м ы .

L'ennui de vivre	100
Habet illa in alvo	103
Искушеніе	106
Италія	111
Парижъ	114
Міръ	118
In hac lacrimarum valle	121

П о э м ы .

Городъ женщинъ	124
Послѣдній день	128

ВѢНОКЪ.

(1904—1905).

Какъ страстно ты ждала отвѣта	134
Посвященіе Вячеславу Иванову	135

Вечеровыя пѣсни.

Привѣтствіе	137
Воздухъ становится синимъ	138
Помню вечеръ, помню лѣто	139
Туманъ	140
Голосъ прошлаго	141
Охотникъ	142
Цѣленіе	143
Прощаніе	144
Тишина	144
Первыя встрѣчи	145
Вечеръ послѣ дождя	146

На Саймѣ.

Меня, искавшаго безумій	148
Желтымъ шелкомъ	149
Въ дали благостно сверкающей	149
Мохъ да верескъ	150
Я упоенъ	151
Мы въ лодкѣ вдвоемъ	151
Голубое, голубое	152

Правда вѣчная кумировъ.

Къ Деметрѣ	153
Адамъ и Ева	154
Орфей и Евредика	156
Медея	158
Бальдеру Локи	161
Тезей Ариаднѣ	162
Ахиллесъ у алтаря	164
Орфей и аргонавты	165
Клеопатра	166
Антоній	168

ИЗЪ АДА ИЗВЕДЕННЫЕ.

Въ полдень	170
Портретъ	171
Жрицѣ луны	172
Жрицѣ луны	173
Кубокъ	174
Молнія	175
Въ застѣнкѣ	176
Видѣніе крыльевъ	177
Въ трюмѣ	178
Послѣдній пиръ	180
Въ скленѣ	181
Два голоса	182
Изъ ада изведенные	184
Маргеритъ	185

М Г Н О В Е Н І Я .

Костра расторгнутая сила	187
Мука сладострастія	188
Серафимовъ вереницы	188
Дай устами	189
Когда мы бывали	190
Изъ пѣсенъ Мальдуна	191

П О В С Е Д Н Е В Н О С Т Ъ .

Встрѣча	193
На улицѣ	194
Въ публичномъ домѣ	194
Въ ресторанѣ	196
Въ вагонѣ	197
Въ игорномъ домѣ	198
Крысоловъ	199
Послѣ пира	200
Гребцы триремы	202
Уличный митингъ	204

С О В Р Е М Е Н Н О С Т Ъ .

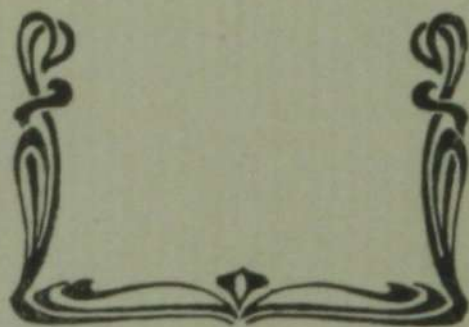
Кинжалъ	206
Одному изъ братьевъ	207

Война	208
На новый 1905 годъ	209
Къ согражданамъ	210
Цусима	211
Юлій Цезарь	213
Знакомая пѣснь	214
Довольнымъ	215
Ликъ медузы	216
Грядущіе гуины	217
Къ счастливымъ	219
Фонарики	220

П о э м ы.

Слава толпѣ	222
Духи огня	225
Въ скверѣ	228
Конь Блѣдъ	231
Библиографія	237

Виньетки Т. ванъ Риссельберга и Ф. Киофа.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СКОРПИОНЪ»

I. СТИХИ.

- К. Д. Бальмонтъ.** Полное собраніе стиховъ Томъ I. Ц. 2 р. Томъ II. Ц. 3 р.
- К. Д. Бальмонтъ.** Жаръ - Птица. Свирѣль славянина. Обложка К. Сомова (хромолитографія). М. 1907 г. Ц. 2 р.
- Александръ Блокъ** Нечаянная Радость. Второй сборникъ стиховъ. М. 1907 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Валерій Брюсовъ.** Пути и перепутья. М. 1908 Т. I. Ц. 2 р. Т. II. Ц. 2 р.
- Андрей Бѣлый.** Золото въ лазури. Первый сборникъ стиховъ. Обложка Н. Теофилактова. М. 1904 г. Ц. 2 р.
- Эмиль Верхарнъ.** Стихи о современности. Переводъ Валерія Брюсова. М. 1906. Ц. 1 р. 30 к.
- З. Н. Гиппиусъ.** Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Вячеславъ Ивановъ.** Прозрачность. Вторая книга лирики. Обложка Н. Теофилактова. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ив. Коневской.** Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій съ портретомъ автора. М. 1904 г. Ц. 2 р.
- Д. С. Мережковский.** Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Федоръ Сологубъ.** Собраніе стиховъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Оскаръ Уайльдъ.** Тюремная баллада. Переводъ К. Бальмонта. Обложка М. Дурнова. М. 1904 г. Ц. 50 к.

II. РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ.

- Валерій Брюсовъ.** Земная Ось. Разказы и драматическія сцены. М. 1907 г. 1 р. 50 к.
- Андрей Бѣлый.** Сѣверная симфонія. (1-я, героическая). Въ 4 частяхъ. М. 1904 г. Ц. 75 к.
- Андрей Бѣлый.** Кубокъ метелей. 4-ая симфонія. Обложка М. 1908 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Кнутъ Гамсунъ.** Съеста. Очерки и разказы. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1900 г. Ц. 1 р.
- М. Кузминъ.** Крылья. Повѣсть въ 3 частяхъ. Изданіе второе. Обложка Н. Теофилактова. М. 1907 г. Ц. 80 к.
- Эдгаръ По.** Собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта. Томъ II. Разказы, статьи. М. 1905 г. Ц. 1 р. 30 к.

Ст. Пшибышевскій. Собраніе сочиненій. Томъ I. Homo Sapiens Изд. второе. М. 1904 г. Ц. 2 р. 40 к. Томъ II. De profundis. М. 1905 г. Ц. 2 р. 40 к. Томъ III. Дѣти Сатаны. М. 1906 г. Ц. 1 р. Томъ IV. М. 1906. Ц. 1 р.
Федоръ Сологубъ. Жало смерти. Разказы. М. 1905 г. Ц. 1 р. 50 к.

III. ДРАМЫ.

Габріель д'Аннунціо. Трагедіи. „Мертвый городъ“, „Джіоконда“, „Слава“. М. 1900 г. Ц. 1 р. 25 к.
Кнутъ Гамсунъ. Драма жизни. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. Изданіе третье. М. 1907 г. Ц. 50 к.
Зигмунтъ Красинскій. Небожественная комедія. Пер. А. Курсинскаго. Изданіе второе. Ц. 60 к.
Морисъ Мэтерлинкъ. Пеллеасъ и Мелизанда и стихи. Переводъ Валерія Брюсова. М. 1907 г. Ц. 1 р.
Ст. Пшибышевскій. Вѣчная сказка. Пер. Е. Троповскаго. Обложка Брунелески. М. 1907 г. Ц. 1 р.
Оскаръ Уайльдъ. Флорентинская трагедія. Единственный авторизованный переводъ (съ рукописи) М. 1907 г. Ц. 80 к.

IV. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВЪ.

Валерій Брюсовъ. Лицейскіе стихи Пушкина. Къ критикѣ текста. М. 1907 г. Ц. 1 р.
Н. Лернеръ. Труды и дни А. С. Пушкина. Хронологическія данныя жизни Пушкина. М. 1903 г. Ц. 1 р.
Д. С. Мережковскій. Гоголь и чертъ. Изслѣдованіе. Обложка Н. Теофилактова. М. 1906 г. Ц. 1 р. 80 к.
Письма Пушкина и къ Пушкину. Новые матеріалы. Редакція и примѣчанія Валерія Брюсова. М. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к.

V.

Вѣсы. Ежемѣсячникъ искусствъ и литературы. Основанъ въ 1904 г. Подписная цѣна на годъ съ доставкой 5 р.

Полный каталогъ к-ва „Скорпіонъ“ и проспектъ журнала „Вѣсы“ высылаются по требованію бесплатно (Адресъ: Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23).

